LE

TÉMOIGNAGE DU CHRIST

ET

L'UNITÉ DU MONDE CHRÉTIEN

—

ÉTUDES PHILOSOPHIQUES ET RELIGIEUSES

PAR

ERNEST NAVILLE

GENÈVE

A. CHERBULIEZ ET Cie, LIBRAIRES-ÉDITEURS

PARIS

LIBRAIRIE FISCHBACHER, RUE DE SEINE 33

—

1893

Свидетельство Христа
и
Единство христианского мира

Философские и религиозные исследования

Эрнест Навиль

Доктор философии Цюрихского университета,
Почётный профессор Женевского университета,
Иностранный член Института Франции и Академии Палермо,
Почётный член Академии в Роверето,
Корреспондент Академии Савойи и Афинэума Венеции.

Женева, Париж
1893 год

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЧАСТЬ I. СВИДЕТЕЛЬСТВО ХРИСТА — 3
- I. Сверхъестественное и авторитет — 3
- II. Содержание свидетельства Христа — 10
- III. Доказательства свидетельства Христа — 15
- IV. Авторитет Христа — 22
- V. Христианская философия и вера — 26

ЧАСТЬ II. ЕДИНСТВО ХРИСТИАНСКОГО МИРА — 30
- I. Современные разделения христианства — 30
- II. Единство в вероучениях — 34
- III. Единство в нравственности — 37
- IV. Единство в чувствах — 41
- V. Признаки сближения — 47
- VI. Общие дела христианства — 61

ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ — 75

ПРИЛОЖЕНИЯ — 84
- I. О логических основаниях достоверности свидетельств — 84
- II. «Жизнь Иисуса» г-на Ренана — 90

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа, результаты которой изложены на следующих страницах, изначально была задумана лишь с целью установить смысл и законное применение двух идей, играющих значительную роль в современных философских дебатах: идеи авторитета и идеи сверхъестественного. Исследование, касающееся свидетельства Христа, показалось мне подходящим, чтобы пролить яркий свет на этот вопрос. Это исследование, без того чтобы я ожидал, привело меня к рассмотрению вопроса о разделениях в христианстве и о единстве, сохраняющемся под этими разделениями. Отсюда возникли две части настоящего труда. Эти две части не просто расположены рядом, они связаны органической связью, потому что именно принятие свидетельства Христа должно объединять христиан в общей вере, несмотря на то, что в остальном их разделяет.

Первая часть работы относится к апологетике, возможно с некоторыми новыми взглядами, вытекающими из моих философских исследований важности свидетельства и роли гипотезы в построении науки. Вторая часть имеет в наши дни значительный интерес, который невозможно игнорировать, если обратить внимание на следующие соображения:

Духовные верования всегда были предметом сомнений и отрицаний; однако интенсивность этих сомнений и отрицаний варьируется в разные эпохи. Сейчас человеческая мысль переживает один из тех острых кризисов, которые периодически возникают в её истории. Материализм, который полвека назад казался побежденным, ныне переживает возрождение. Он опирается на достижения физиологии, на постепенное сведение жизненных функций к законам всеобщего механизма; он смело, хотя и не очень научно, преодолевает пропасть между материальными явлениями и проявлениями духа. Атеизм обосновался в учении эволюции, которое бесспорно ценно, если его придерживаться в пределах разумного, но которое подвергается дискредитации у тех, кто заявляет, что человек произошёл от животного, а животное — от неорганической материи, в результате действия закона, принятого за причину, без участия какого-либо направляющего начала.

Изучение религий и их истории приводит многих мыслителей к мнению, что религиозные верования — лишь временные и локальные продукты развития человеческого духа, простое проявление психических феноменов, не имеющих объективной реальности. Можно сказать, что образовались три основные «атакующие колонны», которые обрушиваются на древние укрепления веры. Под ударом оказываются не только религиозные верования и философский спиритуализм (духовность). Основы нравственности разрушаются. Моральное обязательство — высшая из властей, поскольку оно устанавливает прямую связь человека с принципом его бытия — подвергается абсолютным отрицаниям. Скептические труды сеют сомнения, которые распространяются даже на реальность долга, на различие добра и зла. Вредоносные, развратные, часто мерзкие произведения возбуждают худшие страсти сердца и чувств.

Верно, что доктрины, противоположные основам духовных верований, дискредитируются своими крайностями и вызывают подозрение у тех, кто не принимает смелость утверждений за доказательство их истинности. Верно, что уважаемые философы и учёные легко доказывают, что истинные научные результаты не имеют ничего общего с отрицаниями, навязанными им путём искажения. Верно, что беспорядок в нравах и аморальность плохой прессы вызывают реакцию, которая становится всё сильнее и недавно приняла обнадёживающие размеры.

Всё это правда, и на горизонте современной мысли появляются знаки, дающие надежду. Однако остаётся несомненным, что поток безрелигиозности поднимается, подобно грозному приливу, и охватывает все слои общества. Усилия добросердечных людей, которые

пытаются воздвигнуть против него преграды, свидетельствуют о серьёзности опасности. Возрождение атеизма, который таился в самом позитивизме, несомненно, одно из заметных явлений нашего времени.

В такой ситуации христиане всех церквей, философы, приверженные духовным доктринам, все, кто находится под прямым или косвенным влиянием Евангелия, должны осознать необходимость сосредоточить свои силы. Они должны, не отказываясь от своих частных взглядов, объединиться в защиту дела, которое для них общее — религии в самом широком смысле этого слова. В этой борьбе люди делятся на два легко различимых класса. Одни не видят ничего за пределами земного горизонта и заботятся только о своих временных интересах или, если у них есть сердце, об интересах временных для человечества. Другие, несмотря на разнообразие своих взглядов, разделяют общее чувство и общую надежду. Они чувствуют, что нынешняя жизнь — та, что между колыбелью и могилой — недостаточна для желаний их души и устремлений их совести; они смотрят в сторону иной родины, иной земли, где будет царить справедливость.

Когда страна оказывается под угрозой потери независимости со стороны мощных соседей, нередко граждане разных партий прекращают распри и объединяют усилия для спасения родины. Не должно ли быть так же, когда речь идёт о защите великих доктрин, лежащих в основе надежд на вечную родину? И что же мы видим? Состояние христианства печально напоминает положение иудеев, запертых в Иерусалиме, которые продолжали биться друг с другом, когда римские войска осаждали город. Сколько сил, которые могли бы быть использованы лучше, тратится на споры, имеющие реальный, но второстепенный интерес в текущем состоянии дискуссий! Сколько сражений между верующими, разделёнными враждебными партиями, — сражений, которые открывают широкие бреши для противников их общей веры!

Если бы христиане разных церквей и философы, верящие в душу и Бога, на время приостановили свои разногласия в осознании серьёзности обстоятельств и объединили усилия для отражения разрушающих учений, угрожающих моральной жизни людей и обществ, какую силу для продвижения добра и истины могло бы дать их согласие!

Желание внести свой посильный вклад в достижение такого желаемого результата и побудило меня написать следующие страницы.

Женева, февраль 1893 года.
Эрнест Навиль

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. СВИДЕТЕЛЬСТВО ХРИСТА

Авторитет Христа основывается на сверхъестественном свидетельстве — таково утверждение, развитие которого содержится в следующих страницах. Чтобы это утверждение было понято в своем смысле и объеме, необходимо уточнить значение двух терминов: «сверхъестественное» и «авторитет». Это и будет предметом следующей главы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ И АВТОРИТЕТ

Что такое сверхъестественное? То, что превосходит природу. Это определение предполагает, что понятие «природа» уже определено. Я припоминаю, что читал у одного известного писателя такой довод: природа — это всё, что существует, следовательно, ничего сверхъестественного быть не может. Это — элементарная очевидность. Если природа — это всё, то сверхъестественного быть не может, по простой причине, что вне

всего нет ничего. Но люди, говорящие о сверхъестественном порядке, признают его существование и придают слову «природа» иной смысл, отличный от значения «всего сущего». Этот довод несерьезен, он даже не является софизмом.

Если обратиться к этимологии, слово «природа» обозначает то, что рождается. Значит, это то, что было создано, в противоположность вечному принципу всего сущего; но термин редко употребляется в этом смысле. В одном из самых частых значений слово «природа» обозначает физический мир и живой мир растений и животных, за исключением человека. В этом смысле говорят о естественных науках, противопоставляя их наукам о человеке. В рассматриваемом здесь обсуждении слово «природа» имеет более широкий смысл. Оно обозначает — как в материальном мире, так и в мире моральном — порядок вещей, установленных обычным опытом, совокупность явлений, подчиняющихся законам, открытым наукой.

Например, в физике всемирное тяготение — это закон природы, закон настолько подтверждённый, что кажется обладающим всей той достоверностью, которой способен достичь человеческий разум. В биологии считается, что смерть — это окончательное явление, то есть организм, действительно умерший, никогда не возвращается к жизни. Для обычного опыта это закон природы, столь же установленный, как и закон всемирного тяготения. В психологии можно с уверенностью, без риска серьезного оспаривания, утверждать, что стремление к счастью — одна из основных характеристик человечества, и что человек не встречает в наблюдаемых условиях своего существования идеал, к которому он стремится. Для подтверждения этой мысли можно привести множество аргументов из сочинений древних и современных пессимистов.

Факт, отклоняющийся от хорошо установленных законов, которые для нас являются законами природы, был бы исключением; и если это исключение реально, а не просто видимо, оно было бы сверхъестественным в том смысле, что должно рассматриваться как проявление порядка вещей, отличного от того, что констатируется обычным опытом природы. При утверждении фактов такого рода разум может занять две позиции. Первая — отрицать реальность этих фактов. Это отрицание, при определённых пределах, является результатом законной экспериментальной индукции. Физика и физиология сейчас объясняют многие явления, которые наши предки считали чудесами. Наука постепенно исключает чудеса из исторических рассказов, предоставляя естественные объяснения событий, которые поначалу казались выходящими за рамки природы. Но каков будет результат индукции, остающейся в своих легитимных пределах? Это будет требование доказательств, соответствующих исключительному характеру утверждаемых фактов.

Если пойти дальше и заявить, что сверхъестественные факты невозможны, откуда исходит такое утверждение? Это может быть результатом частой ошибки человеческого разума, который бесконечно продолжает ход мысли, не учитывая того, что должно его ограничивать. Это одна из тех необдуманных индукций, которые история науки знает в изобилии. Но чаще отрицание возможности сверхъестественных фактов является выводом, исходящим из идеи, что законы природы не просто общие, что является постулатом науки, но необходимы. Откуда берётся мысль о такой необходимости? Из опыта? Нет. Все экспериментальные данные по своей сути случайны; переход от общности явлений к идее их необходимости — серьёзная ошибка. Есть даже некоторая наивность у некоторых сторонников эмпиризма, которые утверждают, что опыт — единственный источник знания, и одновременно провозглашают необходимость законов природы, как будто идея необходимости могла бы быть опытным данными.

Для логического ума утверждение необходимости этих законов может быть только следствием определённой концепции существования мира. Эта концепция предполагает в

корне Вселенной принцип, развитие которого необходимо. Это философия идеализма, называемая в религиозной терминологии пантеизмом. Согласно этой доктрине, Бог — не имя существа, отличного от своих произведений; это просто имя универсального бытия; Бог — ничто сам по себе, потому что Он есть всё. Иными словами, Он имманентен миру в смысле, исключающем Его трансцендентность. Следовательно, мир есть непрерывное и необходимое развитие единого принципа, и идея какого-либо сверхъестественного становится недопустимой.

Если исходить из иной философской концепции, приходят к другим результатам. Для того, кто верит в существование свободного Бога — Творца, который имманентен миру, существующему только по Его воле, но при этом остаётся трансцендентным по отношению к этому миру, поскольку Его сила никогда не истощается в Своих действиях, ничто не препятствует мысли о том, что эта сила может проявляться вне обычных законов, которые Он установил. Вопрос о сверхъестественном остаётся открытым. Те, кто закрывают этот вопрос, всегда находятся под влиянием системы взглядов, природу и последствия которой они, возможно, не вполне осознают. Вот в этом отношении факт, показавшийся мне значимым:

М. Ревиль, обращаясь к слушателям Коллеж де Франс в начале своего курса по истории религий, сказал им: «С научной точки зрения, с которой я исходу, я не обязан ни избегать, ни разрешать вопрос о сверхъестественном, потому что научно он даже не ставится, он не может ставиться. Что такое наука? Это знание и объяснение группы фактов. А что есть их объяснение? Это указание средних звеньев, которые связывают их, позволяя логически переходить от одних к другим по непрерывной цепочке. Но как только вмешивается сверхъестественное, цепочка разрывается, обязательно прерывается, и невозможно связать разорванные нити друг с другом. Следовательно, наука и вмешательство сверхъестественных сил — это две взаимно не сводимые величины, которые уничтожают друг друга при соприкосновении. Как только появляется одно, другое должно непременно исчезнуть». Вот что очень ясно.

Наука по самой своей идее содержит априорное отрицание возможности сверхъестественного. Прочитав эти строки, можно удивиться, обнаружив на следующей странице того же текста: «Я не говорю вам, что наука борется или подтверждает сверхъестественное, я лишь говорю, что она его игнорирует». Как же наука может одновременно отрицать сверхъестественное, уничтожать его и при этом игнорировать? Нельзя игнорировать то, что отрицаешь, так же как нельзя отрицать то, что игнорируешь; но оставим этот нюанс. Почему, как только появляется наука, сверхъестественное должно исчезнуть? Потому что наука стремится переходить от одного факта к другому через непрерывную цепочку, находя в предпосылках явления его логическую, то есть необходимую, причину появления. Но такое понимание науки, являющееся постулатом изучения неодушевлённой материи, не может быть провозглашено универсальной истиной, не отрицая свободу — как человека, так и Бога. Для последовательного детерминизма любое свободное действие является сверхъестественным.

Те, кто не признаёт, что постулат физики должен быть универсальным правилом наших убеждений, скажут вместе с одним современным мыслителем: «Идея сверхъестественного — это ничто иное, как идея свободы Бога и использования Богом Своей свободы в отношениях с людьми». Детерминистская концепция универсальной науки включает отрицание как человеческой свободы, так и свободы Божьей. Так именно это понимают противники свободы воли, либо полностью её отрицающие, либо, как Кант, утверждающие её, но выносящие за пределы науки; однако некоторые писатели, по-видимому, этого не понимают. Есть философы и теологи, которые, не отрицая свободу Творца, противопоставляют идею Его мудрости идее вмешательства в мир. Это характерно для

деизма в значении, данном этому слову словарём Французской академии. Говорят, что только неумелый мастер нуждается в том, чтобы исправлять своё творение. Этот аргумент был бы приемлем, если речь шла бы о чисто механическом творении, например часах и часовщике; но он не имеет никакой силы в области моральных и религиозных вопросов.

В этой области вмешательство Бога не рассматривается как изменение Его собственного творения, а как следствие действий свободного создания. Нельзя путать идею сверхъестественного с капризом или произволом. То, что называется сверхъестественным, может означать вмешательство силы, реализующей в рамках некоторого порядка законов законы более высокого порядка. Например, один из основополагающих законов морального порядка — закон справедливости, согласно которому грех должен повлечь наказание. Христиане не понимают вмешательство Бога ради спасения людей как дело каприза или произвола, но как проявление закона любви и милосердия, выражающего сущностную природу Божественного бытия. В их представлении Высшее Добро, проявившееся через сотворение свободных существ, проявляется в Искуплении, которое исправляет отклонения свободного выбора создания. Грех создания разделил, но не уничтожил единственный луч вечной любви.

Мне ещё предстоит вернуться к этой теме. Пока же речь не идёт о доказательстве реальности сверхъестественного порядка, тем более о его содержании, а лишь об уточнении представления о нём, каким оно существует в умах тех, кто его принимает.

Перейдём к понятию авторитета.

Авторитет — это свойство того, что навязывается: в действиях — в порядке воли, в мыслях — в порядке разума. Здесь речь идёт об авторитете в области разума. Индивидуальное мышление, по своей спонтанности, порождает множество суждений — верных или ложных. Речь идёт о материальных явлениях? Чувственное восприятие исправляет ошибочные суждения. Я вижу на горизонте белые массы, чьи вершины отражают солнечные лучи; я считаю, что это снежные вершины Альп. Эти объекты движутся и меняют форму; я признаю, что моё суждение было ошибочным — я принимал облака за горы. Речь идёт о психических явлениях? Исправление ложных суждений также происходит через восприятие реальностей. Я иду на собрание в надежде найти там удовольствие, а нахожу скуку — моё ожидание было ошибочным и исправляется.

Так, как в области материальных, так и в области психических явлений, суждения индивидуального мышления подчинены авторитету опыта, который их отвергает или подтверждает. К авторитету опыта присоединяется авторитет разума. Индивидуальное мышление может ошибаться в области идей и фактов; оно находит своё руководство в непосредственной очевидности первых принципов или в опосредованной достоверности доказательств. Примеры такого авторитета разума наиболее наглядны в математике. Мне приходит в голову, что квадрат от половины отрезка будет равен половине квадрата от всего отрезка. Элементарное геометрическое доказательство убеждает меня в обратном: квадрат от половины отрезка — это четверть, а не половина квадрата от всего отрезка.

За исключением совершенных скептиков, которых, если они существуют, было очень мало, все признают, что свобода индивидуального мышления ограничена опытом и разумом. Но отвергается как недопустимый авторитет то, что навязывается без личного опыта или без личного применения разума. При этом забывают, что существует ещё один важный источник наших знаний — свидетельство. Я думаю, что с одной из вершин горы Юры, которую я вижу перед собой, виден город Лион. Путешественники, которые спускаются с этой вершины, говорят мне, что я ошибаюсь — Лион не виден, потому что город скрыт холмом. Я исправляю своё неправильное предположение не рассуждениями и не личным восприятием,

как сделал бы, если бы сам поднялся на вершину, а на основе доверия к прямому свидетельству. Я совершаю историческую ошибку, помещая факт вне его даты; историческая книга, известная своей точностью, выявляет мою ошибку. Я исправляю ошибочное утверждение, доверяя передаче, считающейся точной, первоначальных свидетельств, признанных достоверными.

Нужно немного подумать, чтобы понять: даже для людей с самым активным умом личная часть знаний составляет лишь бесконечно малую долю. Следовательно, свидетельство должно занять своё место наряду с личным опытом и разумом как третий источник знания, и этот источник имеет огромное значение. Уверенность, производимая свидетельством, по своей природе отличается от той, что даёт личный опыт и разум, но не уступает им по степени надёжности. Рассказы путешественников и историков часто имеют разную степень вероятности, однако существуют исторические и географические факты, в которых не сомневаются не меньше, чем в надёжно установленном физическом явлении или хорошо доказанной геометрической теореме.

Существование Америки, в которую я не ездил, для меня так же достоверно, как существование страны, где я живу, и я не сомневаюсь в существовании Юлия Цезаря или Наполеона больше, чем в собственном существовании. Однако сначала свидетельство даёт лишь простую вероятность, но оно переходит в уверенность через трансцендентальную операцию мышления. Эта операция — обычная функция человеческого разума; она лежит в основе не только исторических наук, но и физики, а также математики. Когда свидетельство признано достоверным, его авторитет становится абсолютным. В области идей мы имеем право отвергать суждения, противоречащие законам разума, но никогда не имеем права отрицать факт только потому, что он, кажется, противоречит законам, установленным наукой, которая всегда неполна и подвержена ошибкам.

Мнение части учёных в этом отношении претерпело заметные изменения. Около сорока лет назад факты, утверждаемые магнетизёрами, учёные в целом отвергали целиком. Было так много проверенных случаев иллюзий и обмана, что решили отвергнуть все свидетельства такого рода феноменов. Сегодня благодаря исследованиям гипнотизма многие учёные утверждают факты настолько странные, что их предшественники не согласились бы даже рассматривать их. В газетах и журналах множатся утверждения, которые раньше вызвали бы лишь ироническую улыбку. Некоторые из них вызывают законные сомнения и оговорки, и порой у некоторых учёных критика сменяется излишней доверчивостью; но, вычтя вероятные или возможные ошибки, остаётся достаточно хорошо задокументированных странных фактов, чтобы можно было говорить о прогрессе логики в общем мышлении.

Теперь лучше понимают, что наблюдение — основа науки, что никакая систематическая концепция не может законно противоречить свидетельству факта, что только прямое противоречие может служить основанием для априорного отрицания утверждения, и что невероятность, какой бы степени она ни была, и невозможность не должны смешиваться. Таким образом авторитет свидетельства восстанавливается во всей своей полноте. Как я уже говорил, доказательства ценности свидетельства должны быть пропорциональны природе утверждений. Речь идёт об обычных фактах, имеющих правдоподобный характер? Достаточно обычного свидетельства. Во время сильной грозы я несколько раз видел молнию; мне сообщают, что она подожгла дом — я принимаю это без труда.

Речь идёт о весьма необычном событии? Я становлюсь осторожным и требую свидетельств исключительной силы. Мне сказали, что молния, ударившая по шале на горе Салев, сварила два металлических предмета в кармане пастуха, при этом пастух не почувствовал никакой боли. Этот факт не невозможен, так как в нём нет внутренних противоречий; но он мало согласуется с известными законами физики и физиологии. Чтобы принять его, мне

недостаточно повторного, передающегося из уст в уста свидетельства неизвестной ценности, мне нужны доказательства, пропорциональные странности рассказа. Однако в этом отношении существует, если не исключение, то, по крайней мере, объяснение: правдоподобие факта склоняет к его принятию без труда; но бывает, что правдоподобие снижает ценность утверждения. Почему? Вероятный факт легко предположить, и легко перейти от идеи того, как должно было быть, к утверждению, как было.

Кто-то говорит, что вещи должны были произойти определённым образом. Один из слушателей повторяет его слова с некоторыми изменениями, заменяя «должно было быть» на «было». Подобных примеров много. Один из самых известных — утверждение о самоубийстве Руссо, которое не имеет серьёзной основы, но обрело доверие, так как характер гражданина Женевы делал его правдоподобным. Во всех подобных случаях происходит предположение, которое незаслуженно превращается в утверждение. Тогда правдоподобие рассказа не должно делать его легко принимаемым. Но если речь идёт не о рассказе, который мог быть искажен, а о прямом и первичном свидетельстве, правило оценки таково: его ценность должна быть тем больше, чем дальше факт утверждения удаляется от обычного хода вещей, установленных опытом.

Итак, индивидуальное мышление подчинено трём авторитетам: опыту, разуму и свидетельству. В чём же состоит свобода мысли? В освобождении от недопустимых авторитетов и подчинении законным авторитетам. Это должен быть результат критики в самом широком смысле слова. Однако есть умы, стремящиеся к безграничной свободе, которые не желают подчинять никаким правилам упражнение своего интеллекта. Они не хотят обладать истиной, потому что обладание истиной ставит предел их умственным странствиям — странствиям, которые дают им чувство силы и свободы.

Это настроение выражено словами Лессинга: «Ценность человека не в том, что он обладает истиной или верит, что обладает ей, а в том честном труде, что он приложил, чтобы её достигнуть. Потому что не обладание, а поиск истины увеличивает силы; обладание делает вялым, ленивым, гордым. Если бы Бог держал в правой руке всю истину, а в левой только непрестанный поиск истины, даже с условием всегда ошибаться, и Бог сказал мне: «Выбирай», я скромно выбрал бы левую руку и сказал: «Дай, Отче, ибо чистая истина — только для Тебя одного». Ошибочно было считать эти слова сходными с известным высказыванием Александра Винета: «Истина без поиска истины — только половина истины».

Пассивно принятое учение, без личных усилий мысли, не приносит плодов и может быть лишь бессмысленным повторением запомненных формул. Поиск истины — условие её плодотворного владения; но Винет, без сомнения, резко отверг бы выбор немецкого философа, который отказался от обладания истиной ради удовольствия в вечном поиске, даже с условием всегда быть в заблуждении. Можно даже сказать, что он сделал это прямо, когда написал: «Протестант — это человек, который исследует, прежде чем подчиниться». После этого определения он добавляет: «Видно, что мы не зашли так далеко, как тот писатель, который недавно утверждал, что подчиняться после исследования противоречит свободе, и что те, кто исследует, чтобы поверить, то есть кто ищет, чтобы найти, и идёт, чтобы прийти, обречены на позорное рабство духа».

Не следует судить о Лессинге по неудачным фразам, которые, возможно, выходили за пределы его настоящей мысли. Вероятно, он не осознавал, что его скромная просьба на самом деле является проявлением гордыни духа, который желает ни к чему не привязываться, чтобы свободно парить над всеми доктринами и гордо наслаждаться своей мнимой независимостью. Как понять поиск, направленный к цели, которую объявляют недостижимой? Отказаться от обладания истиной — значит запретить мышлению исполнять

его законную функцию — искать истину и удерживаться на ней, когда она обнаружена. Можно понять и уважать скептицизм, рождающийся из разочарования после безрезультатных поисков; но предвзятый скептицизм, который любят считать силой, высшим проявлением свободы, на самом деле — худшее из рабств.

Свобода, понимаемая таким образом, в области разума есть то же, что в обществе — вседозволенность. Это болезнь мысли, проявляющаяся в разной степени. Вот любопытный пример интенсивности этой болезни: Знаменитый хирург и профессор Пирогов, который в конце карьеры занимался педагогикой и был попечителем народного просвещения в Киеве, писал в своих посмертных воспоминаниях: «Среди молодёжи в последние времена встречались люди, которые не хотели терпеть мысль о подчинении мысли какому-либо ограничению, даже если речь шла о признании того, что дважды два — четыре. "Моя мысль свободна," — утверждали они. "Если я захочу — приму математическую аксиому, если не захочу — не приму». Им даже в голову не приходило, что такое отклонение мысли и воли — страшная болезнь, которую каждый должен остерегаться развивать в себе, если не хочет закончить самоубийством или приютом для душевнобольных».

Это крайний и редкий случай. Людей, которые отказываются подчинять свой ум математическим доказательствам или физическим экспериментам, несомненно, мало. Но сколько современных писателей, которые, когда дело касается духовного порядка, понимают свободу мысли как освобождение от всяких правил, и для которых (что удивительно!) отрицание истины приобрело характер догматической уверенности. Свобода мысли проявляется в поиске истины, а истина — это согласие мысли со своей нормой, то есть подчинение законным авторитетам. Противопоставление свободы и авторитета реально, когда речь идёт о недопустимых авторитетах; но понятое в общем и абсолютном смысле оно абсолютно ложно. Это становится очевидным, как только ясно, что разум, как и воля, должен искать свой закон, и вне этого поиска он теряет смысл своего существования.

Свидетельство демонстрирует на конкретном примере ошибочность данного противопоставления. Свидетельство принимается актом доверия. Это доверие может быть осознанным или неосознанным; оно может быть разумной верой или слепой доверчивостью, но во всех случаях по своей сути свободно. Принудительное доверие — противоречие в терминах. И вот результат этой свободы мысли — возникновение авторитета, который принадлежит достоверным свидетельствам. Доверие, посредством которого устанавливается солидарность умов, предлагает примирение тех двух понятий, чьё абсолютное противопоставление является серьёзной ошибкой: свободы и авторитета.

Теперь я перехожу к непосредственному объекту моего исследования — свидетельству Христа. Сначала нужно определить содержание этого свидетельства, затем рассмотреть доказательства его достоверности.

ГЛАВА II. СОДЕРЖАНИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ХРИСТА

Учение Иисуса Христа, как и всех основателей религий, отличается по методу от учений философов. Иисус Христос иногда рассуждает; но рассуждение у Него относительно редко и никогда не служит основой Его утверждений. Он учил с авторитетом, как отмечают трое евангелистов. Он говорил о Себе, что Он — свет миру. Истинный философ просит своих слушателей стать учениками истины, а не его самого; Иисус же призывает слушателей стать Его учениками. Вместе с тем Он отвергает личный авторитет, если он не является результатом Его единения с Богом, Его прямых отношений с миром, превосходящим обычный опыт. Такая позиция Его мысли становится понятной, когда отмечено, что Он представляет Себя свидетелем божественных вещей. Так Его предсказал Иоанн Креститель, говоря о Нем: «Тот, кто пришел с неба, выше всех, он свидетельствует о том,

что видел и слышал». В разговоре с Никодимом Иисус указывает на источник Своего учения такими словами: «Мы говорим то, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели».

В одном из самых торжественных моментов Своей жизни, когда Он предстал перед Пилатом, отвечая римлянину, спрашивавшему о природе Его миссии, Он сказал: «Я пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине». Он не просто говорит, что свидетельствует о истине, но утверждает, что свидетельство — цель Его прихода в мир. Вот почему святой Павел, побуждая своего ученика Тимофея не стыдиться учения Евангелия, называет это учение «свидетельством Господа нашего». Также он пишет коринфянам, что среди них подтвердилось «свидетельство Христа». Отсюда понятно, почему Христос не основывал Своё учение на рассуждениях. Понятна природа авторитета, который Он себе приписывает — авторитет свидетеля, способного сообщать о божественных вещах, потому что Он имеет непосредственное знание о них. Попытки искать истоки учения Христа в греческой философии, восточных учениях или таинственных, сокровенных традициях сопровождаются большими трудностями, так как пришлось бы считать плотника из Назарета ученым или посвященным, что совершенно неправдоподобно.

Однако любое мнение по этому вопросу не меняет сути утверждений Христа. Его авторитет остаётся тем же — будь Он автором доктрины в абсолютном смысле, или же утверждает мысли, которые в некоторой мере являются результатом предшествующих работ или посвящений человеческого духа, обладая при этом безусловным и прямым знанием. Каково содержание свидетельства Христа? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обобщить Его учение, выделив основные положения. При этом возникает предварительный вопрос: какое право имеют те, кто берётся за такое обобщение, судить, что в религии главное, а что второстепенное? Здесь имеется недоразумение, которое следует развеять или предотвратить. Это недоразумение состоит в том, что тому, кто хочет различить основные и второстепенные истины, приписывают претензию на авторитет, подобный тому, какой католики признают за вселенскими соборами или папой. Это не о том речь.

Ни один историк философии не боится выделять в учениях Платона или Аристотеля, Декарта или Канта самые важные доктрины и те, значение которых меньше. Почему такой же труд нельзя проделать с словами Иисуса Христа? Можно опасаться, что влияние личных взглядов, то есть субъективный элемент, исказит ценность такого исследования; но существуют способы придать ему серьёзную объективность — я укажу два из них: Первый — обращать внимание на повторяемость идей: утверждения, к которым возвращаются чаще всего, — те, которым придают наибольшее значение. Например, легко убедиться, что Иисус Христос придаёт религиозное значение лишь тем действиям, которые исходят из сердца и совести, исключая всё, сделанное из личной выгоды или тщеславия; это один из ключевых моментов Его учения, на котором Он особо настаивает.

Второй — учитывать обстоятельства, при которых произносятся слова. Когда Иисус начинает Своё учение, обращаясь к слушателям, собравшимся на горе, или когда прощается с учениками, естественно думать, что в эти моменты Его слова имеют особую важность. Используя эти два способа, которые при необходимости корректируют слишком субъективные оценки, можно, не претендуя на какой-либо авторитет, с разумным основанием попытаться обобщить учение Христа и кратко изложить содержание Его свидетельства. Я попытаюсь сделать это, указав главные религиозные утверждения, которые Новый Завет приписывает Ему. Эти утверждения содержат точные доктрины, хотя, как справедливо замечает профессор Фредерик Годе, они сильно отличаются от параграфов догматики или статей церковного вероучения.

В момент, когда Он собирался расстаться со Своими учениками, Иисус сказал им: «В доме Отца Моего обителей много». Эти слова имеют для Него огромное значение, поскольку они

служат средством утешения учеников, чьё сердце тревожится естественным страхом перед потерей Учителя. Здесь утверждается реальность, существование того, что Христос называет домом Отца Своего. Если пояснить эти слова с учётом последующих объяснений, они выражают в сжатом виде основы всеобщей религии. Всеобщая религия с точки зрения веры — это утверждение, что есть нечто над и за земной жизнью. Понятия «над» и «за» встречаются во всех религиях, но зачастую они неполны, неясны или сильно искажены. Иисус учит, противопоставляя идолопоклонству, что над миром есть один Бог; и, называя Его Отцом, указывает на доброту как один из Его основных атрибутов. Он противопоставляет грубым или нечистым представлениям о загробной жизни идею святого общества, в которое не войдёт ничто нечистое или осквернённое.

Законом этого общества является взаимная любовь, которая побуждает каждого заботиться о благе других, отказываясь от эгоизма; это Царство Небесного Отца, желающего добра всем Своим детям. Это духовное общество должно начаться на земле и расцвести на небе. Цель религии — подготовить души к их будущей судьбе, развивая в условиях земной жизни семена божественной жизни. Основные элементы христианской веры сходятся в едином замысле, к которому всё направлено — подготовке к вечной жизни. Бог — любовь; это фундамент всего учения. Создание мира — не необходимое развитие Его сути, а акт свободного Создателя, призывающего свободных существ участвовать в Его блаженстве посредством исполнения Его воли. Создание предназначено для счастья духовного общества. Оно проявляет славу Божию, но эта слава — проявление и сияние высшей Добродетели.

Любовь, то есть посвящение каждого к общему благу, в котором заключено и собственное благо, — есть добро в своей сущности, высший закон Царства Божия, поскольку это исполнение замыслов вечной Любви. Если это так, легко заметить, что человечество не находится в порядке. Воли людей не направлены естественно на общее благо. Эгоизм у некоторых принимает ужасные размеры; при этом существуют и естественно сострадательные и добрые сердца; но с точки зрения абсолютного закона эгоизм — естественное свойство человеческого сердца. Поскольку эгоизм противоречит закону Царства Небесного, подготовка к вечной жизни требует изменения направления воли, обращения, которое Иисус Христос в разговоре с Никодимом называет новым рождением.

Перед этим условием вступления в Царство Небесное человек может испытать двойное уныние, рожденное осознанием своих грехов и своей слабости; он чувствует себя виновным, бессильным, нравственно больным. Иисус Христос приходит как посланник Божий — врач исцелять болезнь греха. Против уныния, рожденного сознанием вины, Он предлагает обещание прощения, будучи его носителем. Он отдаёт жизнь за друзей; Его кровь проливается ради отпущения грехов; и в торжественном обряде, который ученики должны совершать в Его память, Он желает напомнить, что главным в Его деле была добровольная смерть ради спасения мира. Против уныния, вызванного осознанием слабости, Иисус исцеляет обещанием благодати, помощи Святого Духа — источника утешения и силы. После покаяния, символом которого является крещение водой, грешник должен получить крещение духа, результатом которого является освящение.

Жизнь эгоизма заменяется жизнью Христа, жизнью любви. Так открывается дверь Царства Небесного, казавшаяся закрытой под тяжестью бед человеческой природы. Создание, искупление, освящение — вот три великих идеи, в которых сжимается учение Евангелия. Этот краткий обзор не является произвольным; сам Иисус дал его нам в формуле крещения. Имя Отца пробуждает мысль о творческом акте, направляемом любовью; имя Сына направляет размышления к Искуплению; имя Святого Духа напоминает нам об освящении, которое является целью искупительной работы. Эти три доктрины связаны явной нитью с одной мыслью: подготовкой в течение земной жизни к жизни вечной. Эта жизнь — жизнь

духовного места, которое Иисус в образном языке называет домом Своего Отца. Реальность этого святого обиталища — основной пункт Его учения, и Он утверждает эту реальность в силу той глубокой связи с Богом, благодаря которой обладает непосредственным знанием божественного мира.

Сравним положение людей, принимающих это свидетельство, с положением не материалистов и атеистов (противопоставление настолько очевидно, что нет нужды его развивать), а с людьми, просвещёнными самыми возвышенными идеями древнего мира. Перенесёмся в темницу Сократа. Мудрец Афин стоит перед неизбежной смертью. Он излагает своим друзьям доводы в пользу выживания души и будущего блаженства праведников, многие из которых и сегодня сохраняют свою силу. Он заимствует из религиозных традиций своей страны идеи, которые не отвергает, но и не принимает без критического анализа, и заключает с надеждой, которую приходится самому себе внушать. Его вывод — то, что в философском языке называется вероятностью загробной жизни. Эта вероятность оставляет достаточно места для сомнений, поэтому в своей апологии Сократ, сказав судьям, что надо быть «полными надежды на смерть», заканчивает словами: «Настало время нам расстаться, мне — умереть, вам — жить; кто из нас получит лучшее, никто не знает, кроме Бога».

Сократ, хотя нельзя полностью оправдать его гордое самодовольство, несомненно, насколько мы можем судить, был одним из лучших представителей человеческой природы. Его надежды на жизнь после смерти подкреплялись опытом. Душа человека имеет стремления, показывающие, что она создана для иного и лучшего предназначения, чем земная жизнь. Это общая основа аргументов в пользу существования загробного бытия. Но душа тесно связана с телом, и наука всё яснее показывает суть и прочность этой связи. Разве, когда тело разлагается, дух не исчезает, как гаснет пламя лампы, когда заканчивается масло? Разве смерть не универсальный закон природы? Не является ли вера в исключение из этого закона проявлением тайной гордости? Вот серьёзные основания для сомнений.

Этот сомнительный момент проявился с силой в греческой мысли. Свет, который осветил Сократа и некоторых его первых учеников, скорее померк, чем усилился в дальнейшем развитии философии. Сегодня исторические исследования, знакомя нас с идеями древнего Востока, раскрывают доктрины, представляющие небытие или уничтожение личности как наиболее желанное состояние. Вокруг нас скептицизм окутывает туманом, возрождающийся материализм бросает тень на надежды будущего. Для многих из наших современников эти тени гуще, чем для Сократа и Платона. Существование будущей жизни и грядущей справедливости утверждается в большинстве религиозных традиций в более или менее чистых или грубых формах, но где включается размышление, там часто встречаются или отрицание, или смешанные с сомнением надежды.

Человек, принимающий свидетельство Иисуса Христа, стоит в другой позиции. Здесь можно провести значимое сравнение. Святой Павел пишет Филиппийцам, что не знает, желать ли ему жить или умереть, и его мысль может показаться похожей на ту, что заканчивает апологию Сократа. Но это лишь обманчивая аналогия. Под поверхностно схожими выражениями мысли и чувства этих двух людей глубоко различаются. Нерешительность Сократа возникает из сохраняющегося сомнения. Павел же имеет полную уверенность в существовании небесного жилища, в которое смерть может открыть вход. Он пишет: «Мы не смотрим на видимое, но на невидимое, ибо видимое временно, а невидимое — вечно. Мы знаем, что если разрушится наш временный дом, то у нас есть в небе дом вечный».

Он знает, что если думать лишь о себе и своём личном благе, то лучше умереть; но он также понимает, что у него есть обязанности в настоящем мире, оттого и колеблется. Это

колебание исчезает, когда он понимает, что время ухода близко и долг земной заканчивается; тогда он полностью отдаётся вечным надеждам и поёт песнь торжества, так как принял с верой слова Того, кто сказал: «В доме Отца Моего много обителей; я приготовлю вам место». Такова, в отношении будущей жизни, разница между уверенностью, вытекающей из принятия свидетельства Христа, и надеждами, смешанными с сомнением, к которым пришла мудрость древних. Легко было бы отметить ещё более глубокое различие между верой в прощение грехов, основанной только на идее божественной доброты, и верой в Христа Искупителя.

Основные элементы свидетельства Христа включены в набор традиций, поддающихся критике и содержащих трудности, которые предвзятость может скрывать. Но детали здания не должны заставлять забывать его главные линии. Критики, для которых трудности второстепенных вопросов поколеблют основы веры, мне кажутся похожими на человека, который, увидев прекрасный собор, подходит к каждому камню, находит везде изъяны и делает вывод об отсутствии красоты у всего здания. Есть хороший способ избежать этой ошибки — различить доктрины, которые составляют духовную пищу христиан. Благочестивые души не питаются одинаково всеми деталями догматов и культа своей церкви, всеми частями Священного Писания. Не трудно выделить основные верования, на которых держатся их надежды, доктрины, которые можно назвать, с точки зрения школы, постулатами религиозной жизни.

Души, охваченные сомнением, сердца, кровоточащие от утраты любимых, или те, кто беспокойно смотрит в будущее, хорошо знают, что слово о вечной жизни для глаза души — как солнце для глаз тела. Совести, которые тревожит чувство греха, знают, что слово прощения — источник надежды и мира. Эффективность креста Голгофы — предмет простого акта веры, который совершенно отличается от богословских определений о способах искупления грехов. Воли, которые грозит ввергнуть отчаяние сознание собственной слабости, знают, что обещание божественной помощи и опыт благ молитвы поднимают и ободряют их. Таким образом, изучая духовную жизнь людей, можно распознать основные черты свидетельства Христа, отделяя их от деталей, способных их затемнить. Любовь Божия, предназначающая вечную жизнь Своим творениям; прощение Божие, провозглашённое, достигнутое Иисусом Христом и обещанное искренне кающимся; Дух Божий — источник силы в слабости, даруемый ищущим с искренностью — вот к чему всегда нужно возвращаться.

За пределами времени — вечность; над хаосом страстей и человеческих бед — Царство Божие, от которого грех отделяет нас, но милость открывает нам дверь; царство святости, радости и мира, которое должно начаться на земле и расцвести на небе — такова суть веры и надежды христиан. Это царство существует — это свидетельство Христа. Мы должны работать ради его осуществления, в мере своих сил; это фундаментальный долг, в котором сходятся все обязанности. В нынешних обстоятельствах особенно полезно сосредоточиться на простых элементах свидетельства Христа, отделённых от всех второстепенных вокруг них элементов. В этом смысле усилия отрицательной критики можно считать относительным благом. Развитие современных наук поколебало в многих умах доверие к религиозной традиции в целом. Возникают множество сомнений относительно богословских определений догматов и значения и смысла всех частей Священного Писания.

Печальна судьба тех людей, которые не умеют отличить основы веры от построек, возведённых на этих основах. Сомнение, возникающее на самой окраине веры, рискует поколебать её центр и даже иногда (есть печальные известные примеры) разрушить основы всего нравственного порядка. Поэтому крайне важно заметить, что содержание христианской веры в её основных элементах появилось ещё до трудов богословов и до написания Нового Завета. Новый Завет не был написан, когда святой Стефан, умирая,

предавал душу Спасителю и молился Богу за своих мучителей словом души, преобразованной силой Евангелия. До работ соборов, до формирования канона, Церковь поклонялась Небесному Отцу, почитала Христа Искупителя и взывала о помощи Святого Духа. Когда охватывает сомнение, вызванное трудностями второстепенных вопросов, полезно укрыться в этой простой и крепкой вере, которая с самого начала была источником надежд верующих.

ГЛАВА III ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СВИДЕТЕЛЬСТВА ХРИСТА

Утверждения Христа, рассматриваемые как свидетельство, обладают особыми характеристиками. Когда речь идёт о фактах, которые могут быть предметом текущего опыта, утверждения одного человека могут быть проверены другими. Путешественник рассказывает о том, что он видел в далёкой стране; другие путешественники могут туда отправиться. Исторические рассказы не подлежат проверке в настоящем, но сохраняют характер естественных свидетельств, то есть основаны на использовании способностей, доступных всем людям. То, что мешает их проверить, — не природа их содержания, а лишь время, отделяющее нас от прошлых событий. Утверждения Христа, касающиеся мира, превосходящего опыт, божественного мира, о прямом знании которого Он заявляет, относятся к другому порядку; это сверхъестественное свидетельство, потому что оно не исходит из применения способностей, присущих человеческой природе, по крайней мере, человеческой природе в её нынешнем состоянии.

Один христианский теолог, исходя из идеи грехопадения и признавая, что до этого катастрофического события человек был в непосредственной связи с Богом, может сказать, что не Христос является сверхъестественным, а человечество впало в под-природное состояние. Используя эту терминологию, под природой понимается не то, что есть, а то, что должно быть; я же сохраняю за этим словом его обычный смысл, обозначая под природой совокупность фактов, проявляющихся в нашем обычном опыте. Свидетельство Христа, безусловно, не относится к фактам такого рода; оно обладает исключительным характером и потому требует для своего признания исключительных доказательств. Можно ли такие указать? Согласно рассказам Евангелий, Иисус Христос приводил в доказательство особой связи с Богом то чувство, которое должно возникать у Его учеников в результате личных отношений с Ним. Он говорит Филиппу: «Так долго я с вами, и ты не познал Меня! Не веришь ли ты, что Я в Отце Моём и Отец во Мне?»

Это была апелляция к тому, что в языке теологов называется внутренними доказательствами истинности христианства. Мы не можем, как современники Спасителя, иметь личные отношения с человеком Иисусом, но можем заметить влияние Христа Евангелия на сердце, разум и совесть. Мы можем признать в словах Иисуса точное описание нашего состояния и ответ на наши духовные нужды. Это всегда будет главной основой веры. Человек, знающий, где он обрел свет, силу, утешение и мир, привяжется к Тому, от Кого он получил эти блага, и скажет, опираясь на личный опыт: «Я знаю, в Кого поверил». Мудрая апологетика всегда будет придавать первостепенное значение такого рода аргументам, основанным на прямом контакте души с учением и обещаниями Евангелия. Но считать эти аргументы единственными правильными и пренебрегать, даже презирать доказательства другого рода, объективного характера, — ошибка.

Так не поступал Иисус. Если действие Его личности само по себе не было достаточным, Он ссылался на Свою деятельность. Какие дела? Те, которые убедили фарисея Никодима в том, что Бог с Сыном Марии. Речь шла о проявлениях силы, которой человек не обладает, силе, превосходящей обычные и естественные законы природы. Это — внешние доказательства истинности христианства. Эти доказательства когда-то были сильны, а теперь в части богословского мира они дискредитированы, и это по двум причинам. Первая

причина — сравнительная ценность двух видов доказательств. Вера во Христа, вызванная прямым действием, которое Он оказывает на сердце и совесть, с религиозной точки зрения ценнее веры, основанной на внешних проявлениях Его силы.

Это правда; но из того, что доказательства одного порядка уступают другому, не следует, что их можно справедливо отвергнуть. Никто не подчеркивал важность апологетических аргументов, основанных на согласии христианской веры с состоянием и устремлениями души, больше Александра Вине. Но он был далёк от того, чтобы разделять презрение, с которым некоторые современники говорят о «наиболее изношенных аргументах религиозной апологии». Провозглашая первенство моральных доказательств, он жаловался на то, что исторические доказательства ныне слишком пренебрегаются и недооцениваются «даже христианами». Он указывает два пути, ведущих к вере. Одни приходят по внешним аргументам, другие — по связи доктрин с состоянием и нуждами своей души, и добавляет: «Вот двойной путь, по которому входит убежище веры. Было мудростью Бога, справедливостью и, осмелюсь сказать, честью Его управления открыть человеку этот двойной путь». Профессор Фредерик Годе, как и Вине, требует, чтобы, не умаляя значения моральных доказательств, не отвергали поддержку веры, найденную в делах сверхъестественной силы Христа.

Вторая причина дискредитации внешних доказательств истинности христианства серьёзнее. Евангельские рассказы содержат множество фактов, приписываемых Иисусу Христу, которые явно носят характер чуда; но эти рассказы подвергаются критике. Можно рассматривать необычные события как мифы или легенды. Если отделить чудо от окружающих его обстоятельств и рассматривать вопрос о реальности самого факта изолированно, предположение о легендарном характере повествования будет первым и вполне законным предположением критики. Если мне скажут, что, вопреки законам гравитации, человек ходил по воде в стране, где нет льда, я не смогу объявить факт невозможным; но чтобы признать его, я потребую доказательств, столь же необычных, как и сам факт. Я буду особенно требовательным к доказательствам, если речь идёт о старинных рассказах, подверженных искажениям из-за устной и письменной передачи свидетельств.

Основывать авторитет Христа на деталях сверхъестественных действий, приписываемых Евангелиями, с точки зрения серьёзной исторической науки — ошибочный подход. Вопрос в том, существует ли доказательство истинности свидетельства Христа, которое не может быть предметом законных сомнений для беспристрастной критики. Под беспристрастной критикой я понимаю такую, которая не исходит, как критика доктора Штрауса и его последователей, из предположения о невозможности сверхъестественного, и не исходит, как у некоторых богословов, из предположения, что всё в священных текстах христианства истинно и божественно. Для действительно беспристрастной критики вопрос о сверхъестественном остаётся открытым, а священные тексты должны изучаться, исходя только из принципа приписывать фактам такие причины, которые дают им надлежащее объяснение. Если это первичное изучение приведёт к выявлению в истории Христа факта, который кажется достоверным доказательством Его божественной миссии, и если природа этой миссии будет признана сверхъестественной, исследование Евангелий приобретёт новое значение.

Не будет разумных возражений против идеи, что божественная миссия сопровождалась проявлениями, выходящими за пределы обычного хода природы. При соблюдении прав и требований исторической науки, критика веры заменит критику отрицания априори. Вот мысли, которые, по моему мнению, не поддаются критике, и на которые я хочу, среди прочих, обратить внимание. Христианская церковь была основана на утверждении о воскресении её вождя. Хотя это и не оспаривается серьёзно и не может быть оспорено, ввиду его важности полезно вывести этот факт на полное освещение. В день

Пятидесятницы Пётр впервые выступает с апостольской проповедью; что он говорит? «Бог воскресил Иисуса, разорвав узы смерти... Бог воскресил Иисуса, и мы все свидетели этого». Народ собирается вокруг Петра и Иоанна в храме Иерусалима. Пётр повторяет своё утверждение: «Бог воскресил из мёртвых Принца жизни, чему мы свидетели».

Церковь формируется. На собраниях «апостолы свидетельствуют с большой силой о воскресении Господа Иисуса». Качество свидетелей этого воскресения — это то, что они прежде всего приписывают своему служению как его отличительную черту. Руководители народа запрещают им учить от имени своего Учителя; они отвечают: «Нужно повиноваться Богу больше, чем человекам,» и сразу же добавляют, чтобы объяснить своё неповиновение человеческим приказам: «Бог наших отцов воскресил Иисуса, которого вы повесили на дерево». Пётр находится в Кесарии у сотника Корнилия; он возвещает ему о воскресении Того, кого повесили на дерево. Он пишет послание церквям и начинает его с хвалы Богу, чему? «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, который по великой своей милости возродил нас воскресением Иисуса Христа из мёртвых к живой надежде». И далее тот же апостол указывает это воскресение как основание веры и надежды верующих: «Бог воскресил Иисуса из мёртвых, чтобы ваша вера и надежда были в Боге».

Начальники синагоги Антиохии Писидийской приглашают апостола Павла выступить перед народом. Он учит, что его Учитель был распят, снят с дерева и положен в гроб; но «Бог воскресил Его из мёртвых». Почему тот же Павел вызывает насмешки у афинян, которые слушали его долго и не перебивали, когда он говорил только о существовании Бога? Потому что он провозглашает воскресение Христа. Почему римский прокуратор Фест говорит о нём как о сумасшедшем? Потому что он говорит царю Агриппе о воскресении Христа. И когда он пишет церквям, почти в каждом его послании он упоминает этот факт. Он говорит о нём римлянам, коринфянам, галатам, ефесянам, колоссянам, фессалоникийцам, своему другу и ученику Тимофею. В послании к Римлянам он утверждает, что именно через воскресение Иисус был провозглашён Сыном Божьим.

Особое внимание заслуживают три момента в послании к коринфянам: — во-первых, смерть и воскресение Христа названы сущностью проповеди Евангелия; — во-вторых, апостол не учит о воскресении, а напоминает читателям, что оно было фундаментальным элементом веры, проповеданной им и принятой ими до написания письма; — в-третьих, святой Павел придаёт настолько большое значение этому утверждению, что прямо заявляет: если Христос не воскрес, то проповедь его — тщетна, а вера учеников — тщетна также. Это значение было так остро осознано христианами, что не только они посвятили воспоминанию о воскресении свой самый торжественный праздник, но и хотели, чтобы день еженедельного покоя напоминал каждую неделю об этом великом событии. Суббота стала воскресеньем, и каждое воскресенье должно пробуждать те же чувства, что и торжество Пасхи. Таким образом, установлен мощный комплекс текстов и фактов, подтверждающих, что провозглашение воскресения Христа было одним из основных элементов проповеди апостолов, и можно уверенно повторить слова г-на Луи Томаса: «Основание христианской церкви, по признанию всех, покоится на вере в воскресение божественно распятого».

Это утверждение обладает всей достоверностью, которой только может обладать историческое утверждение. Воскресение Христа — предмет веры для христианина, одна из фундаментальных основ его религиозной жизни. Люди, занятые исключительно состоянием души — субъективной стороной религии — спрашивают, как вера в глубоком смысле этого слова может иметь в своей основе событие, чисто объективного характера. Они спрашивают, как отношения души с Богом могут зависеть от исторического события. Им следует признать следующее: вера в то, что Иисус из Назарета вышел живым из гроба, сама по себе, как простое согласие с повествованием, не имеет религиозной ценности. Но рассматривать это так — значит оставаться на очень поверхностном уровне понимания.

Откуда же исходила сила проповеди апостолов? Не в том, что они объявляли простой исторический факт, а в том, что они провозглашали победу над смертью, одержанную Принцем жизни. Те, кто принимал их слова, видели, как рассеивались тучи сомнения и неверия, открывалось небесное пространство, и, стоя перед лицом смертности, присущей всему земному, они схватывали обетования жизни. Для христианина воскресение Христа — это не воскресение человека, а воскресение человечества в лице его вождя, того, кто захотел пройти через крест, чтобы вновь открыть двери царства небесного тем, кто вступает в общение с Ним. Воскресение Христа — залог собственного воскресения верующего. Он знает, что «Бог, воскресивший Господа, воскресит и нас силою своей». Он находит прощение своих грехов в кресте Голгофы, вечную жизнь — в пустой гробнице Распятого, и может воскликнуть с апостолом: «О смерть! где твое жало? О ад! где твоя победа?»

Таким образом, воскресение Христа — действительно предмет веры, один из важнейших факторов религиозной жизни; но это не предмет моего настоящего исследования, в котором речь идет о гарантии свидетельства. Если Христос воскрес, Его возвращение к жизни — не естественное явление, ведь среди законов природы нет более установленных, чем тот, что в пределах нашего опыта смерть — явление окончательное. На земле, где мы живём, правилом является то, что умершие не возвращаются к жизни. Если Христос воскрес, Его сверхъестественное свидетельство имеет и сверхъестественную гарантию; доказательство пропорционально предмету доказательства. Именно так понимал это святой Павел, когда говорил афинянам, что Бог дал убедительное доказательство божественной миссии Христа, воскресив Его из мёртвых. Нельзя разумно оспаривать, что если воскресение Христа истинно, то это знак силы Его свидетельства и утверждает его авторитет; но естественно потребовать доказательства этого доказательства.

Ведь факт, который бесспорно и неоспорим, — это то, что христианская церковь была основана на вере во воскресение своего вождя, а не на реальности самого воскресения. Какие доказательства могут быть приведены для подтверждения этой реальности? В изучении этого вопроса не следует останавливаться на трудностях, вызванных расхождениями между различными евангельскими рассказами, поскольку воскресение Христа было провозглашено и стало основанием веры церкви ещё до формирования канона. Не следует останавливаться и на вопросах о природе тела Иисуса после воскресения — вопросах, которые останутся без убедительных ответов, поскольку сам факт по своей природе носит таинственный характер. Чтобы подтвердить свои утверждения относительно воскресения Учителя, святой Павел обращается к свидетельствам тех, кто видел распятого живым после выхода из гроба. Он уточняет это свидетельство; он цитирует более пятисот братьев, большинство из которых ещё жили на момент написания письма.

Это доказательство, хоть и не лишённое силы, не может иметь для нас абсолютной ценности, поскольку основывается на документах, чью ценность могут оспаривать настроенные скептически умы; но у нас есть доказательство иного рода — вытекающее из дела Иисуса Христа в мире. Это дело — не только прошлый факт, подтверждение которого зависит от критического исследования и сомнений, вызываемых этим исследованием, а реальность, которая сохраняется в настоящем. Речь идёт не только о деяниях, совершённых девятнадцать веков назад, но и о деяниях, совершающихся на протяжении девятнадцати веков и продолжающихся до наших дней.

Услышав рассказ о явлении Иисуса перед Пилатом, одна живо возникшая мысль однажды посетила мой ум. Если бы этот римлянин, который оставил без поддержки неизвестного галилеянина на гнев начальников иудеев, имел видение будущего, если бы он увидел крест — орудие позорной казни, сверкающее на куполах зданий Рима, и если бы он узнал, что Рим обязан Иисусу Назарянину империей большей, чем временная империя его Цезарей, если бы он увидел на широкой арене Колизея, вместо боёв животных и гладиаторов,

благочестивые процессии, поющие песнопения Распятому на Голгофе, — какой бы восторг охватил его! Несмотря на скептицизм, толкавший его сказать: «Что есть истина?» — неужели хотя бы на миг он не соблазнился бы воскликнуть вместе с Иаковом: «Вот, Господь здесь, и я не знал об этом».

Далее, следуя течению своих мыслей, я задумался, если бы натуралист Плиний имел пророческое чтение, если бы учёные XIX века — учёные, которых не трогает религиозный энтузиазм, — утверждали, что современная наука возникла под влиянием христианства, как бы он удивился! Если бы историк Тацит мог заметить, что учение, которое он называл «отвратительным суеверием», стало главным фактором цивилизации и возвращает человеческому роду достоинство, утраченном подавленными народами, что бы он подумал? Чтобы справедливо оценить дело христианства в мире, необходимо с помощью исторических знаний перенестись в обстоятельства, в которых произошло первое провозглашение Евангелия. Как мала и ничтожна с точки зрения мира то семя, из которого выросло огромное дерево, ветви которого продолжают разрастаться у нас на глазах!

Иисус Христос повелел своим апостолам учить все народы. Святой Павел писал, что имя Иисуса превыше всякого имени, и что оно должно быть провозглашено по всему миру. Что же это за имя, которое должно быть так прославлено? Имя молодого человека, который в сравнительно малозначительном и непризнанном уголке Римской империи был приговорён к позорной смерти. Приказ Христа продолжает исполняться: Его учение проповедуется по всем уголкам земного шара. Пророчество святого Павла сбывается: имя Иисуса становится с каждым днём самым великим из всех, произносимых человеческими устами. В общем воздействии христианства на ход цивилизации в первую очередь следует обратить внимание на моральное влияние, потому что развитие нравственности — цель всякой истинной религии. В этом вопросе существует ошибка, которую нужно разрушить или предотвратить.

Некоторые апологеты ошибочно считают специфически христианскими те чувства и идеи, которые были просто плодом размышлений, применённых к данным сердца и разума. Эта ошибка заставляет их недооценивать, а порой даже клеветать на мудрецов языческого мира. В ответ возникает законная, но чрезмерная реакция. В трудах мудрецов древнего Востока, Греции и Рима можно найти высокие нравственные и религиозные идеи. Отсюда иногда делают вывод, что Евангелие — лишь естественное развитие чувств и мыслей, предшествовавших ему. Александр Вине высказал по этому поводу глубокие и прочные соображения: «Евангелие не изобрело мораль; некоторые из его прекраснейших заповедей давно уже ходили по миру; Евангелие не столько проповедовало их, сколько основано на новой базе и оживлено новым духом. Прерогатива Евангелия гораздо меньше в том, чтобы провозглашать новую мораль, чем в том, чтобы давать силу исполнять старую… Знание морали — не есть мораль, и наука о долге — не есть практика долга».

Моральная сила — вот что составляет особый характер дела Христа. Но разве не слишком много оснований сомневаться в масштабах и эффективности этой силы? Сколько миллионов людей, несмотря на великое дело миссий, до сих пор не слышали проповеди Евангелия! Там, где Евангелие было провозглашено, как много людей открыто враждебных или чуждых ему! И среди тех, кто принимает его влияние, как часто велика разница между исповедью веры и реальным поведением! Как велико влияние плотских страстей, жадности, тщеславия и мирской суеты среди тех, кто именует себя учениками Христа. А если взглянуть на общественную жизнь так называемых христианских народов, не кажется ли это название порой жестокой иронией? Разве не видим мы там, где клятвенно веруют в заветы, как эти заветы приносятся в жертву политическим интересам? Разве не попираются самые священные права человека ради интересов промышленности и торговли? Разве не эти народы, в которых проповедуется учение Христа, навязывают опиум китайцам и алкоголь

несчастным островитянам Океании? Разве не военные бюджеты поглощают огромные ресурсы европейских государств? Не превратилась ли религия в причину ужасных гонений и кровавых конфликтов? Где же проявляется моральная сила Христа?

Все это горько правда, но это не вся истина. В связи с не слишком благоприятной историей христианства Стапфер писал: «Всегда нужно отличать вещь от злоупотребления. Чем совершеннее вещь, тем сильнее люди злоупотребляют ею. Разум, свобода, социальная организация — всё лучшее и самое необходимое было запятнано страстями и пороками тех, кто делает из этого прикрытие для своих преступных замыслов». Нельзя отрицать, что если Евангелие послужило поводом и предлогом для злых действий, оно никогда не было их причиной. Злоупотребление — не только отличается от законного использования, но и прямо ему противоположно. Идёт ли речь о неживой материи? Тогда сила воздействия пропорциональна силе источника; но так происходит не в мире, где свобода играет роль и долю в событиях. Евангелие — это закваска, а человечество — тесто, которое эта закваска постепенно пронизывает. Тесто не только тяжело, оно оказывает активное сопротивление. Несмотря на сопротивление, божественное дело совершается. В разложении Римской империи, империи, чья слава была равна её позору, Евангелие безусловно положило начало новой жизни.

В работе о гражданском праве римлян г-н Троплонг писал: «Христианская философия — основа нашего социального существования; она питает корни нашего права; и, хотя многие этого не осознают, мы живём гораздо более благодаря ей, чем идеям, унаследованным от разрушенного мира греков и римлян». Это верно не только для права, но и для всей цивилизации. Несмотря на бедствия, проявляющиеся с самого начала, церковь первых веков была сообществом душ, охваченных святым чувством долга; она сохраняла этот характер столько, сколько жила под гонениями. Когда христианство было принято властью и стало официальной религией, нечистые потоки глубоко омрачали её воды. Тем не менее, можно проследить благотворное влияние церкви на постепенное реформирование общественных институтов, на организацию семьи, на взаимоотношения различных классов общества. История современной цивилизации, несомненно, должна учитывать различные влияния, но из всех них влияние духа Христа — бесспорно, самое сильное.

Сегодня, несмотря на все недостатки и позоры так называемых христианских народов, легко заметить, что влияние Евангелия глубоко отличает их от народов, чуждых этому влиянию. Забота о бедных и больных, стремление улучшить жизнь малообеспеченных слоёв здесь развиты в степени, неизвестной у язычников, которые по-прежнему занимают большую часть Земли. Если исследовать все дела милосердия, борьбы с нищетой, общественного блага и гуманности, там, где заметны энергичные, настойчивые и успешные усилия, всегда окажутся люди, вдохновлённые духом Христа, — самые преданные труженики этих благих начинаний. Скажут ли, что ныне благотворительность секуляризируется, что официальные действия правительств и просто филантропические общества стремятся заменить непосредственную религиозную деятельность прежних времен? В определённой мере это так; но какой вывод можно из этого сделать? От какого влияния происходит это движение? Почему филантропия не развилась в Китае, Персии или Индии так же, как в европейских странах?

Например, работа Красного Креста, которая смело берётся цивилизовать войну, включает в своих рядах иудеев, мусульман, язычников; однако религиозный нейтралитет, характеризующий сегодняшнюю деятельность этой организации, отсутствовал в её истоках. Правительства, чуждые христианству, которые согласились частично изменить варварские обычаи войны — высшее проявление варварства, — вошли в течение христианской цивилизации. Не в них, не под влиянием их религиозных идей мог возникнуть этот процесс. Почему же моральная цивилизация мусульман, хотя и имеет благородные стороны,

содержит тёмные пятна, не свойственные нам? Какому внимательному духу может ускользнуть, что альтруизм последователей Огюста Конта — это имитация христианской любви? Современная совесть (поскольку языческие страны — продолжение античности) была сформирована Евангелием Христа и сохраняет что-то от этого формирующего воздействия даже у многих чуждых истинной веры. Но не обманывайтесь: у тех, кто решительно порвал с христианской традицией, совесть искажена и иногда падает очень низко, как мы ещё увидим. Говорят: философы XVIII века безбожники пожинали плоды дерева, корни которого пытались отрубить; то же можно сказать о некоторых наших современниках, которые хотят одновременно пропагандировать атеизм и филантропию.

Подведём итог предыдущим рассуждениям, чтобы вывести последствия. Вера в воскресение Христа была основой проповеди Евангелия; это утверждение не поддаётся сомнению критикой. Христианство оказало на человечество самое значительное и самое благотворное духовное влияние, о котором упоминает история; это истина, признанная серьёзными историками, даже теми, кто не исповедует личной веры. Противостоять этой истине, указывая на те злоупотребления, которые случались под предлогом религии или по её случаю, — аргумент, не имеющий никакой ценности. Ведь доброе, что было произведено, есть следствие христианского духа, а такие беды, как гонения, религиозные войны и прочее, являются плодом человеческих страстей, прямо противоречащих этому духу. Святой Фома Аквинский задаётся вопросом, какие доказательства мы имеем о реальности сверхъестественных событий, приписываемых Иисусу Христу, и отвечает: «Удивительное обращение мира ко Христовой вере — очень убедительное доказательство этих прошлых знаков; так что не нужно, чтобы они повторялись, поскольку мы видим их ясно в их последствиях. Было бы гораздо более удивительно, если бы мир был обращён к таким высоким истинам, к совершению столь трудных дел и к возложению столь великих надежд без каких-либо удивительных знаков, простыми и неучёными людьми».

Данте воспроизвёл эти мысли своего учителя в XXIV песне «Рая»: «Если мир обратился к христианству без чудес, то это само по себе — чудо настолько великое, что остальные чудеса и сотой части не достигают». Современный учёный, известный своим свободомыслием и большой эрудицией — профессор Рёсс из Страсбурга — недавно выразил ту же мысль: «Если в деяниях Иисуса не было ничего, что выходило бы за пределы повседневного опыта, то история Его была бы ещё менее понятной». Этот аргумент, применимый в общем ко всем проявлениям сверхъестественной силы Христа, особенно касается Его воскресения. Это — знак высочайший, свидетелями которого должны были быть апостолы, к которому они постоянно обращаются. Для поверхностных умов, воспитанных в настроении, которое Жуффруа называл «пренебрежением догмой», для учёных, которые подходят к изучению истории с априорным отрицанием сверхъестественного порядка, Христос не может быть воскресшим.

Для серьёзных людей, не предвзято относящихся к теизму, возникает вопрос: может ли самое сильное и самое благотворное духовное влияние, известное истории, основываться на иллюзии или лжи? Можно ли (а это уже было написано) считать одной из законов развития человечества то, что серьёзное воздействие на людей оказывается лишь путём обмана, и что дело Христа — лишь применение этого общего закона? Я ограничусь ответом на подобную мысль словами Шарля Секретана: «Самая концентрированная порча только и могла придумать превратить Иисуса в фокусника, чтобы на этом великом примере утвердить общую теорию необходимости лжи во всяком добром деле». Надеюсь, мало кто согласится так извращать человеческую совесть. Идея иллюзии предпочтительнее идеи лжи, но для серьёзного ума будет всегда трудно сводить к ошибке — в какой бы форме она ни выражалась — величайшее нравственное действие, когда-либо совершённое в мире. Если отказаться считать иллюзию или ложь главными факторами прогресса, неизбежно

придём к мысли, что дело Христа, как оно проявилось в истории, является доказательством Его воскресения, поскольку оно основано на вере в то, что Иисус победил смерть.

Так думал профессор Рёсс. После того как он отметил трудности, возникающие у критиков в связи с рассказами о воскресении, он писал слова, придающие особое значение его позиции как богослова: «Остаётся неоспоримый факт, что церковь, существующая уже восемнадцать столетий, построена на этом основании, которое, так сказать, является её живым свидетельством, и, по всей вероятности, именно она вышла из гроба Христа, с которым иначе осталась бы там похоронена навсегда». Если Христос воскрес, у нас есть сверхъестественное доказательство сверхъестественного характера Его миссии. Свидетельство людей сообщает нам о вещах земных, свидетельство Христа открывает реальности невидимого мира. Религиозная жизнь тогда опирается на твёрдую основу. Сомнения могут касаться миссии Иисуса Христа, как и любой другой истины, но то, что укрепляет веру в эту миссию, укрепляет и весь комплекс верований; тогда как вне этой веры каждая отдельная истина должна доказываться отдельно. Доверие к божественному свидетельству — основа духовного строения, а укреплять основу строения — значит укреплять все его части. Таково благотворное влияние авторитета Христа. Обстоятельства нашего времени побуждают меня развить эту мысль в отдельной главе.

ГЛАВА IV. АВТОРИТЕТ ХРИСТА

Человек, чуждый христианской вере, но серьёзный и ищущий истину, рассмотрит учения и заповеди Иисуса из Назарета и сохранит для себя то, что покажется ему истинным и добрым. Он проделает ту же работу с учениями различных философов или основателей религий: Платона, Аристотеля, Конфуция, Будды, Мухаммеда. В своей эклектической работе его личное суждение, применённое напрямую к утверждениям мыслителей всех времён, останется для него единственным критерием истины. Он строго применит к себе заповедь из «Подражания Христу»: «Не смотри, кто это сказал, но смотри что сказано». Учение Сына Марии окажет на него влияние того же рода, что и все учителя человеческой мысли; но это влияние не составит для него авторитета. Слово Иисуса Христа будет взвешено на его интеллектуальных весах без какого-либо учёта личности, произнёсшей это слово. Можно ли так же рассуждать о людях, признающих сверхъестественный характер деяний Иисуса из Назарета и Его божественную миссию, для которой святой Павел находил убедительное доказательство в воскресении?

Можно ли исповедовать христианскую веру, заявляя, что не принимаешь никакой власти и, следовательно, не признаёшь авторитета слов и свидетельства Христа? Такая позиция кажется противоречивой, но признаки её встречаются в публикациях ряда современных авторов. Откуда берётся такая, по крайней мере, странная точка зрения? Она происходит от неверного понимания смысла конфессиональных споров между протестантами и католиками (о которых я расскажу далее), а также от забвения роли свидетельства, о которой я говорил выше и на которой хочу особо акцентировать внимание, применяя её к предмету моего исследования. Если под «верой авторитета» понимать принятие доктрин безо всякой проверки, без личной работы разума, сердца и совести, то нет ничего проще, чем отвергнуть ценность такого рода верований.

Такая вера, ошибочно так называемая, — не вера, а суеверие. Активность ума, результатом которой является проверка, — одна из главных характеристик духовной природы человека. Это не только право, но и обязанность; отказаться от неё — значит отречься от одного из самых благородных элементов человечности. Но вокруг понятия проверки возникает недоразумение, последствия которого серьёзны. Свободное (или проще — просто) рассмотрение имеет два совершенно разных объекта: содержание утверждений и достоинства того, кто утверждает. Что касается того, что можно проверить самому, личность

утверждающего всегда оказывает законное влияние, делая утверждения более или менее достойными внимания; но это влияние не есть авторитет. Дух, достигший зрелости, остаётся судьёй предлагаемых ему учений. Иная ситуация с той огромной частью нашего знания, которая не может происходить из нашего личного опыта и самостоятельного применения разума, а только из веры в свидетельство. Тогда проверка касается оценки свидетелей, и эта оценка создаёт их авторитет.

Вера не рождается из авторитета, а авторитет рождается из веры. Вера авторитета, повторяю, — не вера; но там, где нет авторитета, нет и веры. Поэтому важно не путать рассмотрение доктрины напрямую, без участия авторитета, с рассмотрением свидетельств, в результате которого, если свидетельства признаются надёжными, возникает авторитет. Мне показалось, что эта путаница встречается в одном месте в работе, которая справедливо привлекла внимание части религиозной публики. Пастор Леопольд Монод написал: «Авторитет не любит, когда его ставят под вопрос. Если каждому дозволено его оценивать и судить, значит, существуют вне его надёжные критерии, достаточные для принятия решения. Иными словами — это освобождение умов, разрушение авторитета». Освобождение от чего? Речь идёт о доктринах, личное рассмотрение которых достаточно, чтобы установить их ценность?

В этом случае принятие доктрин лишь на основании такого рассмотрения и доверия к собственному мышлению — освобождение ума, которое уничтожает авторитет. Речь идёт об истинах, в которых нас может ввести только свидетельство? Тогда проверка достоверности свидетелей — это освобождение ума, но оно совсем не разрушает авторитет, а, наоборот, его устанавливает. Отождествлять «веру авторитета» и «авторитет веры» — серьёзная ошибка, которая происходит из забвения роли свидетельства в формировании наших убеждений. Если Иисус из Назарета признан свидетелем божественных истин (качеством, которое Он Сам приписывает Себе), Его свидетельство имеет авторитет для верующего. Однако именно этот авторитет подвергается критике в современных дискуссиях протестантских авторов. Требовать, чтобы истина принималась только по своей собственной очевидности, без учёта того, кто её выдвигает — значит требовать, чтобы зрение заменило веру.

Те, кто идёт этим путём, не приходя к выводам позитивизма и оставаясь христианами по чувствам и мыслям (их существование неоспоримо), находятся на опасной скользкой дорожке бессознательной веры, которая приводит к самой парадоксальной внутренней противоречивости. Мы читали в «Подражании Христу»: «Не смотри, кто это сказал, но вникай в то, что сказано». Вот правило, которое, если понимать его буквально, утверждает освобождение индивидуального мышления в смысле исключения учёта свидетельства. Но автор, сталкиваясь со словами Иисуса, пишет: «Это слова Твои, Христос, вечная истина. Поскольку они Твои и истинны, я с радостью и верностью принимаю их все». Вот истина, принятая актом доверия к Тому, Кто есть свидетель истины. Правило не спрашивать, кто говорит, а смотреть лишь на содержание, полностью исчезает. Речь, к которой имя и положение автора, место произнесения и характер аудитории придают реальное значение, по-моему, требует аналогичных размышлений.

Вот слова профессора Эдмона Стапфера, обращённые к студентам богословия: «Говорят: сначала я проверяю авторитет, а потом, когда признаю его, подчиняюсь. Но не видят, что в этом случае подчиняюсь не авторитету, а собственному суждению, которое его проверило. Авторитет — это вы сами, выбравшие для себя учителя... Если внешняя власть доказана, подчиняются уже не ей, а доказательствам, на которых основано это доказательство».Это рассуждение напоминает мне (хотя и слишком буквально его сравнивать) следующее: «Мой глаз воспринимает свет, значит, мой глаз — источник света». Всё то же забывание роли свидетельства. Когда я принимаю авторитет свидетеля, гарантирующего надёжность, я не

выбираю себе удобного учителя, а принимаю тот авторитет, который кажется мне законным и который навязывается моему разуму. Говорить, что моё суждение о наличии авторитета — единственный авторитет, которому я подчиняюсь, — значит путать две совершенно разные вещи: субъективную активность моего ума и объективное признание истины, которая навязывается мне актом доверия к тому, кто её выдвигает.

Профессор Стапфер далее говорит: «Недостаточно верить в силу истины, чтобы полагать, что ей нужны доказательства и гарантии. Истина должна оправдывать себя сама; иначе это не истина». Вот принцип, исключающий всякий авторитет веры, всякую гарантию истинности утверждения, кроме самого его содержания. Но будучи верующим, автор вскоре признаёт, что этот авторитет есть следствие веры, и пишет: «Когда мы доверяем Иисусу Христу, мы можем принимать от Него истины, которые превышают наше понимание, и принимаем их благодаря самому доверию, которое Он вызывает». Это верное замечание, корректирующее последствия ложного принципа. Слова Иисуса Христа, которые откликнулись в нашем сердце и совести, привлекли нас к Нему. Тогда мы принимаем от Него истины, которые превышают наше понимание. Эти истины принимаются по доверию к Тому, Кто их провозглашает. Так они доказываются и гарантируются актом веры, а не собственной очевидностью, поскольку они превосходят нас.

Христос, представляясь свидетелем божественного мира, свидетельствует о вещах, выходящих за пределы результатов применения только наших природных способностей. Он провозглашает любовь Бога, проявленную через Него, прощение, в котором Он не просто посланник, но и действующий Агент, вечную жизнь, предлагаемую тем, кто принимает её условия. Если применить правило принимать только такие истины, которые сами себя оправдывают и не имеют другой гарантии, кроме своего содержания, и отказаться от доверия, которое создаёт авторитет веры, то эти вещи, которые превосходят наше понимание, исчезнут. А именно эти вещи — суть Евангелия. Те, кто их принимает, делают это актом доверия к Тому, Кто умер за их грехи и воскрес ради их оправдания. Отрицание авторитета, путаница двух понятий — вера авторитета и авторитет веры — происходит, повторяю (ведь это очень важно), из забвения роли свидетельства в формировании наших знаний.

«Среди вещей, которые мы не знаем, есть те, в которые верят на основании чужого свидетельства; это и называется верой... Когда верят чему-то на основании чужого свидетельства, либо это вера в Бога, и тогда это божественная вера, либо вера в человека, и тогда это человеческая вера». Это определение веры яснее и удовлетворительнее, чем другое, встреченное у современного автора: «Вера — это вершина жизни, всей жизни, полный синтез человеческой индукции. Все наши и прошлые опыты, оживлённые в нашей душе, сливаются вместе, составляя для нас личное откровение, которое жизнь нам сделала: вот что есть вера». Слова Боссюэ хорошо освещают общий элемент доверия, оказываемого как человеческому свидетельству, так и свидетельству, считающемуся божественного происхождения. В обоих случаях почти вся наша совокупность знаний связана с той ничтожной частью нашего познания, которая исходит из нашего личного опыта и личного использования разума, через подчинение власти, считающейся законной.

Принцип формально одинаков; но что касается оценки достоинства свидетелей, разница значительна. Всегда именно проверка достоинства свидетелей отделяет просвещённую веру от суеверия; но если речь идёт о мире нашего опыта, эта проверка преимущественно интеллектуальна. Чтобы довериться рассказам путешественника или историка, я узнаю об их характере и обстоятельствах, однако моё сердце, совесть и воля не вмешиваются в мои исследования. В религиозной сфере и, особенно в оценке свидетельства Христа дело обстоит иначе. Конечно, проверка необходима для обоснования достойной веры, но в этом случае ведущую роль играют сердце и совесть в формировании убеждения. Изучение

внешних исторических гарантий божественной миссии Сына Марии по своей природе доступно лишь немногим. Именно через созвучие слов Христа с глубочайшими потребностями человеческой души и самые невежественные, и самые учёные могут быть приведены к словам Распятого на Голгофе: «К кому пойдем мы, если не к Тебе? Ты имеешь слова жизни вечной», и принять Его как Учителя, чьё авторитетное слово приносит им радость и уверенность.

Нельзя говорить, что «доктрина, принятая по авторитету, останется в нас как чуждое вещество», когда речь идёт об авторитете, являющемся результатом или, точнее, непосредственным проявлением акта доверия, в основании которого лежат функции совести, сердца и воли. Авторитет веры, далеко не откладывая в душе чуждое вещество, становится самим принципом её жизни. Безусловно, как я уже сказал, люди, заявляющие, что отвергают всякий авторитет, остаются христианами в своих убеждениях и жизни; и может показаться, что между ними и оппонентами их позиции дело лишь в методе, значение которого второстепенно. Однако это лишь поверхностный взгляд на серьёзный вопрос. Люди, о которых я говорю, по моему мнению, являются жертвами иллюзии. Логические выводы из их позиции прерываются верой, содержащей авторитет, о котором они не осознают. Если бы они шли до конца логических следствий, их вера, в конце концов, потерпела бы крах.

Есть достаточно яркие примеры того, что так может произойти. Это не всегда случится с главарями школ, но почти неизбежно со следующими за ними. Профессор Думерг сделал по этому поводу замечание, достойное серьёзного рассмотрения: «Речь не о наставниках, речь об учениках... Этот христианизм, эта набожность у них (у наставников) — плод не новых доктрин, которые они проповедуют, а старых доктрин, которые они отвергают. Но они не передадут то, что отвергают, а передадут то, что проповедуют». Авторитет Христа полностью оправдан для тех, кто признаёт, что Его сверхъестественное свидетельство о божественном мире подтверждено также сверхъестественными доказательствами. Значит ли это, что у нас есть здесь действительно научное доказательство? Может ли вера в свидетельство Христа быть навязана всем, как хорошо доказанная геометрическая теорема, закон физики, подтверждённый опытом, или исторический факт, надёжно установленный? Моя мысль — нет.

Представленные рассуждения могут укрепить веру у тех, кто уже верит в той или иной степени; но они недостаточны, чтобы породить веру. Почему? Потому что, как я уже указывал, в формировании религиозных убеждений большую роль играют сердце, совесть и воля. Иисус хорошо это знал. Он сказал: «Я — свет мира; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме», и часть этого света озаряет разум. Но когда речь идёт о прямом призыве к тем, кого Он хочет сделать своими учениками, что Он говорит? «Придите ко Мне все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас». И указывая метод, который Он предлагает для признания истины Своей миссии, Он выражается так: «Если кто хочет делать волю Божию, тот узнает, будет ли учение Моё от Бога или Я говорю от Себя самого». Раненое сердце, тревожная совесть, праведная воля — важные факторы веры; и так как здесь есть личные элементы, которые не могут иметь характера универсального опыта, свидетельство Христа не может быть полностью доказано обычными логическими методами.

Авторитет, основанный на вере, опирается не только на рациональные основания. В этом вопросе рассуждения больше служат для разрешения возражений, чем для представления доказательств, хотя их ценность в этом плане не равна нулю. Личные элементы, вовлечённые в веру, — одна из причин, по которой существует, и всегда будет существовать реальное различие между религией и философией.

ГЛАВА V. ХРИСТИАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ВЕРА

Если отбросить авторитет, оказываемый свидетельству Христа, что тогда останется от христианства? Ответить «ничего» было бы серьёзной ошибкой. Правда в том, что можно привести примеры людей, которые, разорвав с христианскими верованиями, быстро скатываются — одни к полному скептицизму, другие — к абсолютному отрицанию духовного порядка; потеря веры для последних ведёт к краху морали. Некоторые из самых решительных противников религиозных верований вышли из католических семинарий или протестантских богословских школ; но это явление не является общим и в любом случае не является необходимым. Есть сердца, которые остаются христианскими, оставаясь связанными с умами, переставшими быть христианскими. Затем идеи, распространяемые евангельской проповедью, по крайней мере, те из них, которые отвечают на вопросы, волновавшие человеческий разум во все времена, могут быть приняты без вмешательства авторитета веры как наилучшие решения поставленных проблем.

Особенно это касается учений о единстве Бога, о реальности морального порядка, о жизни после смерти и о будущей справедливости. Если эти учения принять как гипотезы, которые считаются оправданными разумом, независимо от их происхождения, то получается философия, которая, в противопоставление теориям материалистов и идеалистов, называется философией спиритуалистической (духовной). С исторической точки зрения эта философия может называться христианской, потому что в своей точной и полной форме она является результатом проповеди Евангелия. Недооценивать заслуги греческих философов, особенно сократиков, перед человеческим разумом было бы неблагодарностью, порождённой невежством. Существуют элементы разума, неизвестные эмпиризму, которые являются общим достоянием человечества; но разум проявляется под влиянием разных факторов, и разум современных спиритуалистов — это разум, очевидно, озарённый Евангелием.

Одним из великих достижений последнего крупного историка философии, Анри Риттера, является то, что он ярко осветил эту историческую истину. Этот уважаемый учёный отмечает, что влияние привычки заставляет нас считать естественными некоторые тенденции мышления, которые на самом деле являются результатом определённых исторических влияний. Греческие философы искали единство, к которому стремится разум; но хотя они боролись с народным политеизмом, им не удалось, даже Платону и Аристотелю, избавиться от остатка дуализма. «Дуализм, — в самом широком смысле этого слова, — постоянно присутствует в манере мышления древних... Наука по своей природе стремится к единству; неудивительно, что греческая философия тяготела к монотеизму. Однако в ней сохраняется остаток дуализма, от которого она никогда не может полностью избавиться, несмотря на постоянные усилия сделать это максимально возможным».

Полное учение о творении, которое уничтожает дуализм, утверждая, что единственным первичным существом является вечный дух, — это учение евреев, распространённое в мире через христианство. То же касается и идеи свободы творений, которая всегда выражалась человеческой совестью, но всегда подавлялась идеалистическими тенденциями греческой философии. Учения о душе и о Боге, как они формулируются современным спиритуализмом, несут отпечаток христианства. Это убедительно, если заметить, что единственные регионы мира, где монотеизм существует в чистом виде и является предметом общего учения, находятся под влиянием христианской проповеди — либо прямо, либо косвенно через учение Мухаммеда. Если составить две карты: одну — стран, где единство Бога и учение о творении составляют основу религиозных идей, другую — христианских или мусульманских стран, — они совпадут полностью.

Результат серьёзного изучения фактов так выразил Анри Риттер: «Нужно признать, что некоторые тенденции духа по сути христианские в том смысле, что они могли проявиться

чистыми и с полной осознанностью только в христианском обществе, хотя в древности уже встречались их предчувствия и даже мимолётные следы, которые при неблагоприятных обстоятельствах не смогли закрепиться». То, что видит беспристрастный историк философии, ярый противник всяких религиозных верований, видит и другой. Один из сотрудников «Библиотеки современных наук», г-н Андре Лефевр, — горячий сторонник материализма. Его страсть доводит до того, что он забывает самые элементарные приличия. Он видит в спиритуалистических идеях, выдвинутых некоторыми современными уважаемыми учёными, всего лишь результат «амбициозных угрызений совести, ложного стыда и удобных предрассудков».

Он осмеливается писать, что эти учёные прекрасно знают, что материализм — истинное учение, но они проповедуют противоположные идеи, потому что это условие для получения «крестов, орденов, должностей и титулов». Однако этот горячий противник всех религиозных верований и всех спиритуалистических учений с ясностью ненависти видит влияние христианства на современную мысль. Ненависть часто слепа, но иногда она проясняет; г-н Лефевр пишет: «Декарт, Лейбниц, Локк, Кондилак, Ньютон, Бонне, Кант, Гегель, Спиноза, Толанд и Пристли, Руссо — все они в той или иной мере христиане... Кто не чувствует христианства в метафизическом заблуждении Декарта, великого абсолютного механиста, в предустановленной гармонии Лейбница, в постулатах Канта? Даже Вольтер не полностью избавился от вируса; его деизм от этого не свободен». Это явное преувеличение, но в нём есть зерно истины. Современный спиритуализм имеет корни в лучших плодах греческой философии, особенно в мыслях Сократа; но если обратить внимание на твёрдость и ясность его утверждений, видно, что он является продуктом разума, находящегося под влиянием христианства.

Эта истина подтверждается историческим исследованием и получает печальное подтверждение в современном состоянии умов. Многие из наших современников пытались полностью избавиться от влияния религиозной традиции. Каков результат этого усилия? Возрождение материализма, свидетелями которого мы являемся. Учёные и философы падают ниже интеллектуального уровня великих школ Греции. Они не только отвергают христианизированные учения современной философии, но и теряют из виду разумные светила древних греков и, как будто Сократ, Платон и Аристотель не существовали, пытаются с Демокритом и Эпикуром найти в изучении материи объяснение явлений духа. Тьма, окутывающая их мысль, тем гуще, чем ярче был свет, от которого они отвернулись. Изучение фактов разрушает иллюзию Декарта, который думал, что построил основы своей философской религии исключительно разумом, отбрасывая все традиционные данные. Это исследование также уничтожает наивное утверждение Руссо, что без каких-либо человеческих сообщений он мог бы в одиночку на необитаемом острове составить вероучение Савойского викария.

Общая иллюзия великого философа и знаменитого писателя могла объясняться в эпоху, когда исторические данные были более или менее неизвестны; сегодня она несостоятельна, но, по-видимому, сохраняется в умах некоторых современных людей, которые принимают остаток веры, скрывающийся от их собственного взгляда, за функционирование собственного разума. Руссо думал не только, что религия его викария удовлетворяет разум, сердце и совесть гораздо больше, чем аморальные и атеистические учения, с которыми он боролся с редкой красноречивостью, но и что эта религия является спонтанным продуктом человеческого разума. Здесь имеются две близкие, но разные идеи, которые важно не путать. Учение может удовлетворять разум одного человека, не будучи продуктом этого разума. Руссо, один на необитаемом острове, вряд ли открыл бы ни те доктрины, которые он заимствовал из Евангелия, ни те, что он явно получил от Платона и Декарта. Слова Христа основывают для тех, кто принимает их как божественное свидетельство, церкви верующих.

Под их влиянием, выходящим далеко за круг верующих, возникает особая цивилизация, которая глубоко отличает народы, на которые повлияло Евангелие, от остального человечества. Спиритуализм, который, чтобы быть чистым, должен быть ещё более очищен от некоторых влияний греческой философии, является интеллектуальным элементом христианской цивилизации. Люди, которые будут считать, что нашли лучшее решение философских проблем в словах Иисуса из Назарета, зададутся вопросом, почему самый чистый свет, по их мнению, который озарял мир, не вышел из учёных школ античности, а из незаметного городка Галилеи. Это, безусловно, важный апологетический аргумент. Серьёзно принятая христианская философия часто будет одним из путей, ведущих к вере. Но на самом деле существуют и существуют — хотя, возможно, меньше, чем раньше — люди, которые признают существование Бога и Его провидение, будущую жизнь и грядущую справедливость, не связывая свою веру с божественным свидетельством. Хотя они находятся под влиянием Евангелия, которое предложило им доктрины, которые они принимают, они остаются на поле чистой философии, поскольку принимают эти доктрины только как гипотезы, которые, по их мнению, подтверждаются разумом.

Христиане и спиритуалистические философы разделяют ряд верований, по которым различаются лишь в методе. В главных спорах ума у них общее дело для защиты, и жаль, что многие из них этого не понимают. Некоторые христианские писатели (к счастью, не все) яростно нападают на спиритуалистов, которые не разделяют их веру. Они не умеют радоваться тому, что люди, не видящие непосредственно того, что они считают источником света, тем не менее, освещены его лучами. Среди спиритуалистических философов есть те, кто безжалостно критикует христианские Церкви. Разве они не понимают, что для людей без философского образования вера — самый надёжный хранитель тех истин, которые они сами считают существенными? Боятся ли они, что их сочтут причастными к верованиям и практикам, которые они считают ложными, суеверными? Они забывают, что, объединяясь в одной общей причине, люди с разными взглядами не принимают точки доктрин, по которым расходятся.

Духовная философия и христианская вера имеют общие элементы. Думать, что если устранить авторитет веры, то не останется ничего от влияния Евангелия, — я повторяю, — было бы серьёзной ошибкой; но не менее серьёзной ошибкой было бы забывать о различиях, которые всегда будут существовать между философией и религией. Различие в методе: Религиозные убеждения не основаны, как философские идеи, на чисто интеллектуальной базе, потому что — скажу ещё раз — личные элементы сердца, совести и воли играют значительную роль в их формировании. Различие в содержании: Всеобщей чертой религии является утверждение чего-то, что существует выше и за пределами мира опыта. Именно в доктринах, относящихся к Богу, будущей жизни и грядущей справедливости, философия и вера встречаются. Но христианство не ограничивается только укреплением и очищением данных всеобщей религии; оно имеет специфические черты, вытекающие из идей, связанных с грехом и прощением.

Чувство греха для отдельного человека — это вступление в христианскую жизнь; утверждение греховного состояния человеческой природы — основа христианского знания. Можно сказать, что именно здесь находится точка разделения мыслей, как определённые горные хребты образуют водораздел. Кто отрицает грех, то есть существование состояния вещей, противного Божьей воле, тот идёт по наклонной плоскости, которая уводит его далеко от Евангелия. Учение о падении не совсем неизвестно древнему миру, и можно попытаться оправдать его философскими аргументами; но на деле оно в своей полноте признаётся обычно только теми, кто верит в искупление. Для близорукой мудрости идея, что творение может совершать действия, противные воле Всемогущего, трудна для принятия, а ещё труднее — роль, приписываемая Иисусу из Назарета, в проявлении божественного милосердия, итогом которого является прощение грехов.

Безумие Креста навсегда останется отличительной чертой Евангелия. Доктрины, принятые как лучшие решения вопросов, поставленных человеческим разумом, как гипотезы, которые лучше всего объясняют факты, могут стать основой философской школы, но не Церкви, члены которой произносят единодушно: «Я знаю, во что поверил». То, что в древности были ученики Пифагора, или, может быть, в наши дни есть ученики Огаста Конта, для которых слова Учителя являются знаком истины, — это бессмыслица, не разрушающая правила. Правило состоит в том, что члены философской школы предполагают принимать только то, что доказано их разумом. Их учитель — их наставник, но не объект их веры. Положение верующего другое. Нужно быть мало мыслящим, чтобы не понять разницу между актом веры в слова свидетеля — актом, связывающим целый ряд истин — и индивидуальным рассмотрением каждой из этих истин.

Устранить акт веры — значит разорвать ниточку ожерелья, на которой бусины остаются разрозненными, разбросанными по земле. В выражениях «христианская философия» и «христианская вера» одно и то же прилагательное употребляется в двух смыслах, не противоположных, но разных. В первом случае речь идёт о влиянии, осознаваемом или неосознаваемом, которое, в том и другом случае, если позволительно так выразиться, принимается с оговорками. Во втором случае прилагательное «христианская» содержит понятие авторитета, который принимается, что и является сущностью веры, как естественной, так и сверхъестественной. Это различие не понимают те, кто преподаёт церковную теологию, заявляя, что они не признают никакого авторитета и что наука, которую они представляют, свободна от всяких предпосылок. Это (почти излишне говорить) происходит лишь в некоторых протестантских теологических школах. Здесь возникает путаница понятий, которая осложняет классификацию наук.

Что отличает религиозные общества, называемые Церквями, от гражданского общества? Такой разницы не существовало в языческом мире, где религия была функцией государства и носила национальный характер. В христианском мире могут существовать Церкви, признанные государством, но легитимных национальных культов в строгом смысле быть не может, поскольку христиане исповедуют веру в истину, одинаковую для всех, и свидетельство Христа, несущего эту истину, должно быть провозглашено всем народам. Национальный характер культов, где он ещё существует, полностью противоречит христианской идее универсального характера религиозной истины. Церковь образуется объединением людей, связанных общей верой; она отличается от гражданского общества тем, что эта вера предположена как её основа и причина существования. Так же и церковные науки, обычно называемые теологией, которые имеют целью изложение учения Церкви, отличаются от философских исследований и философского изучения религий тем, что предполагают веру, которая и является причиной их существования как отдельной науки.

Если бы преподаватель философии ссылался на какой-либо авторитет, отличный от опыта, разума и естественного свидетельства, если бы он приводил в доказательство своих утверждений декреты соборов или цитаты из Священного Писания, он вышел бы за рамки своей науки; он неприемлемо вводил бы свою личную веру в изучение, которое должно быть исключительно опытным и рациональным; его следовало бы отправить на занятия по теологии. Если преподаватель церковной теологии заявил бы, что он преподаёт науку, свободную от всяких предпосылок, чуждую какой бы то ни было основе веры, он не понимал бы сущности своего предмета и должен был бы быть отправлен на занятия по философии. Здесь — чёткое различие между двумя классами наук, различающимися по методу и по части содержания.

Только в случае апологетики, то есть изложения доказательств веры, необходимо делать исключение. Эта наука обязана быть свободной от всяких предпосылок. Её цель —

оправдать религиозный авторитет, и очевидно, что предполагать этот авторитет заранее было бы большой ошибкой. Апологетика стоит на стыке философских и церковно-теологических исследований. Если образно, она — портал храма религии, расположенный между внутренним пространством здания и открытым внешним миром. Попав внутрь храма, встает вопрос об интерпретации свидетельства Христа, чья ценность была подтверждена. Метод апологетики совпадает с методом философии. Первая из этих наук рассматривает факт христианской религии и стремится его объяснить. Для тех, кто принимает, что лучшее объяснение — это особое проявление Бога в Иисусе Христе, религиозный авторитет стоит на прочной основе.

Часто говорят, и невнимательные или предвзятые умы естественно склонны думать, что существует несовместимость между наукой и верой, между философией и религией. Такое мнение обычно принадлежит тем, кто верит, не исследовав, и верит с верой, которая не стремится к пониманию. Эти люди не находятся в условиях, необходимых для занятия философией, и правильно делают, что не занимаются ею. Но для человека, который исследовал основания своих убеждений и пришёл, следуя требованиям научного метода, к убеждению, что христианская вера содержит лучшие решения великих вопросов, поставленных человеческим разумом, наука и вера, религия и философия объединяются, не смешиваясь, в драгоценной гармонии. Опасно пытаться искусственно и преждевременно реализовать эту гармонию; необходимо дать ей возможность проявиться. Нужно позволить двум различным порядкам мыслей и чувств развиваться свободно, по их собственным законам, сохраняя уверенность, что они сближаются, возвышаясь и соединяясь на своей вершине.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ЕДИНСТВО ХРИСТИАНСКОГО МИРА

Единство христианского мира! В нынешнем положении дел эта тема, несомненно, покажется многим читателям парадоксальной. Моя цель вовсе не в том, чтобы отрицать существование нынешних разделений. Напротив, я хочу их зафиксировать и показать их последствия. Затем я постараюсь найти единство, которое сохраняется под этими разделениями, и в конце укажу на некоторые признаки сближения между разобщёнными членами христианской семьи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СУЩЕСТВУЮЩИЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА

С самого начала проповеди Евангелия возникали столкновения, следы которых сохранились в апостольских документах; вся церковная история полна подобных фактов. Но это печальное явление проявлялось в разных формах и с разной степенью интенсивности. Сегодня разделений много: восточные католики, римские католики, лютеране, англикане, реформаты, секты и подсекты... Особое внимание я обращу на те факты, которые мне известны лучше всего — на разделение западного христианства между католиками и членами церквей, отделившихся от Рима, которых обычно объединяют под названием протестантов. После жестоких столкновений XVI века, продолжавшихся более или менее на протяжении двух последующих столетий, противники религии трагическим образом напомнили христианам различных церквей об одном единстве, которое эти христиане слишком забывали.

Во Франции, во времена Террора, тюрьмы и эшафоты стали инструментами войны, направленной явно против самого христианства, то есть против общего элемента различных церквей, что подчёркивало единство, сохраняющееся под их разделением. Урок был суров и принес плоды. В 1792 году французские католические священники нашли убежище в городе Кальвина. Принимая их, Женева забывала, что она протестантский город, и вспоминала только, что она — христианская. Беглые священники были встречены с почестями,

полагающимися их несчастью. Среди тех, кто проявил им щедрую симпатию, особенно выделяют двух служителей церкви: пасторов Шеневьере и Пико. Наступил период примирения, продолжавшийся до начала нашего века, о чём Людовик Рихтер оставил следующие строки: «В то время конфессиональные различия ещё не были такими решительными, как сегодня; мы жили в потоке, в котором все настоящие христиане — католики и протестанты — братски подавали друг другу руки, перешагивая через разделяющие их барьеры; и это происходило не из равнодушия, а скорее из глубокого чувства истинного единства в Том, Кто есть Спаситель всех. Тогда любили часто сравнивать это с армией, следующей за одним вождём и одним знаменем, хотя в разных мундирах».

Можно привести множество примеров, подтверждающих это утверждение. Я, например, помню, как в детстве видел, как жители католической деревни приходили в дом протестантского пастора за предметами, которые им доброжелательно выдавали для украшения алтаря на процессии в праздник Тела Христова. Сегодня возрождение и распространение нерелигиозных учений должно иметь такой же эффект, какой имела в прошлом веке революционная гильотина, — напомнить верующим разных конфессий об их единстве. Война, объявленная идеям религии и даже одному лишь имени Бога главарями атеизма, бросает мрачный свет на факт, что все христианские общины одинаково подвергаются ненависти, что позволяет видеть единство объекта этой ненависти в разнообразии её проявлений. Однако религиозные споры и связанные с ними страсти усугубились в эпоху и при обстоятельствах, особенно губительных. Полный анализ причин этого вышел бы за рамки моего исследования.

Я ограничусь упоминанием: провозглашения непогрешимости папы, что сильно обострило споры и углубило пропасть между Востоком и Западом; временного возрождения кальвинизма в некоторых протестантских кругах; а также в более позднее время — формирования протестантизма, в основном сохраняющего негативные элементы прошлого, главным образом оппозицию Римской Церкви. Эта оппозиция недавно проявилась в общем и весьма значимом событии. Конгресс так называемых старокатоликов собрал в Люцерне с 12 по 15 сентября 1892 года представителей церквей и национальностей разного рода. Там проявились «великодушные стремления к христианскому братству», и свидетели этой встречи заявляли, что «могут приветствовать во встрече епископов и докторов из Востока и Запада первое зарево эпохи сердечного согласия между различными христианскими конфессиями». Это была прекрасная и благородная перспектива.

Если бы собрание в Люцерне имело только цель и результат утверждения основ общей веры различных членов христианства, оставляя на втором плане менее важные различия, можно было бы без опасений приветствовать это как признак обнадёживающего прогресса в сторону единства. Но увы! Без абсолютного отказа от этого чувства приходится с грустью констатировать, что главной целью конгресса и его основной причиной существования не было утверждение общей веры, а желание сосредоточить усилия ряда религиозных обществ на энергичной борьбе против Римской Церкви. Это очевидно из первой из принятых тезисов, где говорится, что «старокатолицизм — не просто протест против новых догматов Ватикана, и в особенности против папской непогрешимости, но и возвращение к истинному католицизму древней единой и неделимой Церкви, путём устранения пороков, содержащихся в папистской и иезуитской церковной системе».

Нельзя точнее выразить полемическую цель конгресса. Негативная сторона дела ясна. Что касается позитивной стороны, а именно того, каким должен быть истинный католицизм, который планируют восстановить, то это трудно определить, учитывая разноплановые религиозные и церковные взгляды участников собрания в Люцерне. Поэтому опытный и хорошо осведомлённый редактор протестантской газеты, после того как «с удовлетворением отметил результаты конгресса», признал, что он несколько озадачен всей

неясностью, хаотичностью и противоречивостью в позитивных тенденциях, которые выразил и вызвал этот конгресс. Что остаётся очевидным — это чувство враждебности к одной из крупнейших христианских церквей, которая собрала в Люцерне людей с достаточно разными убеждениями.

Таким образом, это собрание — яркое доказательство, среди многих других, глубокой трещины в христианстве, поскольку оно представляет собой союз, основанный на враждебном чувстве, концентрацию сил для ведения войны. Именно это разделение является непосредственным предметом моего исследования. Какими бы ни были причины этого факта, несомненно, что религиозные распри приобрели новую остроту, и очень своевременно повторить торжественное предупреждение, адресованное христианам различных Церквей Александром Вине: «Католики, ваши опасности не в протестантизме; протестанты, ваши опасности ещё меньше в католицизме; и у тех и у других есть другой враг — это атеизм, который, рождаясь из смятения всех идей и шума всех страстей, поднимает свою отвратительную голову и с удовлетворением смотрит на век без веры».

Эти слова обращены к верующим, и следует заметить, что люди, вовлечённые в конфессиональные споры, вовсе не все являются верующими. Наблюдения позволяют различить в религиозном мире две очень разные категории лиц; я применю это замечание к западному христианству. Есть люди, которые в первую очередь и прежде всего, являются протестантами или католиками, будучи более или менее, а порой и вовсе не христианами. Есть другие, которые в первую очередь и прежде всего христиане, а уже вторично — католики или протестанты. Для части лиц первой категории религиозный вопрос — всего лишь политический вопрос. Их можно видеть в роли, иногда даже с применением насилия, апологетов культа, учению которого они не верят. Возможно, можно указать на протестанта по рождению, который стал католиком, не веря в мессу, думая таким образом утвердить принцип авторитета, и на католика по рождению, который перешёл в протестантизм, не ища в Священных Писаниях предмета своей веры, считая, что так он утверждает принцип свободы.

Другие из первой категории имеют искреннюю, но исключительную веру. Они не допускают, что вне их принятой веры во всех её деталях и вне их культа, совершенного во всех обрядах, может существовать реальное воздействие духа Божьего; по их мнению, христианский элемент полностью поглощён их Церковью. Для таких людей не может быть и речи о единстве религиозного мира, поскольку они сосредоточены, прежде всего, на том, что разделяет. Между протестантами, считающими папу антихристом, и католиками, которые видят в Реформации XVI века исключительно сатанинское явление в её происхождении и последствиях, никакого сближения невозможно. Вторая категория — это люди, которые в первую очередь и прежде всего христиане, а уже во вторую очередь католики или протестанты. Для них существует, несмотря на реальные различия, не менее реальный элемент единства; но это единство слишком часто игнорируется.

Разделения и распри привлекают больше внимания и заслоняют от взора тех, кто готов понять друг друга, почву для объединения без отказа от своих частных убеждений. Христианство печально разделено. В городах, и часто даже в простых деревнях, поднимаются враждебные колокольни как видимый символ этого разделения. После эпох, когда элемент принуждения обеспечивал мнимое и лживое религиозное единство, разнообразие культов стало знаком завоёванной свободы и приятно щедрым душам. Но свобода сама по себе — не благо, а лишь условие блага; это средство, а не цель. Свобода совести — абсолютное условие существования духовного общества, но идеальной целью освобождения совестей может быть лишь установление единства путём свободного согласия с истиной. «Никто не разрывается ради разрыва, что противоречит всем естественным инстинктам и видимым намерениям Провидения. Разрываются, чтобы

соединиться; свобода должна привести к единству. Есть две ошибки: одна у сторонников единства без свободы, другая — у приверженцев свободы без единства».

Разнообразие культов, как я только что сказал, знак свободы, завоёванной после эпох принуждения; в некоторых обстоятельствах оно может иметь относительные преимущества, которые я укажу позже; но противостояние культов — безусловно зло. Общее поклонение Отцу Небесному — идеал религиозной жизни. Что тяжело в том, что люди, все признающие себя учениками Иисуса Христа, разделяются и поклоняются Богу, посещая разные храмы; но ещё тяжелее, что материальное разделение культов слишком часто становится источником вражды — это должно ранить каждое сердце, проникнутое влиянием Евангелия. Существование не просто разных, а прямо противоположных культов вредит любви и даёт могущественное оружие врагам религии. Привлекать внимание к фактам этих противопоставлений и печальным последствиям вражды — одна из любимых тем поверхностного и насмешливого неверия.

Распри христиан наносят вред делу миссий. «Учите все народы», — сказал Христос. Его повеление исполняется, и всеобщее пробуждение миссионерского духа — один из лучших признаков XIX века. Но сколько препятствий успеху евангелизации язычников приносит печальная вражда разных церквей. Позволю себе воспроизвести здесь рассуждения, когда-то высказанные слушателям одного из моих публичных курсов: «Представьте себе язычников, которые приподнимают тяжёлую завесу своих суеверий, начинают образовывать христианские общины и видят, как приходят миссионеры другого христианского культа, которые говорят им, что их неправильно учили, и пытаются убедить, что только они, новоприбывшие, приносят истинное учение. Какое смятение в душе этих бедных людей! Эти распри существуют не только между католиками и протестантами; неопровержимые свидетельства, особенно Ливингстона, показывают, что иногда епископальные англиканские церкви скорее становятся врагами, чем союзниками других протестантских общин в поле миссионерской деятельности. Часть мира, ещё не обращённая, огромна, и для всех работников хватит места; но иногда кажется, что миссионеры разных культов следуют по следу друг друга, мешая делу друг друга. Это как голодные люди, пришедшие в сад, где плодов много, но они бросаются на одни и те же деревья, чтобы спорить за них. В наш век конгрессов и международных соглашений нельзя ли договориться о соглашении между церквями и миссионерскими обществами, по которому они обязались бы не вторгаться в дела друг друга хотя бы на один-два века и поделили бы между собой те области, куда ещё никто из проповедников Христа не ступал?»

С тех пор, как я произнёс эти слова, произошла одна из самых печальных сцен в истории миссий. Уганда — самая важная страна экваториальной Африки — была под управлением умного, но развратного и жестокого правителя Мтесы. Суеверия там были ужасны, а охота за людьми для рабства достигала страшных масштабов. Миссионеры, одни протестанты, другие католики, вошли в эту миссионерскую область. 29 июня 1879 года король вызвал представителей двух культов. После слушания их спора он сказал: «Как мне узнать, что истинно, а что ложно?» И слушатели с печальными лицами говорили друг другу: «У каждого белого своя религия». Усилия миссий, предпринятые в Риме, Англии, США и в других местах, значительны. Жертвы многих человеческих жизней и больших сумм денег свидетельствуют о преданности делу евангелизации язычников. На разных концах света достигаются важные результаты, но насколько больше были бы они, если бы была единство действий миссионеров! Если такое единство невозможно при нынешних обстоятельствах; если печально обоснованные прогнозы заставляют видеть в этом лишь далёкую мечту, разве не позволительно хотя бы надеяться на смягчение распрей, последствия которых нельзя не признавать губительными? Эти раздоры, порождающие горькие плоды на далёком миссионерском поле, приносят не менее горькие плоды и в недрах, так называемых христианских народов.

Одной из язв современного общества является учреждение школ без религиозного влияния, обучение в которых исключает Бога. Это один из самых опасных экспериментов, которые можно попытаться провести. Никогда подобная концепция, столь полная угроз для будущего общества, не могла бы родиться в умах законодателей, если бы не разделения в христианстве. Это легко доказать, если проанализировать доводы, которыми оправдываются подобные решения. Говорят, что государственная школа должна преподавать только те вещи, в которых все согласны. Но поскольку протестанты и католики не могут договориться, то государственное образование не должно иметь конфессионального характера. Существуют также атеисты, значит, нельзя говорить детям о Боге. Чтобы понять несостоятельность этого аргумента, достаточно заметить, что хотя он имеет общий характер, на практике он применяется только к религии.

Достаточно прочитать, например, учебник по гражданскому воспитанию, принятый в школах Парижа, Лиона, Бордо, Марселя, чтобы убедиться, содержит ли он только то, с чем согласны все французы. В стране, где подавляющее большинство жителей — независимо от своих убеждений или их отсутствия — желают, чтобы дети воспитывались под влиянием религии, естественно, чтобы государственная школа соответствовала их ожиданиям. Поручив религиозным служителям преподавание катехизиса своей Церкви, разве невозможно ввести в общее образование христианское влияние, очищенное от всякой полемики? Это возможно — и доказательством этого служит тот факт, что такая задача уже была успешно решена. В старых школах города Фрибург в Швейцарии, которыми руководил отец Жирар, христианское влияние пронизывало всё обучение, и курс родного языка был главным инструментом нравственного и религиозного воспитания. Этот курс, составленный францисканским монахом, можно было без труда использовать — и действительно использовали — в протестантских школах, потому что он вел детей к Небесному Отцу и к Его Христу без участия каких-либо конфессиональных элементов.

Даже в нынешнем состоянии христианства было бы несложно установить в школах положительное религиозное влияние, если бы разнообразие культов не выливалось в противостояние. Для этого было бы достаточно сохранить государственное образование на основе той христианской общности, которая, к сожалению, не признаётся, но доказательства которой я постараюсь показать — в вероучении, морали и чувствах.

ГЛАВА II. ЕДИНСТВО В ВЕРОУЧЕНИЯХ

Специфической чертой религии в целом является утверждение, что существует нечто выше и вне мира опыта. Специфической чертой христианства является утверждение о состоянии греха человеческой природы, которое одно только способно объяснить доктрины искупления и обращения. Это — в общих чертах — содержание свидетельства Христа, которое можно различить, отделив его от деталей догмата и культа, если уметь, как апостол Павел, отличать основание веры от различных построений, воздвигаемых на этом основании. Этот принцип единства всех христианских Церквей скрыт за конфессиональными спорами, истинную природу и значимость которых важно правильно понять. Обычно говорят, что протестантов от католиков отличает то, что первые признают принцип свободы, а вторые — авторитет. Если придавать такому взгляду абсолютное значение, он становится совершенно ложным. Это разделение больше похоже на противопоставление позитивной религии и чистой философии; но даже в этом случае такое разделение становится ложным, как только претендует на абсолютность.

Верно, что позитивные религии признают авторитет определённых правил веры, в то время как философия сохраняет свою независимость; но философия теряет себя, как только перестаёт подчиняться тройственному авторитету опыта, свидетельства и разума. Когда речь идёт о христианских общинах, идея полного противопоставления свободы и авторитета

ещё менее оправдана. Это легко показать, если рассмотреть оба принципа по отдельности и вывести из них последствия. Один лишь авторитет неизбежно удерживал бы каждого человека в той вере, в которую он был введён с рождения. Именно тогда в полной мере реализуется мысль, высказанная Зайрой у Вольтера: Я это вижу: старания, приложенные к нашему детству, Формируют наши чувства, нравы, веру; Я бы была у Ганга рабыней ложных богов, Христианкой — в Париже, мусульманкой — здесь. Авторитет, который не принят свободно, а лишь пассивно усвоен, рушится при первом пробуждении разума и оборачивается скептицизмом.

Если я должен принимать без размышления религию, в которой был воспитан, тогда китаец, араб или басуто должны поступать так же. Получается, у каждого народа — своя доктрина, а так как они противоречат друг другу, значит, истины нет вовсе. Вот к чему приводит принцип авторитета, если он принят в изоляции и доведён до конца. Принцип свободы, также принятый в абсолюте, дал свои плоды в некоторых частях протестантского мира. Среди богословов, провозглашающих независимость своей науки от всякой веры, некоторые сохраняют элементы философии, более или менее христианской: они признают существование Творца-Бога, свободу человека, бессмертие души и будущую справедливость. Они принимают это не на основании веры или авторитета, а потому, что это удовлетворяет их разум. Но у других результат свободы мысли совсем иной. Некоторые богословы приходят к пантеистическим и детерминистским теориям. Они больше не верят ни в Бога, отличного от мира, ни в свободу человека, ни в бессмертие души.

Один протестантский пастор даже прямо заявил, что не верит в личное бессмертие. Такое отрицание основ веры, исходящее от церковных служителей, — явление странное. Его объяснение — в сочетании национального характера церкви с развитием демократии и принципа свободы мнений. Если церковь — национальный институт, тогда все граждане имеют право быть её частью. А если мнения граждан свободны, то все мнения имеют право на существование в Церкви. Вывод — абсурдный, потому что Церковь по сути своей — это сообщество людей, разделяющих одну веру. Но этот вывод одновременно логичен и абсурден. Здесь мы сталкиваемся с любопытным историческим феноменом, на котором можно изучить последствия национального характера церкви и одностороннего применения идеи свободы. Вот к каким результатам приводит изоляция двух принципов, которые, по ошибке, считают противоположными и несовместимыми. В обоих случаях мы приходим к упразднению подлинной религиозной веры.

Но это противопоставление — ошибка, так как, как мы уже говорили, доверие к свидетельству позволяет эти принципы примирить. Применим эту общую истину к религии. Человек, который свободно принял ценность свидетельства Христа, тем самым принял авторитет Христа; его подчинение — результат свободного выбора его разума. Для христианина настоящий вопрос — это не свобода или авторитет, а вопрос о том, где находится авторитет и каковы его границы. А значит, настоящий вопрос — кто является законным истолкователем свидетельства Христа. Восточные католики принимают в качестве нормы веры решения семи Вселенских Соборов. Западные католики принимают как решения соборов, так и, с момента Ватиканского собора, непогрешимые высказывания Папы ex cathedra. Протестанты обращаются непосредственно к Священному Писанию. Одни придают равную значимость всем каноническим книгам, другие делают различия. Некоторые признают единственным подлинным авторитетом — самого Христа.

Таким образом, местоположение авторитета определяет его границы, и эти границы могут быть ближе или дальше. Но принцип авторитета всегда присутствует, пока существует вера. Восточные и западные католики, англикане, лютеране, реформаты — все христианские конфессии обращаются к свидетельству Христа, в ценности которого они единодушны. Конфессиональные споры действительно имеют большое значение, которое нельзя

игнорировать. Но спорщики, увлечённые жаром борьбы, порой поднимают такую пыль, что не видят, что признание общей основы веры — это единственная причина их споров. Ведь ясно же, что вопрос — быть ли восточным католиком или римским, англиканином или лютеранином, епископальным или пресвитерианином — не имеет никакого смысла, если сначала не признать, что нужно быть христианином.

Феликс Бове, присутствовавший на праздновании Пасхи в Иерусалиме, был потрясён ссорами между представителями различных церквей. И всё же он писал: «В эту ночь различные христианские конфессии одновременно праздновали Воскресение в Храме Гроба Господня. Это — яркое свидетельство: все эти церкви, хоть и враждующие между собой, едины в признании этого великого события как вечного основания своей веры, и тем самым, вопреки самим себе, несмотря на свой исключительный дух, воздают честь единству и всеобщности Церкви». Возможно, однажды случившееся предположение ярко проясняет различие между общими основаниями веры и частными догматами различных христианских общин.

Представим себе человека, чуждого всякой религиозной вере, но достаточно образованного, чтобы ясно видеть основные элементы веры, общие для всего христианства. Он знаком с доктринами о существовании Бога и Его провидении, о грехе, прощении, Царстве Небесном и вечной жизни. Он знает эти учения, но отвергает их, считая детскими иллюзиями или суевериями. Однажды тяжёлое жизненное потрясение потрясает его душу. Его сердце разбито, ему нужна вера и надежда; его совесть пробуждается, он ощущает потребность в прощении. Он обращает взгляд своей души к Небесному Отцу и к кресту на Голгофе. Он может принять слова спасения, стать христианином, не задаваясь вопросом о принадлежности к той или иной видимой Церкви. Луи Рихтер рассказывал, что был в такой ситуации, которая, кажется, сопровождала его на протяжении всей жизни. Он находился в Риме со своими благочестивыми товарищами у постели больного и описывал характер их религиозных бесед так: «Для нас было важно не внешнее оформление веры, а сама жизнь и сила веры... Я не думал ни о протестантах, ни о католиках; я обладал Христом и Его божественными обещаниями, и этого счастья мне было достаточно. Моей главной заботой стало укрепление и развитие этой новой жизни».

Такое духовное положение в большинстве случаев бывает временным и нестабильным, но оно реально, и его реальность доказывает, что под поверхностью различных конфессий существует общая основа веры, которая в исключительных случаях проявляется отдельно и является общим элементом всякого серьёзного обращения. Я знал одного врача с твёрдым умом, который пришёл к вере, присутствуя при разговорах умирающей молодой католички с её священником; этот врач стал ревностным протестантом. Я знал офицера французской армии, весьма мало верующего, который обратился к вере благодаря протестантскому пастору; этот офицер стал набожным католиком. Эти двое шли разными путями, и можно надеяться, что разными путями они достигли одной цели — жизни после смерти, куда оба вступили. Они шли разными дорогами под влиянием детских воспоминаний, окружения и личного характера, но эти разные дороги начались из одной и той же точки. Думаю, в момент своего обращения они были духовно близки.

Они стали христианами, и разнообразие обстоятельств породило разное развитие сходных зачатков. Явление изоляции основ веры может быть также результатом учёбы. Представим человека, который нашёл в главных элементах учения Христа удовлетворение своему разуму, сердцу и совести. Он также нашёл подтверждение своей веры в изучении религий и философий. Услышав всех учителей человеческой мудрости, он сказал Иисусу из Назарета, ставшему для него Христом: «К кому я пойду, Господи? Ты имеешь слова жизни вечной». Но сможет ли он принять сторону в спорах между различными христианскими Церквями? Нет у него достаточно света, чтобы решить. Он видит веские доводы за и против каждой из форм

христианства и остаётся нерешительным. Скорее всего, он останется в той Церкви, в которой родился и воспитывался, но будет оставаться в ней, не нападая на другие религиозные общины и не отвергая их особые доктрины.

Над барьерами, разделяющими разрозненные элементы христианства, он будет устремлять взор к невидимой Церкви, в которой должна осуществиться общность верных душ. Если бы он не принадлежал ни к одной из организованных Церквей, его положение можно представить так: христианская вера в своей простоте — это вершина горы, где над болотами пороков, тьмой, невежеством и туманом сомнений дышится чистым и здоровым воздухом высот при свете солнца. Восхождение на эту благословенную гору требует условий, указанных Христом: покаяния и обращения сердца, искреннего желания освободиться от уз эгоизма и дурных страстей, твёрдого намерения соблюдать закон любви, принятия божественного прощения и обращения к Богу за укреплением дара Его духа. Достигнув плато, образующего вершину горы, новообращённый видит несколько зданий, у дверей каждого из которых стоят служители культа, который там совершается.

Все они приглашают войти в пределы своих обителей, утверждая, что именно там он найдёт верное истолкование свидетельства Того, в Кого он верит, и Кого признают своим общим Учителем. Возможно, он будет колебаться, твёрдый в вере во Христа, но, не склоняясь ни к одному из толкователей божественного свидетельства. Он останется под небесным сводом, по крайней мере, временно, в том, что составляет единство христианского мира. Для установления этого единства в вероучениях чрезвычайно полезно общее изучение религий и философий. Для человека, воспитанного в конкретной вере, которая долгое время была для него единственной формой религии, знакомство с другими существующими и бывшими в мире доктринами может стать причиной сомнений, семенем скептицизма. Он склоняется к принятию взглядов школы, которая, исходя из априорного отрицания ценности всех теорий, выходящих за пределы опыта, видит в религиях и философиях лишь выражение переменных и временных психических фактов. Однако серьёзное изучение общей истории доктрин может привести к другому результату.

При рассмотрении различных решений, предложенных древними и современными религиями и философиями по великим вопросам судьбы человечества, христианские решения в их специфических чертах и в их противостоянии другим системам обнаруживают яркий свет, и их превосходство становится очевидным. Это — лекарство от бед, которые могут быть следствием узких теологических исследований и озабоченности второстепенными доктринами, что слишком часто бывает их результатом. Я имел по этому поводу личный опыт. Четырёхлетнее обучение теологии не укрепило меня в твёрдости убеждений и вызвало глубокие сомнения. Последующие же мои занятия укрепили мою мысль, отвлекая от частностей и направляя к изучению действительно фундаментальных вопросов духовного порядка. Будучи преподавателем истории философии, я ясно увидел, в противопоставлении всем остальным учениям, основные утверждения, которые составляют единство христианского мира в сфере вероучения: Царство Божие — обитель святости и любви, закрытая грехом и вновь открытая Искуплением; существование над и вне мира настоящей Небесной Родины, обещанной кающимся, смиренным, милосердным — всем, кто всерьёз принял веру Евангелия.

ГЛАВА III. ЕДИНСТВО В МОРАЛИ

Нравственные нормы являются результатом убеждений, касающихся принципа устройства Вселенной, состояния человечества и его предназначения. В наши дни были предприняты значительные усилия по созданию так называемой независимой морали, то есть морали, отделённой от всякой доктрины. Эта попытка имеет свои достоинства — прежде всего в том, что продолжила работу Канта, сосредоточив внимание на факте нравственного долга,

который представляет собой один из основных элементов конституции духа и должен быть признан независимо от какой-либо философской или религиозной системы, как один из важнейших результатов психологического анализа. Однако чувство долга варьируется в своих проявлениях, и попытка построить мораль без участия верований — значит игнорировать глубокую связь между мышлением, чувствами и волевыми решениями. Что касается доктрин второстепенного характера, то духовная ценность индивидов далеко не всегда соразмерна с истинностью их убеждений. Но существуют доктрины, которые являются необходимыми условиями или, выражаясь на языке школ, постулатами нравственной жизни, и которые невозможно отвергнуть, не подорвав основы этой самой жизни.

Прежде всего — это утверждение о свободе воли, которая делает человека частично ответственным за свои поступки. Без этого утверждения исчезает само различие между добром и злом в нравственном смысле. Между тем сегодня это утверждение подвергается яростным нападкам, необоснованно прикрытым мантией науки. Человек по природе своей способен быть непоследовательным; но очевидно, что детерминизм, столь модный ныне, если довести его до логического конца, иссушит все источники действия. Признание элемента свободной воли — необходимое условие всякой морали. Христианская мораль основывается на постулате греховности человеческой природы, которому соответствуют доктрины покаяния как всеобщего долга и обращения. Только не следует забывать глубокое замечание Декарта: «Многие люди не знают, во что они верят, ибо акт, посредством которого человек верит во что-либо, отличается от акта, посредством которого он знает, что верит; и один из них часто встречается без другого». (Речь о методе, часть 3)

Так, например, христианин, исповедующий строгое ортодоксальное учение, но самодовольно довольный своим нравственным состоянием, не верит всерьёз в доктрину греха, хотя и повторяет её словами своего катехизиса. И напротив, можно встретить человека, который теоретически утверждает естественную доброту человека, но проявляет подлинное смирение, тем самым признавая не только вольные проступки, но и глубинное расстройство своей природы. Можно теоретически отрицать доктрину, не замечая, что через свои чувства утверждаешь то, что ум отрицает. Однако это справедливо лишь в отношении отдельных людей, но не в отношении официального учения Церкви. Непоследовательность — это индивидуальный факт; но в долгосрочной перспективе в традиционном и официальном учении логика вновь берёт верх. Если бы религиозная община провозгласила в своём Символе веры естественную доброту человека, то мораль неизбежно бы деградировала в её недрах.

Зло, рассматриваемое как нечто чисто личное, как простой случай, не имело бы иных ограничителей, кроме общественной практики, общих обычаев. Жизнь же стала бы управляться природными склонностями, провозглашёнными по своей сути добрыми. Если отвергнуть идею о моральном безразличии доктрин, тогда легко выделить основные черты христианской морали, общие для всех Церквей. Эта мораль действительно подвергалась искажению. Известны, например, те искажения, которые Паскаль обличал в своих Письмах к провинциалу. Можно указать и на других богословов, чья мысль, похоже, интерпретировала доктрину спасения по благодати так, будто она освобождает от необходимости совершения добрых дел. Изучение этих искажений интересно и полезно, но не входит в мою задачу. Я хочу говорить о праве, а не о фактах — исследовать основания морального порядка, признанные и официально провозглашённые всей христианской Церковью, без анализа различных построений, возведённых на этих основах.

Нет ничего проще, чем продемонстрировать единство нравственного учения различных Церквей в его основных положениях, поскольку все они без споров и разногласий признают и предписывают своим верующим исполнение того, что называется суммой закона.

Второзаконие (гл. 6, ст. 3): «Возлюби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими». Левит (гл. 19, ст. 18): «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Некоторые разумные иудеи уже тогда сближали эти два предписания, рассматривая их как суть Закона. Иисус Христос подтвердил их мнение своей авторитетной поддержкой. Он добавил, что вторая заповедь подобна первой, и что на этих двух заповедях зиждется весь закон и пророки (см. Лука 10:25–28). То есть из этих двух заповедей, правильно понятых и последовательно применённых, вытекает вся мораль, как река — из своего истока. Такова сумма закона, признанная и преподаваемая всеми христианскими Церквами.

Важно уточнить её содержание. Любить Бога — это высший закон. Но о какой любви идёт речь? Ясные утверждения, основанные на текстах, признанных всеми христианами, не оставляют сомнений. Та любовь, которую Христос требует к Богу и к Себе, в Ком Бог явился миру, — не имеет отношения к переменчивым чувствам, зависящим от физического состояния. Это то, что можно назвать любовью воли. Любить Бога — значит иметь твёрдое и стойкое намерение соблюдать Его заповеди (1 Иоанна 5:3), то есть подчинить свою волю Его святой воле, противопоставляя её злым склонностям сердца. В чём же состоит эта высшая воля? Здесь также нет сомнений: воля Творца — счастье Его созданий, ибо Бог есть любовь (1 Иоанна 4:8). Эта любовь — источник искупительного дела Христа, объяснение Его пришествия в мир ради спасения людей (см. Римлянам 5:8; 1 Иоанна 4:9). Именно поэтому Творец, Всевышний, Всемогущий в речах Христа называется Отцом. Уже одно это объясняет, почему вторая заповедь подобна первой.

Это не отдельное предписание, равное по значимости, но естественное продолжение первого, как только принимается христианское понимание Бога. От отцовства Бога следует братство людей, которые все — дети небесного Отца. Любить Бога — значит исполнять Его волю. А Его воля — благо людей. Следовательно, существует только одна подлинная любовь к Богу — та, что проявляется в сердце каждого любовью к ближним. «Если кто говорит: "Я люблю Бога", а брата своего ненавидит, — тот лжец» (1 Иоанна 4:20). Таково энергичное выражение этой основной истины у апостола Иоанна. Вот как связаны две заповеди, составляющие закон любви: первая включает вторую, а вторая предполагает первую. Апостол Павел так уверен в этом, что считает возможным опустить первую, когда пишет: «Весь закон заключается в одном слове: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Галатам 5:14).

Не будет лишним указать на заблуждение той формы благочестия, которая погружает человека в экстатическое созерцание, отрывающее его от ближних. Поклонение Творцу, которое приводит к забыванию творений, — это заблуждение, следы которого, к сожалению, можно найти даже на прекрасных страницах Подражания Христу. Подобную ошибку можно оставить адептам пантеистических учений, отрицающих реальность и ценность индивидуального существования. Созерцание бесконечного Бытия может приводить к такому результату, но мысль о небесном Отце неотделима от мысли о Его детях. В христианском мире поклонение восходит к небу только для того, чтобы вновь снизойти в благодеяниях на землю. Нужно любить ближнего, как самого себя: значит, нужно любить самого себя. Таким образом, любовь к себе — одна из основ морали. Это утверждение может показаться парадоксальным, но оно явно содержится в кратком изложении закона. Ведь если нужно любить других, как самого себя, и если не нужно любить самого себя — тогда не нужно любить и других.

Это соображение объясняет суть христианского отречения и отличает мораль Евангелия от морали мистиков и философов, которые требуют от человека полного отказа от счастья и рассматривают этот отказ как высшую ступень духовной жизни. Отказаться от счастья — значит отказаться исполнить волю Творца, ибо Бог есть любовь, и желает счастья Своим

детям. То, от чего действительно следует отказаться, что должно умереть — это эгоизм, то есть стремление к личному счастью в ущерб счастью других или без заботы о нём. Это истина, которую с величайшим блеском выразил отец Лакордер: «Является ли эгоизмом желание быть счастливым? Было бы весьма странно, если бы счастье и аморальность были одним и тем же. Счастье — это призвание человека; это естественное и предопределённое достояние всех разумных существ. Каждый, кто приходит в этот мир, приходит в него для счастья. Это его право. Более того — это его долг. Ибо его долг — повиноваться Богу, а Бог дал ему два одинаково важных и параллельных повеления, когда даровал жизнь: заповедь совершенства и заповедь блаженства. Но обратите внимание на сказанное: счастье — это достояние всех, без исключения; это родина и будущая отчизна всех тех, кто добровольно не отрёкся от него. Отсюда следует великая истина: никто не должен присваивать счастье другого, ибо мы все — дети одного Отца, наследники одного Царства. Нам велено жить вместе в божественном братстве одного блаженства. Тот, кто узурпирует часть другого, кто хочет быть счастливым за счёт своих братьев, кто хитростью или насилием разрывает безупречную и бесшовную тунику счастья — тот виновен в преступлении, которое включает в себя все прочие: он виновен в эгоизме... Милосердие не состоит в том, чтобы быть несчастным, так же как эгоизм не заключается в том, чтобы быть счастливым; оно состоит в том, чтобы не нарушать добро других и делиться своим добром, делиться так, чтобы это обогащало и дающего, и получающего. Добро обладает данной Богом чудесной способностью — чем больше его разделяют, тем больше его становится».

Основной закон, включающий в себя все остальные, — это посвящение каждого человека благу сообщества, в котором находится и его собственное благо. Это — долг. И именно в исполнении долга должно находиться счастье. Поскольку эта установка не является естественной в нынешнем состоянии природы, она требует обращения, того нового рождения, о котором говорит Евангелие. Смотреть на всё сквозь призму своей личности — наша природная склонность. Осознать, что у тебя есть своё место, своя функция ради общего блага — и действовать соответственно — вот к чему должен стремиться христианин. Святой Павел, чтобы передать эту истину, использует два образа: Духовное общество, которое Христос пришёл основать, — это тело, в котором каждый христианин — член, выполняющий свою функцию для жизни всего организма. Духовное общество — это здание, которое мы должны вместе возводить. Вот в каком смысле следует понимать слово «созидать», которое мы часто применяем к отдельной личности, забывая, что это социальное понятие, связанное с взаимным развитием членов сообщества.

Каждый, по выражению святого Петра, должен войти в строительство этого здания как живой камень. Следовательно, прежде всего каждый должен стремиться жить настоящей жизнью: только на этом условии он может войти в строительство. Существует пословица, зачастую понимаемая в дурном смысле, но обладающая при правильной интерпретации высоким и чистым значением: «Благотворительность начинается с себя». Понимаемая как утверждение интересов, это правило прямо противоречит христианской морали. Но понятая как выражение долга — оно её законное выражение. Чтобы работать над исполнением воли Божьей в других, нужно прежде исполнить её в себе. Освящение личности — условие освящения сообщества, частью которого она является. Такова, в её главных чертах, христианская мораль. Нужно любить себя и других одинаковой любовью. Отказ от эгоизма — это совсем не отказ от счастья, а условие его достижения. Что значит любить самого себя? Это — желать себе добра.

Мать, которая искренне хочет добра своему ребёнку, совсем не идёт у него на поводу, не предоставляет удовольствия, которые могут ему повредить: она знает, что слабость — это лишь печальная подделка под доброту. Каждый из нас призван воспитать свою душу. Любить себя — значит не искать удовольствий, вредных, обманчивых и всегда кратковременных, а ставить себя в условия истинного, прочного, устойчивого счастья. А это

счастье можно найти только в исполнении закона любви, ведь любовь — это закон вечного Царства, единственное, что, по словам святого Павла, «останется навеки». Отсюда следует, что именно погоня за исключительно личными удовольствиями, эгоизм — это настоящий отказ от счастья. Обществу, страдающему от чувственности, гордыни, жадности — источников разделений, зависти, ненависти — Христос хочет противопоставить общество, счастливое через согласие воли и единение сердец. Таков закон любви, выраженный в кратком изложении закона, таково общее учение всех Церквей, учение, которое проявляет под внешним различием обрядов и частностей догм — основное единство христианской морали.

Новый Иерусалим, о котором говорит Откровение, резко отличается с нынешним состоянием мира. Духовное здание, о котором говорит святой Павел — это здание, находящееся в процессе строительства. Его основание покоится на земле, а венчание возможно только на небе. Полное счастье в сознании исполненного долга не может быть нашим уделом в условиях нынешней жизни; это свет, из которого мы видим лишь слабые отблески. Все доктрины, которые пытаются основать мораль без учёта существования за пределами смерти, все учения, предлагающие утопию чисто земного счастья — терпят крах перед лицом страданий человечества. Если нам нечего ждать после смерти — тогда прав пессимизм. К общим бедам всего человечества прибавляются новые страдания для того, кто, приняв христианскую мораль и восприняв идеал общества, счастливого через исполнение закона любви, видит, как жестоко этот идеал опровергается в реальности. Павел это хорошо понимал, когда писал: «Если мы только в этой жизни надеемся на Христа — то мы несчастнее всех человеков» (1 Коринфянам 15:19). Христианская мораль основывается на утверждении любви Божьей, небесного Отца; она предполагает реальность вечной жизни и не может удержаться, если её оторвать от её основания и от её венца.

ГЛАВА IV. ЕДИНСТВО В ЧУВСТВАХ

Плоды истинной благочестивости одинаковы в душе людей всех конфессий. Ибо именно из сердца исходят источники жизни, а желания — это важнейшее проявление функций сердца. Каковы желания христианской души? Они выражены в молитве, которую Учитель передал своим ученикам, в этой молитве Господней, которая, как и краткое изложение Закона, включена в литургии всех церквей и сохраняется там как одно из свидетельств единства, сохраняющегося сквозь разделения христианского мира. Обратимся вновь к этому тексту, столько раз истолкованному и еще столькими будет истолкован, стараясь распознать чувства, которые пробуждает, выражая их, молитва Господня, когда она произносится с тем серьезным вниманием, которое требует этот важнейший акт поклонения. «Отче наш…» Это имя, данное Богу, не было новым для израильтян, к которым обращался Иисус. Пророк Исаия говорил: «Ты, Господи, — Отец наш», а псалмопевец писал: «Как отец милует сыновей, так Господь милует боящихся Его».

Идеи доброты и милосердия Творца не были чужды читателям Ветхого Завета; но для них Творец, прежде всего, был Вечный, Всемогущий, Мудрый и Святой. Учение Иисуса делает акцент на любви и милосердии, и имя Отец получает новое значение: Авва, то есть «Отец», — это крик христианской души. Как еще в III веке отмечал Киприан в своём Трактате о молитве Господней, ученик Господа не говорит: «Мой Отец», но наш Отец. Так же как во Второй заповеди краткого изложения Закона содержится следствие Первой, в христианской молитве мысль о ближнем неразрывно соединена с мыслью о Боге, который является Отцом всех. Братья присутствуют в сокровенном акте личной молитвы. Чтобы приблизиться к Богу так, как это указывает Господь, нужно удалиться от мира, от его шума и интересов. «Когда молишься, войди в свою комнату и, затворив дверь свою, помолись Отцу твоему, Который в тайне», — сказал Иисус.

Но уединиться от людей — не значит забыть о них в мистическом восторге, а значит найти их вновь, вне суеты мирских дел, в чувстве любви, которое должно связать нас с ними посредством мысли об общем Отце. «Отче наш, сущий на небесах…» Бог присутствует везде; почему же в молитве Он помещается на небе? Звёздное небо — одно из величайших проявлений силы и мудрости Творца. Псалмопевец говорил: «Небеса проповедуют славу Божью», и Шарль Бонне справедливо замечал: «Сверкающие точки, усеявшие небосвод, — это солнца, которые Всемогущий развесил в пространстве, чтобы освещать и согревать миры, вращающиеся вокруг них. Небеса возвещают славу Творца, а простор провозглашает дело Его рук. Этот возвышенный гений, изрекавший с такой благородной силой, не знал тогда, что звезды, на которые он смотрел, — это солнца. Он опережал своё время и первым запел величественный гимн, который более просвещённые века повторят за ним во славу Владыки миров».

Величие неба, неисчислимое множество звёзд, регулярное движение тысяч миров, подчиняющихся великому слову, которое они никогда не слышали, пробуждает мысль о беспредельной силе и бесконечной мудрости. Кто же, в ясную ночь, покинув светскую суету и подняв глаза к небу, не испытывал глубокого чувства? В этом зрелище — мир, спокойствие, гармония, разительно контрастирующие с тревожной суетой земной жизни. Звёздное небо становится символом неба духовного. Бог в Своем милосердии хочет превратить наше страдающее, измученное человечество в «непоколебимое небо, полное света, любви и покоя».

К Небесному Отцу обращена молитва. Что мы должны просить у Него? «Да святится имя Твое» Когда эта молитва произносится на французском языке, католики обращаются к Богу на вы, а протестанты — на ты. Таким образом, различие в обрядах проявляется даже в слове, употребляемом в общей молитве. Французский язык, кажется, единственный, в котором существует это разграничение. Итальянский, испанский, английский, немецкий и русский используют второе лицо единственного числа в обращении к Богу. Однако это языковое различие не относится к истокам французского языка: старинные переводы псалмов, намного более ранние XVI века, используют ты. Епископ Люсьонский, позднее кардинал Ришельё, в своём Наставлении христианину (1619) писал: «Отче наш, сущий на небесах. Да святится имя Твоё..». Таким образом, форма вы — это новшество. Когда она появилась? Это могло бы стать предметом интересного лингвистического исследования. К тому же католическая поэзия далеко не всегда использует «вы».

Так, в Эсфири Расина сказано: «О, мой верховный Царь, Вот я одна и трепещу перед Тобой». И сам Расин в переводах гимнов Римского Бревиария постоянно использует второе лицо единственного числа: «Господи, даруй Твоей благодати Плодами счастья насытить души наши. Великий Боже, от Кого всё возникло из ничего, Взгляни на наши различные нужды». И даже в наши дни, 21 октября 1890 года, епископ Отёнский под сводами собора в Масоне процитировал стихи Ламартина: «Отец природы, Источник, бездна всех благ, Нет меры Тебе — Так не измеряй ничем! О, божественная милость, Взвесь Ты в чаше весов Если измеряешь ничто… Побеждай, высшая добродетель, Созерцая Самого Себя, Побеждай, прощая нас!» Хватит, пожалуй, — возможно, даже слишком — останавливаться на этом лексическом различии. Важно сосредоточиться на смысле просьбы, который ни «вы», ни «ты» не изменяют.

Молитва — один из главных элементов всех религиозных обрядов, но её цель варьируется в зависимости от уровня моральной культуры молящихся. Ксенофонт, в своём очаровательном произведении Экономик, описал просьбы благочестивого грека, обращённые к небу за земными благами: добрая слава, достаток, победа над врагами. Но в христианской молитве, с самого начала, все личные стремления исчезают и уступают место высшему желанию: чтобы имя Божье было признано святым. «Свят, свят, свят Господь», —

говорил пророк Исаия, и первое желание по-настоящему благочестивой души — чтобы эта святость была признана повсеместно. Слава Творца сияет в природе; но восхищение и даже поклонение — не являются сутью духовной жизни. Господь неба и земли должен быть, прежде всего, признан Богом совести — Тем, Чей внутренний голос, повелевающий избегать зла и творить добро, является Его важнейшим проявлением. Имя Отец пробуждает мысли о доброте, милосердии, и любовь — это суть Бога Евангелия. Но Иисус, предостерегая учеников от злоупотребления учением о благодати и прощении, которые вскоре появились в Церкви, не хочет, чтобы мысли о любви и милости заставили забыть о святости Бога.

Да придет Царствие Твое! Великие идеи святости и милосердия Творца возвышают мысль до представления о мире, где царили бы справедливость, мир и радость, потому что в нём исполнялись бы замыслы вечной любви. Этот идеал резко противопоставляется реальностям нашей нынешней жизни. Это — луч света, проникающий во тьму и делающий эту тьму зримой. Перед лицом нечистоты, несправедливости, страданий, всех несчастий, которые душа находит в себе и вокруг себя, христианская душа в порыве стремления к добру и счастью восклицает: Отче Небесный, да придет Царствие Твое! Это не просто обрядовое поклонение или пассивное созерцание. Вера без дел мертва. Не всякий, кто говорит: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное. Вот почему просьба «Да придет Царствие Твое» выражается и объясняется следующей: Да будет воля Твоя! Чтобы эта просьба была искренней, произносящий её должен обладать двумя качествами: покорностью и действием.

Покорность — прежде всего. Нужно с благодарностью принимать радости, даруемые нам. Это — легко. Но гораздо труднее — принимать испытания, утраты, печали любого рода как проявление воли Того, Кто является Верховным Властелином событий, Господином жизни и смерти. Даже тогда, когда страдания приходят к нам через злые поступки людей — поступки, которые по своей природе противны Божественной воле — всё же мы должны принимать эти испытания как допущенные Всевышним и как выражение Его воли в отношении нас. Это — долг сердца, сокрытый от разума тайной. Смирение, которое заставляет замолчать ропот, — первая ступень христианского подчинения. Высшая ступень — доверие. Когда доверие полно, тогда страдания принимаются страдающим добровольно, как полезные для него. Божественная воля становится не только благой и совершенной — она становится приятной для того, кого касается. Это — высшая вершина духовной жизни. Добраться до неё трудно. Остаться на ней — ещё труднее.

Но некоторые христиане, по-видимому, достигли её и были настолько проникнуты доверием, что, как бы это ни казалось странным, находили радость в страдании, потому что чувствовали: страдание — благо, это — благословение Небесного Отца. Воля Божия должна быть принята в том, что от нас не зависит; а в том, что зависит, — должна быть исполнена. Сказать Богу: «Да будет воля Твоя!» и не исполнять её в той мере, в какой нам это под силу — значит проявить лицемерие и трусость. Молитва Господня — это призыв к действию, и это действие проявляется в двух направлениях: — останавливать злое; — творить доброе. Злые наклонности природы должны быть остановлены в их проявлениях. Сколько бы дурных наклонностей было подавлено, сколько бы грехов исчезло, если бы все, кто повторяет Отче наш, всерьез вникали в смысл своих слов! Какое благо принесло бы человечеству, если бы те, кто принимает важнейшие решения, действительно делали то, о чем просят, не забывая, что то, о чем они просят — просят и от них.

Король собирается подписать декларацию о войне, движимый лишь преступным честолюбием; он собирается отправить тысячи людей на бойню. Министр собирается, ради выгоды, отдать приказ заставить целые народы принять — вопреки их воле — опиум или спиртные напитки, которые их развратят. Разве не дрогнула бы их рука, если бы они

искренно сказали Тому, Кто хочет мира и счастья для Своих детей: «Да будет воля Твоя!» Молитва, останавливающая зло, должна также производить добро. Если бы каждое утро мы говорили Отцу Небесному: «Да будет воля Твоя!», не забывая, что наша воля должна соединиться с Его волей, что Он хочет, чтобы мы были соработниками Ему, и что Он — Отец всех, тогда каждый бы задавался вопросом: «Что я могу сегодня сделать для блага моих братьев?» Ведь нет такого человека — от самого скромного рабочего до самого влиятельного государственного деятеля, который не мог бы сделать что-то полезное для общего блага. Какое благословенное влияние имел бы этот вопрос, заданный в совести каждого человека!

Да будет воля Твоя на земле, как на небе. Что это за небо, поставленное нам в пример? Существуют ли среди бесчисленных миров звёздные сферы, обитатели которых счастливы, потому что, исполняя волю Творца, они перешли от невинности к добродетели, не проходя через страдания греха? Мы не знаем. Но вот что мы должны знать: Будь то ангелы или люди, духи, оставшиеся чистыми, или грешники, обращённые и освящённые, Небо, Царство Божие, Царство Небесное — всё это в словах Спасителя обозначает, в противоположность страданиям земной жизни, святое и счастливое духовное общество, к строительству которого все мы призваны, общество, которое должно начать формироваться уже здесь, на земле, чтобы раскрыться в иной реальности — за пределами нашего земного опыта. «Небо, — говорит отец Гратри, — это часть Вселенной, уже возвращённая к Богу. Небо — это совокупность уже победивших; земля — это место борющихся, ошибающихся, согрешающих и всё ещё сопротивляющихся святой воле Отца. Небо — это цель; земля — это путь к цели».

Чего мы должны желать — это полного исполнения замыслов Божьей любви, и мы обязаны трудиться для их осуществления. Зёрна небесной жизни уже посеяны здесь, на земле, и их развитие в нынешней жизни — это подготовка к будущему по ту сторону могилы. Взгляд христианина обращён к грядущему миру. Но если Небо — это его Родина, к которой он стремится, то на время он остаётся гражданином земли. В этом мире у него есть обязанности, которые он не может игнорировать, не забыв смысла своей молитвы, потому что видение Неба должно побуждать его исполнять волю Того, Кто есть Господь и Неба, и земли. Если у него есть обязанности здесь, у него есть также и законные желания, связанные с условиями временной жизни, выражающие необходимости существования. Эти желания Господь не отвергает и не забывает: Хлеб наш насущный дай нам на сей день. Хлеб насущный — это символ всего необходимого для жизни, чей объем, и характер различаются в зависимости от положения людей и цивилизации, в которой они живут.

Эта просьба, которую Господь вкладывает в наши уста, несёт два урока: Законность наших земных желаний. Границы, в которых они должны быть сдержаны. Прося о том, что необходимо для земного существования, Господь не хочет, чтобы молящийся говорил: «мой хлеб», а говорит: «наш хлеб», так же, как Он не учит говорить: «мой Отец», а — «Отче наш». Часто отец семейства просит хлеб не столько для себя, сколько для своих. Люди, живущие в достатке, могут механически повторять молитву Господню, но с какой страстной силой она исходит из уст верующего, благочестивой матери, которая боится за детей, которым грозит голод! В слове «наш» молящегося содержатся не только члены его семьи, но все братья, о которых Иисус велит никогда не забывать, вспоминая об Отце Небесном. Бедные просят свой насущный хлеб, и именно через посредство относительно богатых Бог хочет им его дать. Те, кто свободен от нужды, должны помнить о тех, кого терзает тревога.

Скольким страданиям можно было бы помочь, если бы никто из живущих в достатке не произносил молитву Господню, не подумав о тех, кто голодает, и, не спросив себя, что он может сделать, чтобы им помочь. Молитва Господня должна живым образом напоминать о долге благотворительности: – о предоставлении работы тем, кто в ней нуждается, – об

активной поддержке всех дел, направленных на улучшение положения бедных тружеников, – и, наконец, о милостыне, о которой в наше время слишком часто несправедливо отзываются, хотя она всегда будет одной из необходимых форм любви.

Одна из форм эгоизма, которую Иисус и его апостолы осудили наиболее строго, — это чрезмерное стремление к богатству. Христианин должен уметь довольствоваться малым — сколько же людей, исповедующих благочестие, не умеют довольствоваться даже многим! Страсть к богатству часто иссушает источники благотворительности. Всегда нужно выбирать между служением Богу и каждой из греховных страстей. Все великие страсти имели своих богов в пантеоне мифологии. Христос мог бы сказать: «Вы не можете служить Богу и Бахусу» (богу вина); «Вы не можете служить Богу и Венере» (богине чувственности); «Вы не можете служить..» — но, зная, что большинство страстей выражаются через желание богатства, которое позволяет их удовлетворить, Он специально противопоставил служению Богу — служение ложному божеству, которое у сирийцев стало воплощением богатства: «Вы не можете служить Богу и Маммоне». (Матфей, 6, 24).

Апостол Павел пишет: «Имея пропитание и одежду, будем довольны этим», — повторяя наставление, содержащееся в просьбе о «насущном хлебе». И он добавляет: «А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и погибель; ибо любовь к деньгам — корень всех зол» (1 Тимофею 6, 9–10). Одной из причин беспорядочной любви к богатству является тревога, которую в нас вызывает будущее. Мудрая предусмотрительность необходима каждому, особенно тем, кто несёт ответственность за семью. Рабочий, живущий своим трудом, имеет законное желание и обязанность экономить, если может, ради своих детей. Но Господь хочет, чтобы, исполнив свой долг, мы не предавались разъедающим заботам. Мы должны просить ежедневный хлеб, полагаясь в отношении будущего на высшую волю с доверием, которое должно стать источником мира и силы. Разъедающая тревога вызывает беспокойство, мешающее действовать; мужество укрепляется в покое.

Каждая благочестивая душа, окружённая тревогами — пусть даже вполне понятными, — испытала, какой мир рождает эта мысль: «Завтрашний день сам позаботится о себе; довольно для каждого дня своей заботы». (Св. Матфей VI, 34) Просьба о хлебе, необходимом для поддержания тела, естественным образом направляет мысль к духовной пище, необходимой для поддержания жизни души. Мы можем одновременно просить то, что нужно нам для нашей земной жизни, и божественную пищу, в которой мы ежедневно нуждаемся, чтобы идти по пути, ведущему в Царство Небесное. Это Царство — Царство святости. В каком мы положении относительно условий, которые позволят нам в него войти? Всякое серьёзное самоисследование приведёт нас к просьбе: «Прости нам наши грехи» (в оригинале — «долги»). Чувство греха и потребность в прощении — как уже говорилось выше (см. часть I, гл. V) — это вход в христианскую жизнь. Кто считает себя здоровым, тому не нужен врач. Именно для исцеления духовных болезней Сын Божий пришёл в мир.

Горделивая благодарность фарисея закрывает для него источник Божественного милосердия, в то время как смиренного мытаря освежает и очищает милость Божия. (Св. Лука XVIII, 9–14) Не все люди совершают такие падения, как несчастный Давид, ставший прелюбодеем и убийцей, но все нуждаются в том, чтобы присвоить себе слова Псалма покаяния: «Боже, помилуй меня по великой милости Твоей... я сознаю мои преступления... я согрешил пред Тобою... сделал злое пред очами Твоими». (Псалом 50) Агнец Божий пришёл, чтобы взять на Себя грех мира (Св. Иоанн I, 29), и к Нему приближается лишь тот, кто осознаёт свои грехи и нуждается в прощении. Покаяние — это чувство, рекомендованное всеми серьёзными религиями, но христианское покаяние характеризуется тем, что оно направляет сердце и мысль к кресту Иисуса. Внутренний взгляд направляется на страдания совести только затем, чтобы отразиться в нём и направиться к Голгофе.

И здесь снова — связь между отношениями души с Богом и отношениями с ближним. Святой и милосердный Бог в «Отче наш» — это Отец, и из Божественного отцовства естественно вытекает братство между людьми. Вот почему Иисус велит нам говорить: «Прости нам наши долги, как и мы прощаем должникам нашим». Тот, кто не милует, не должен ожидать милости и для себя. Господь придаёт столь великое значение этому условию получения прощения, что сразу после молитвы говорит: «Если вы прощаете людям их проступки, Отец ваш Небесный простит и вам. А если не прощаете, и Отец ваш не простит вам». (Св. Матфей VI, 14–15) Это — одно из конкретных проявлений общей истины: нет спасения без освящения. Учение о прощении не имеет целью избавить нас от внутренней работы над собой или поощрять к греху ради того, чтобы умножалась благодать (Римлянам VI, 1), но, наоборот — предохранять нас от уныния, которое рождается от осознания своих бедствий.

Уныние, как подсказывает само слово, парализует силы. Бог открывает нам Своё милосердие, чтобы вселить в нас мужество для доброго подвига. Это духовное мужество нужно особенно для того, чтобы победить одно из самых естественных человеческих чувств — обиду на тех, кто причинил нам зло, инстинкт мести, желание возмездия. Любовь — это суть освящения; а прощение — одна из её высочайших форм. Когда человек, хранящий в сердце злобу и строящий злые планы против ближнего, говорит: «Прости мне, как и я прощаю» — он просит Бога не прощать его и сознательно остаётся под проклятием. Какой был бы мир в обществе, если бы молитва Господня не была так часто просто механическим повторением, если бы все, кто слышит её на богослужении, всерьёз присоединялись к чувствам, которые она выражает, если бы все, кто произносит её в личной молитве, вникали в её смысл и ежедневно принимали решения, соответствующие словам, которые они слышат или произносят!

Прощение касается прошлого; но будущее предстоит нам со всей нашей слабостью. Воспоминание о наших падениях и обстоятельствах, в которых они произошли, пробуждает в нас естественное желание быть избавленными от искушений, в которые мы уже впадали. «Не введи нас в искушение» (или: «Не подвергай нас искушению»). Просить у Бога не подвергать нас искушению — значит взять на себя обязательство не подвергать себя искушению самим. Если человек не избегает греховных ситуаций, насколько это возможно, такая просьба будет лицемерной. Молитва не должна заменять бдительность. «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение». (Св. Матфей 26, 41) Бог хочет, чтобы мы были соучастниками Его труда. Тот, кто не бодрствует, кто не охраняет своё сердце, не может возносить к Небу молитвы, которые возвращаются на землю как благословение. Каждый должен сам судить, что именно для него искушение, в каких ситуациях он «искушается и увлекается собственной похотью» (Иаков 1:14).

Есть искушения универсальные, пробуждающие злые инстинкты у всех. И никто не ближе к падению, чем тот, кто слишком уверен в себе и считает, что может безнаказанно подвергаться опасности. Однако, учитывая эту необходимую осторожность, нужно признать: то, что ведёт ко злу одного человека, может не иметь такого действия на другого. Искушение носит индивидуальный характер, потому что оно не существует в вещах, а возникает из взаимодействия между вещами и нами, что зависит от нашей личности и склонностей. Одно общество, одна книга, один спектакль, одно развлечение — могут быть безвредными для одного, но опасными для другого. Отсюда — два важных правила: Будь осторожен в суждениях о ближнем: «Почему ты судишь брата своего?» (Римлянам 14, 10) Храни своё сердце, из которого источники жизни (Притчи 4:23), изучай свои личные слабости и случаи падений. Есть искушения, от которых мы не можем уклониться, потому что они сопровождают исполнение долга. И тогда, предвидя необходимость борьбы и осознавая свою слабость, христианин взывает к Богу: «Избавь нас от зла». Эта последняя просьба молитвы находится в тесной связи с её началом.

Отец наш Небесный — это Бог святой. Зло, от которого мы просим избавления — это грех, а грех — это нарушение закона Того, чьё имя должно быть освящаемо. Единство добра во всех его формах — это послушание высшей воле, которая проявляется в совести через чувство нравственного долга. Единство зла во всех его формах — это бунт против этой воли. Просить избавления от зла — значит стремиться к соединению с Тем, Кто есть источник всякого добра, потому что Он Святой, и источник всякого подлинного счастья, потому что Он — Высшая Любовь. Кто бы ни испытал на себе свою слабость, свои падения в нравственных битвах жизни, тот почувствует, что не находит в себе самом необходимой силы, чтобы быть избавленным от зла; вот почему он обратится с смиренной уверенностью, будучи сам слабым и грешным, к Тому, кто свят и всемогущ, говоря Ему вместе со вселенской Церковью: Избавь нас от зла, ибо Твое есть Царство, и сила, и слава во веки.

Я попытался, вслед за многими другими, сделать слабую парафразу священных слов, которые христианская мать вкладывает в уста своих детей и которым миссионеры учат язычников, обращаемых ими. Мне, конечно, удалось выразить лишь малую часть богатейшего сокровища, содержащегося в молитве Господней. Чем больше взираешь на небо, тем больше звёзд там обнаруживаешь; чем глубже размышляешь над словами, которые суть дух и жизнь, тем больше в них различаешь истин. Особая цель моего исследования побуждает меня подчеркнуть, прежде всего, что в чувствах, которые эта молитва призвана укрепить, выражая их, не встречается ничего из того, что разделяет христиан, а находится всё, что должно их объединять. Несомненно, что, несмотря на предостережение Учителя: «молясь, не говорите лишнего», молитва Господня слишком часто произносится только устно, без участия разума и сердца в слове. Но когда она произносится с вниманием и серьёзностью, эта молитва, произносимая по всей поверхности земного шара, в столь многих странах, на столь многих языках, являет, сквозь печальные разделения христианского мира, славное единство общей веры и общих чувств, которые она призвана пробуждать.

Люди, чьё первое желание — чтобы Царство святого Бога утвердилось в мире, кто ограничивает свои временные желания истинными нуждами своего существования, кто умоляет о прощении своих грехов и кто милосерден к своим братьям, дабы и Бог проявил к ним милость, — эти люди, смиренные, благочестивые и исполненные любви, сильно отличаются от мира, который вокруг них и, увы, слишком часто в них, в борьбе плоти против духа, гордости против смирения, эгоизма против любви. Желания, которые они испытывают, хотя и никогда не достигают их полного осуществления, придают им, в массе человечества, отличительные черты, легко узнаваемые; и эти общие им черты сближают их в духовном единстве, о котором различия, разделяющие их, не должны бы им напоминать.

Таким образом, можно утверждать, что в христианском мире сохраняется единство, несмотря на его расколы, в трёх отношениях: вероучения, нравственности и чувств. Здесь лежит основание сближения, которое все должны бы желать, и на которое можно надеяться, если принять во внимание некоторые благоприятные признаки, о которых пойдёт речь в следующей главе.

ГЛАВА V. ПРИЗНАКИ СБЛИЖЕНИЯ

В наши дни легко заметить тенденцию к сближению между различными Церквями, отделёнными от Рима, или, говоря точнее, между членами этих различных Церквей. Споры между англиканами, лютеранами и реформатами, если и не прекратились, то, по крайней мере, утратили былую остроту. Иренические (миротворческие) тенденции, по-видимому, не чужды и Восточным Церквям. Среди христиан различных религиозных общин наблюдается стремление к единству, проявляющееся в собраниях международного характера, таких как, например, собрания Евангельского альянса. Речь идёт не, по крайней мере, пока, об

административном единстве, способном привести к слиянию различных Церквей, а о сближении умов и сердец в чувстве братства, основанного на общей вере. Это хорошо; но, как я уже указывал по поводу Конгресса в Люцерне, настроение враждебности по отношению к Римской церкви, к сожалению, сопровождает те тенденции, внешне миролюбивые, но иногда прикрывающие воинственную суть.

По причинам, кратко обозначенным мною, споры между протестантами и католиками на Западе в новейшее время приобрели новую остроту. Но сосредоточивать всё внимание только на этой печальной истине — значит ограничиться неполным взглядом на действительность. Наряду с всё более глубокими разломами, о которых есть все основания сожалеть, можно различить признаки сближения между христианами разных Церквей. Некоторые бледные огни, заметные на горизонте, можно считать предвестием далёкого дня воссоединения. Преграды, воздвигнутые между христианскими исповеданиями, хотя кое-где и возвысились, в других местах понизились.

Рассмотрим вопрос, обратив сначала взор на католицизм, затем на протестантизм. Римская церковь уже, без сомнения, не потерпела бы того торга индульгенциями, скандал которого вызвал бурные протесты Лютера. Уважаемый католический историк не колеблется назвать эту постыдную торговлю вопиющим злоупотреблением. Оценки событий XVI века становятся более справедливыми. Писатель, твёрдо приверженный вере своей Церкви, г-н Пелиссье, недавно привёл пример такого исторического правосудия, которое было бы желанно видеть более распространённым. Несмотря на свою решительную оппозицию делу Лютера в его общем замысле, он просит отличать в его результатах добро от зла. Он признаёт, что Лютер встряхнул дух безразличия и «забвения, под властью которого, в XVI веке, религиозное чувство, казалось, вот-вот угаснет». Он пишет: «Зло, причинённое католицизму расколом Лютера и Кальвина, разве не было почти компенсировано оживляющим потрясением, внесённым в религиозную практику, которая, казалось, впадала в летаргию или терялась и рассеивалась в пустых обрядах, в чисто внешних привычках?»

Просвещённые католики прекрасно понимают, что апологетика — это наука, общая для всех христиан, поскольку её миссия, по своей природе предшествующая всем конфессиональным спорам, — утверждать силу свидетельства Христа. Единство апологетики является ясным доказательством единства веры, которое составляет её предмет. Один том, изданный в типографии Мам в Туре под покровительством монсеньора Дюпанлупа, епископа Орлеанского, включает религиозные размышления четырёх знаменитых учёных: Бэкона, Кеплера, Ньютона и Эйлера. Это четыре протестанта, чьи труды рекомендованы вниманию католического мира одним из его самых уважаемых представителей. Под заглавием Евангельские доказательства аббат Минь опубликовал, насколько мне известно, самое обширное собрание апологий христианской веры. В нём содержится множество протестантских сочинений — например, Сорена и Чалмерса — среди многих других.

Я встречал немало католиков широкого сердца и просвещённого ума, которые, несмотря на преграды, разделяющие нас, имели чувство общения христиан. Позвольте мне упомянуть, называя только тех, кто уже ушёл из земной жизни, отца Жирара, в келье которого я испытал одни из самых спасительных впечатлений в своей жизни; отца Гратри, которого мне посчастливилось навестить на берегу Женевского озера во время его последней болезни, после того как я не раз встречался с ним в Париже; аббата Ламбрускини, предоставившего мне в Тоскане своё ценное гостеприимство; и, среди мирян, Теофиля Фуассе, Огюстена Кошена, Шарля де Монталамбера и других, с которыми меня связывали отношения, воспоминание о которых мне дорого. Не предавая огласке личной переписки и частных бесед, я ограничусь упоминанием фактов, уже известных публике, фактов,

свидетельствующих о том, что среди католиков есть немало тех, кто освободился от пут узкого и нетерпимого духа.

В одном докладе, представленном Институту Франции, Огюстен Кошен отдал дань уважения моравским миссионерам в Лабрадоре, которые несут «слабый, но чистый луч христианской религии в самые отдалённые уголки обитаемого мира». Госпожа Августа Крейвен, говоря о миссии отца Дамьена, признаёт, что первыми, кто евангелизировал Сандвичевы острова (нынешний Гавайский архипелаг), были протестантские миссионеры; и она пишет, что семьи этих миссионеров часто становятся «центром, откуда исходит любовь, цивилизация и знание откровенных истин, которые, хотя и являются, с нашей точки зрения, неполными, всё же представляют собой луч истинного света, принесённого во тьму язычества». Кантон Базель имел привилегию числить среди своих магистратов человека, пользовавшегося большим уважением, — господина Крист-Саразена. Этот выдающийся человек был ревностным христианином и президентом Общества протестантских миссий.

По случаю его смерти господин Зегессер из Люцерна, один из самых уважаемых лидеров швейцарского католицизма, написал: «Мне тяжело смириться с мыслью, что Крист-Саразен умер. Я всегда смотрел на него с благоговением. Его никогда не забудет никто из тех, кто знал его близко, даже те, кто встретил его лишь однажды, но способен различить на человеческом лице черты, начертанные рукой Бога». В августе 1889 года в Энгельберге — деревне в католическом кантоне Унтервальд, где летом проживает множество иностранцев, — была освящена протестантская часовня. В письме, адресованном Руководящему комитету этой инициативы господином Теодором Вирцем, который, как и покойный господин Зегессер, является одним из ведущих лидеров швейцарского католицизма, можно прочесть следующие строки:

«Я терпим не из политических соображений, а по характеру и христианскому убеждению. На мой взгляд, терпимость полностью отличается от равнодушия: первое основано на великой заповеди христианской любви, тогда как второе — это отрицание христианства, а значит, и всякой истинной любви. Я не приемлю компромиссов в вопросах веры и считаю единство вероисповедания великим благом для нации. Но, несмотря на принадлежность к разным конфессиям, мы можем чувствовать единство сердца в вере в Спасителя мира, в промысел личного Бога и в бессмертие души... Великие сражения нашего времени происходят не между различными христианскими конфессиями, а между верой и неверием. Борьба разворачивается вокруг Евангелия: речь идёт обо всём, что возвышает и очищает сердце человека, о правде, справедливости и свободе. Мы будем сражаться вместе, протянув друг другу братскую руку, ибо любовь, готовая на всякие жертвы, — несомненно, самый благородный и самый утончённый плод христианской веры».

Чтобы в полной мере оценить слова господ Зегессера и Вирца, не стоит забывать, что у швейцарских католиков есть основания быть глубоко задетыми мерами, принятыми против их культа с прискорбной предвзятостью со стороны властей некоторых кантонов и Конфедерации. В январе 1889 года я нашёл в одной газете выдержку из завещания католического священника, аббата Жан-Теофиля Жантьяля, который, исполнял обязанности капеллана Колледжа в Турноне, ушёл на покой в деревню Жильок (департамент Ардеш), где и скончался в возрасте 83 лет. Вот его завещание: «Я хочу, чтобы мои похороны были как можно проще: погребение второго класса, ни больше, ни меньше; никаких украшений, никакой торжественности. Я хочу, чтобы меня несли в церковь и на кладбище шесть нуждающихся отцов семейств, из которых двое — протестанты. Господа настоятель и пастор договорятся между собой об этом. Каждому из шести носильщиков будет выдано по тридцать франков. А теперь — прощайте, все, кого я так любил. Если я невольно кому-то причинил зло — прошу прощения. Прощайте, до встречи в Боге, к которому мы возвращаемся, откуда и пришли. Я умираю, оставаясь верным религии моих отцов, которой

я был очень смиренным служителем, и глубоко убеждён в момент смерти в следующем: что безусловная терпимость по отношению к тем, кто не разделяет наших убеждений или не принадлежит к нашему культу, является важнейшим условием христианской любви — единственной добродетели, которая в недалёком, как я надеюсь, будущем сможет объединить людей узами истинного братства — братства во Христе. В качестве последнего напутствия я завещаю своим согражданам настоятельную рекомендацию серьёзно практиковать по отношению друг к другу религиозную терпимость, которую я более шестидесяти лет проповедовал словом, пером и примером».

Воля аббата Жантьяля была исполнена без каких-либо возражений. Католики, хорошо знающие правила своей веры, проводят крайне важное различие — не столь широко известное ни их друзьям, ни врагам — между телом и душой Церкви. Тело — это видимая Церковь, собрание людей, внешне исповедующих католическую веру, хотя слишком часто их поведение противоречит этому. Душа — это невидимая Церковь, объединение людей доброй воли, с праведным сердцем и чистой совестью. Святой Августин писал: «Церковь — внешняя и внутренняя. Многие кажутся находящимися вне Церкви, но они внутри; многие кажутся внутри, но они вне её». Внутренняя Церковь — это собрание всех душ, которые, противостоя духу мира сего, находятся под влиянием Духа Божия. Именно поэтому в «Символе веры» вера в Святую Вселенскую Церковь следует за верой в Святого Духа — первая формула объясняет вторую.

Если человек оказался лишён света истинной веры не по своей воле, то Божественное совершенство не допускает мысли, что он понесёт наказание за эту невольную ситуацию. Один современный автор, испанский священник отец Мигель Мир, утверждает: «Люди, которые ныне живут в отрыве от Церкви, не будут лишены Божественного милосердия, если их отлучение произошло не по их вине». Один из наиболее известных учебников по догматической теологии, распространённых в семинариях всего мира, принадлежит отцу Перроне, профессору догматики в Риме. Вот его толкование знаменитого утверждения «вне Церкви нет спасения»: «Тот, кто умирает по своей вине в ереси, в расколе или в неверии, не может быть спасён… Понятно, что речь идёт лишь о тех, кто умирает по своей вине в ереси, расколе или неверии, то есть о тех, кто формально находится вне Церкви. Но это не касается тех, кто находится материально вне Церкви — например, тех, кто с детства впитал ложные представления и предрассудки, и даже не подозревает, что находится в ереси или расколе; или тех, кто, испытывая сомнения, всем сердцем ищет истину. Только Бог их судит, ибо лишь Он проникает в глубины сердец. Божья доброта не допускает, чтобы кто-либо пострадал вечно за невольную вину. Утверждать обратное — значит противоречить официальному учению Церкви».

В недавнем учебнике догматической теологии, предназначенном для семинарий, автор Г. Хуртер повторяет те же положения, и епископ Санкт-Галлена развил их в популярном издании, доступном для самого широкого круга читателей. Что по существу характеризует тело Церкви — так это участие в таинствах. Если бы материальное участие в таинствах было бы обязательным условием спасения, тогда различие между телом и душой Церкви исчезло бы; человек в положении Робинзона Крузо оказался бы исключён из Царства Небесного. Но это не является учением Римской Церкви. «Согласно католической доктрине, существует средство, которое вне таинств даёт отпущение грехов. Это сокрушение, основанное на любви к Богу, соединённое с твёрдым намерением сделать всё, что, по воле Бога, необходимо для спасения души».

Таким образом, таинство может быть заменено чисто духовным актом. Для католика пренебрежение участием в таинствах, когда оно возможно, — это тяжкий грех. Но греха нет, если невозможность получения таинства объективна. Этот вопрос особенно остро стоит в отношении крещения. Катехизис Тридентского собора учит, что без крещения невозможно

войти в Царство Небесное, но при этом он признаёт, что крещение желанием может заменить крещение водой. Иногда крещение взрослых откладывается, чтобы удостовериться в наличии у них должной внутренней готовности. Если бы они умерли в этот период, что бы произошло? Вот ответ римского катехизиса: «Если бы внезапное происшествие помешало им принять крещение, они были бы освящены и спасены благодаря желанию и намерению принять таинство, а также покаянию в своих грехах».

Вот материальное таинство заменено духовным актом. Относительно этой прекрасной и благородной доктрины у меня возникает один серьёзный вопрос — касающийся детей. В отличие от взрослых, они не могут заменить таинство духовным актом; если им недостаёт водного крещения, то им в равной степени недостаёт и крещения желанием. Я знаю, что ужасающая доктрина об осуждении детей, умерших без крещения, следы которой с сожалением можно найти даже в Мыслях Паскаля, не является доктриной Римской Церкви. Но эта Церковь учит, что такие дети займут в будущей жизни более низкое положение, чем крещёные. Они не будут страдать и, возможно, будут даже относительно счастливы; но они будут лишены определённой степени блаженства, которую может дать только таинство. Хотя речь идёт лишь о лишении, а не о наказании, не ущемляется ли чувство справедливости мыслью о бедных малютках, которые лишаются величайшего блага — не по своей вине, а из-за халатности родителей или даже по причине полной невозможности крестить их?

Хотя в этом отношении и делается оговорка, следует признать, что различение между телом и душой Церкви исполнено глубокой духовности. Не может быть осуждения за ошибки разума, если эти ошибки не являются плодом злой воли. Это означает, что религиозная ценность человека определяется не чистотой веры, а правотой воли. Иными словами, догматы и обряды — это средства, целью которых является освящение душ. Это учение приносит свои плоды. Один молодой протестант, перешедший в католичество, сказал недавно одному из своих прежних единоверцев, известному ему своей искренней набожностью: «Ты спасёшься не своей верой, а своей добросовестностью». Один из уважаемых пасторов Женевской церкви, месье Шапюи, недавно рассказал следующее. Во время своих богословских занятий он провёл несколько часов в монастыре Гранд-Шартрёз, где познакомился с одним братом-служителем — молодым, добрым и образованным человеком. Когда брат узнал, что посетитель — протестант, разговор на мгновение перешёл в сферу религиозной полемики, но без настойчивости и без враждебности.

При прощании молодой монах сказал женевскому богослову следующие слова: «В сущности, любить Бога и делать добро — вот и всё!» Позже месье Шапюи стал пастором протестантской церкви в Генуе. Один печальный случай, связанный с похоронами, привёл его к архиепископу. Его принял секретарь прелата, который, после долгой и сердечной беседы, проводил его до дверей дворца и на прощание сказал: «Amare Dio e far del bene, ecco il tutto». («Любить Бога и делать добро — вот и всё» — итал.) Это совпадение поразило месье Шапюи, который записал воспоминания об этих двух схожих эпизодах в приятном и интересном рассказе. Он мог бы вспомнить по этому поводу слова Адольфа Моно, который, хотя и был предан ортодоксальной догматике протестантизма, сказал: «Бог возлюбил нас — вот всё учение Евангелия; любить Бога — вот вся его мораль». Многие католики не знают этих высоких мыслей и не допускают возможности спасения вне тела их Церкви.

Это напоминает один случай, оказавший большое влияние на религиозное развитие отца Жирара. В детстве он привязался к одной женщине из района Мора, которая приносила провизию в их дом. Однажды (ему было около семи лет) он прибежал к матери в слезах. Та спросила, в чём дело. Мальчик, всхлипывая, ответил: «Учитель сказал мне, что добрая Мария будет проклята, потому что она протестантка». Мать, не задумываясь о весе своих слов, ответила: «Учитель — осёл. Добрый Бог не проклинает добрых людей». Предположим,

что учитель вскоре был заменён. Когда встречаются католики, которые так толкуют учение своей Церкви, следует указывать им на принципы, официально провозглашённые их духовными наставниками, как средство от их нетерпимости. Нельзя покидать эту тему, не предупредив об опасной ошибке: нельзя истолковывать теорию души Церкви как призыв к безразличию в вопросах доктрины и выводить из неё заключение, будто все религии одинаково хороши. Чтобы избежать этой ошибки, достаточно напомнить происхождение теории, которое определяет её смысл.

Святой Иустин, говоря о Христе как об источнике спасения, сталкивается с естественным возражением, которое он излагает и опровергает следующими словами: «Пусть никто, по недомыслию, не исказит смысл наших слов и не скажет нам: “Вы утверждаете, что Христос родился 150 лет назад при правителе Квиринии и проповедовал во времена Понтия Пилата; но как могут быть виновны те, кто жил до Него, если они не могли Его знать?” Вот наш ответ: мы узнали и учим, что Иисус Христос есть первородный Сын Божий и Вечный Логос (Слово), в котором участвует весь человеческий род. Что из этого следует? То, что все, кто жил согласно разуму, были христианами... До Иисуса Христа те, кто не руководствовался разумом, были злыми, врагами Христа, убийцами добрых людей. Но все, кто жил и живёт жизнью, исполненной разума, — истинные христиане, без страха и сомнений относительно своего спасения».

Это не просто личные мысли одного из Отцов Церкви. Святой Климент Александрийский говорит, как и святой Иустин: «Бог во все времена, с сотворения мира, проливал на людей Божественное Слово». «Все из числа греков и варваров, кто искал истину, были более или менее просвещены Словом — источником Истины». Вот почему святой Климент считал мудрость древних народов спасительным приготовлением к христианской вере; вот почему святой Иустин считал людей совести и доброй воли христианами даже до земного пришествия Христа. Эти мысли заслуживают серьёзного внимания и содержат ответ на вопросы, которые могут стать источником сомнений и тревоги для разума. Христианская вера утверждает, что Христос — это Истина. Неужели не было религиозной и нравственной истины вне влияния человека Иисуса? История религий и философий красноречиво доказывает обратное. Представлять всё человечество, за исключением израильтян, погружённым в полное религиозное и нравственное мракобесие до проповеди Евангелия — это метод весьма неосторожной апологетики, поскольку он очевидно ложен.

Но если во Христе — Вечный Разум, в котором участвует весь человеческий род, становится понятно, что лучи Истины, исходящие от Него, предшествовали Его земному пришествию. Когда восходит солнце, его опережает заря, но именно солнце вызывает зарю, а не наоборот. Иисус сказал: «Я — Истина». Всякий раз, когда встречается элемент истины — будь то яркий свет или просто отблеск — там действует Его влияние. Христианская вера утверждает, что нет спасения вне Христа. Неужели все, кто не знал исторически Иисуса из Назарета, обречены на вечные муки? Это была бы ужасная доктрина. Но если Христос, по Своему Божеству, есть вечный закон морали и источник истины, то все, кто с искренним сердцем стремится исполнять веления совести, находятся под Его влиянием, даже не зная Его в историческом смысле. Такова суть учения о душе Церкви, истоки которого восходят к первым проявлениям христианской мысли. Это учение содержится уже в Евангелии от Иоанна, где сказано, что Слово, ставшее плотью, есть свет, просвещающий всякого человека.

Вывод, будто теория души Церкви означает, что все религии одинаково хороши — искажение возвышенной идеи. Вот её истинный смысл: Цель религии — привести души под влияние Духа Божия, освободив их от оков заблуждения и греха, совершая в них то, что Евангелие называет "возрождением". Вера и культ — это средства, а не цель. В Иисусе Христе благодать и истина были проявлены в полноте, и везде, где присутствуют элементы

благодати и истины, действует влияние Вечного Слова, соединённого с человеческой природой Иисуса. Религиозные и философские учения имеют разную ценность, в зависимости от того, насколько они приближаются или отдаляются от мысли и дела Того, Кто сказал: «Я — Истина». Освящение душ — это цель, а вера и культ — средства. Но кто может всерьёз утверждать, что средства безразличны? Вот вершина горы, которую нужно достичь. К ней ведёт безопасный путь — все, кто пойдут по нему с упорством, достигнут цели. Но есть и тёмные, опасные дороги, полные обрывов; возможно, кто-то и дойдёт ими, но разве безразлично, что они не на верном пути? Действие Духа Божия формирует душу Церкви. Это действие осуществляется, как правило, через священное учение и таинства, но может действовать и по-другому — в исключительных случаях. Именно в этом, для просвещённых католиков, и заключается основа терпимости.

Некоторым протестантам труднее, чем просвещённым католикам, проникнуться духом этого порядка. В брошюре, напечатанной в Лейпциге в 1745 году, граф Цинцендорф писал: «Дай Бог, чтобы мои единоверцы вели себя по отношению ко мне столь же разумно и по-христиански, как католики, чьи добрые чувства я имел возможность оценить при каждом удобном случае в течение тридцати лет. Я испытал это и в 1719, и в 1729 годах, в самых разных странах, когда во время религиозных потрясений оказывался с ними в контакте. И всё же у них было достаточно причин, чтобы выступить против меня, ведь им даже в голову не могло прийти, что моя доктринальная система исходит из Тридентского собора; кроме того, мои собственные последователи пытались оклеветать меня в их глазах. Но надо признать, что в Католической церкви есть врождённая и практическая доброжелательность; и в ней не встретишь такой ненависти к истинным поклонникам Иисуса, как у многих протестантов — людей с черствым сердцем и бесконечными спорами. Настолько, насколько я не в состоянии согласовать римскую доктринальную систему со своей, особенно по вопросу о Церкви (католики вряд ли пожелали бы, чтобы их считали гернгутерами), настолько я высоко ценю практическую снисходительность этой Церкви ко всем миролюбивым и свободным от фанатизма христианам, которых она насчитывает в своих рядах, и ещё более — ту, которую она проявляет, вне доктринального спора, к представителям других религий. Католики часто произносят анафемы своим противникам, и эти анафемы звучат с их уст и развеваются на их знамёнах; но на практике они часто относятся к ним весьма справедливо. Мы же, протестанты, провозглашаем свободу устами и на своих лозунгах; но когда дело доходит до поступков, то среди нас — я говорю это со слезами на глазах — есть настоящие палачи совести». (По поводу отношений Цинцендорфа с католиками см. Le Comte de Zinzendorf, Феликс Бове, кн. I, гл. 7).

Я не встречал среди протестантов палачей совести, о которых говорит Цинцендорф, но, к сожалению, существует весьма большое число католиков с крайне ограниченным умом и сердцем, которые в малой степени заслуживают похвал, данных главой гернгутеров членам Римской церкви, с которыми он имел дело. Но вот что я установил: Я не раз встречал у католиков больше широты мышления, чем у многих протестантов. Этот факт, на первый взгляд удивительный, не кажется мне трудным для объяснения. Католику не нужно изучать свою веру со спекулятивной точки зрения; он получает её из рук своей Церкви, и его задача — делать из неё практические выводы. В католицизме действительно существуют различия взглядов, которые иногда выражаются в довольно оживлённых спорах; но эти споры касаются только второстепенных вопросов, по которым религиозная власть не высказала официальных решений. Всё существенное уже определено. Обычному верующему не нужно заниматься догматическими исследованиями; его внимание сосредоточено на освящении своей души и на совершении дел милосердия.

Я говорю, разумеется, о католиках, обладающих достаточной нравственной культурой, чтобы не сводить суть религии к материальным обрядам и формальному культу. Протестанты же призваны к индивидуальной работе по формированию своих догматов, и

они привязываются к ним как к продукту собственной деятельности. Я говорю о тех протестантах, которые осознают значение принципов своих церквей, а не о тех, кто принимает решения своих синодов или пасторов с такой же покорностью, с какой католики воспринимают решения своих соборов. Таким образом, благочестивый католик в первую очередь озабочен состоянием своей души и практикой милосердия, то есть чувствами и поступками, в которых все христианские сердца сходятся, в то время как протестант рискует быть сосредоточенным на разработке второстепенных доктринальных вопросов, которые могут стать источником разделений. Сектантский дух в этом отношении может давать удивительные результаты.

У меня было два друга, ныне уже покойных, принадлежавших к одной из протестантских сект. Произошёл раскол, в результате которого образовались две подгруппы. Один мой друг оказался в одной, другой — во второй. Они оба объяснили мне причину разногласий, и я установил (что довольно редко и достойно уважения), что оба описывали ситуацию совершенно одинаково. Но предмет разногласия был столь тонок, что я не понял различий между их позициями. Я отметил, что используемые термины были идентичны, но смысл, значение и даже точная трактовка этих терминов ускользнули от меня. Из-за значения, которое придают некоторым даже весьма второстепенным догмам, определённые протестанты оказываются на почве, где исчезает различие между телом и душой Церкви, потому что это различие основано на идее духовного действия, действия Святого Духа, которое может происходить при разнообразии вероучений.

Но я спешу добавить, что есть немало протестантов, которые избегают этой опасности, и сейчас я хочу отметить признаки сближения с христианами Римской Церкви, проявляющиеся в религиозных общинах, отделённых от неё. Что касается догматов: отрицание свободы воли, которое имело выдающихся сторонников в XVI веке, в современном протестантизме больше не имеет значительных представителей. Этот факт имеет решающее значение для всей догматики и устраняет одну из преград, долго разделявших лютеран и кальвинистов с остальной частью христианского мира. До XVI века Западная Церковь признавала, что после смерти существует три состояния для души: немедленное блаженство в раю, вечные мучения в аду, и временные очищающие страдания в чистилище. Злоупотребления, порождённые идеей чистилища, стали, как я указывал, поводом и одной из причин раскола, совершённого Лютером.

В протестантской догматике остались лишь два состояния: рай или ад. И это стало одним из важнейших пунктов вероисповедных споров. Однако возврат к признанию третьего состояния всё более проявляется в значительной части протестантизма. Одним из признаков этого возвращения является доктрина условной бессмертности. Сторонники этой доктрины толкуют вечность наказания как окончательное уничтожение воль, упорно восстающих против Бога. Они не могут, не разрушив основы морали, допустить, что это уничтожение происходит в момент окончания земного существования. Следовательно, они неизбежно приходят — и сами это открыто признают — к допущению промежуточного состояния между нынешней жизнью и окончательным воздаянием. Эта доктрина, насколько мне известно, не закреплена в вероисповеданиях каких-либо религиозных общин; но она уже имеет значительное число сторонников, которые исповедуют её с горячей верой и пылким миссионерским духом.

Таким образом, в одном из течений протестантизма можно обнаружить представление, которое — при всех оговорках относительно существенных различий — имеет явное сходство с католической доктриной о чистилище и значительно отдаляется от учения, обычно принятого у прежних протестантов. Часто противопоставляют спасение через дела (считающееся католическим учением) и спасение по вере (приписываемое протестантам). Хочется надеяться, что придёт время, когда эти взаимоисключающие — и в своей

исключительности ложные — концепции будут примирены через более глубокое понимание слов апостола: «вера, действующая любовью» (Гал. 5:6). В общем, догматы лютеран и кальвинистов, которые резко противопоставляли их Римской церкви, потеряли свою остроту. Если же, помимо догматов, рассматривать практики и учреждения, признаки сближения становятся ещё более очевидными. Кресты вновь появились на церквях и могилах в странах, где они долгое время считались исключительно католическим символом. Кладбища больше не выглядят столь бедно, как это было под кальвинистским влиянием. Элементы искусства уже не исключаются из культовых зданий повсеместно, как можно убедиться, например, в Женеве, посетив капеллу Макавейских мучеников, недавно великолепно отреставрированную.

Это, безусловно, детали второго порядка; но вот что действительно важно: Протестантские диаконисы имеют поразительное сходство с сёстрами милосердия. И это сходство тем более разительно, что (о чём многие не знают) эти сёстры дают лишь годичный обет и всегда могут, как и протестантские диаконисы, покинуть общину. Христианские союзы молодёжи проявляют явное родство с Обществами святого Винсента де Поля. Вот учреждения в обеих конфессиях, идущие параллельно, преследующие одну и ту же цель, вдохновлённые одними и теми же чувствами — и их одновременное существование даёт добрые надежды на будущее.

Исторические суждения тоже меняются и теряют многое из своей резкости. По поводу книги г-на Жана Янссена, католического писателя, об истории Германии в конце Средневековья, протестантский священнослужитель г-н Огюст Глардон приводит причины, по которым он считает, что разрыв, произошедший в XVI веке, был оправдан. Затем он пишет: «При этом, следует признать, что протестантские историки слишком утрировали картину, которую они нарисовали состоянию Церкви и общества в XV веке; что они слишком умело сгруппировали факты, подтверждающие их точку зрения, оставив в тени то, что справедливо было бы осветить. Одним словом, История Реформации XVI века, полная, всесторонняя, беспристрастная, еще не написана». («Le Chrétien évangélique», религиозный журнал Швейцарской Романдии, февраль 1889 г.)

Действительно, было бы желательно, чтобы у нас появились труды о религиозных событиях XVI века, не подверженные предвзятым мнениям — что в этом печальном разрыве христианства всё зло находилось исключительно на одной стороне, без примеси добра, а всё добро — на другой стороне, без примеси зла. Правда, это задание столь же сложное, сколь и желанное. Это смягчение исторических оценок особенно заметно в отношении папства. Для Лютера папство было: «великой бедой земли, самым ужасным несчастьем, когда-либо вызванным силой Сатаны». (Жизнь Мартина Лютера, Пфендер, Париж, 1883, стр. 97) У меня под рукой нет аналогичной цитаты из трудов Кальвина, но я не сомневаюсь, что таковые существуют. Человек, который награждал епископов прозвищами вроде «ослы в митрах», «рогатые ослы» и подобными, вряд ли высказывался о папстве иначе, чем Лютер. (См. «Деяния Тридентского собора с противоядием против яда», Жан Кальвин, Женева, 1548).

Уже в прошлом веке швейцарский историк Жан де Мюллер выступал против подобной резкости. Он писал своему другу Глейму: «История пап, мой дорогой друг, до сих пор совершенно искажена партийным духом обеих сторон... Иннокентий III и другие обладали великими добродетелями, и упрекать Папу в преступлениях Александра VI — всё равно, что делать выводы об императоре из истории Нерона. Несомненно, что Папа был полезен для сохранения религии. Когда род римлян исчез с лица земли, варварам, занявшим их место, был необходим наставник, способный сохранить остатки древней цивилизации, чье достоинство было бы неприкосновенным и кто, будучи священником, был бы лично заинтересован в сохранении веры. Этим наставником стал Папа, и без него мы, возможно,

сегодня были бы столь же далеки от знаний древних, как турки, живущие на землях греков, далеки от наук и искусств. Это не значит, что я не знаю, какими средствами пользовались Папы во многих случаях; но что это меняет, как говорит святой Павел — будь то из притворного рвения или с искренностью, Иисус Христос всегда проповедуется людям». (Письмо, написанное в Касселе, 15 мая 1782 г.)

Без сомнения, среди протестантов ещё есть те, кто придерживается взглядов Лютера, но дух беспристрастности, которым был вдохновлен Жан де Мюллер, начинает распространяться. Я нахожу тому пример в работе современного протестантского богослова, г-на Петаваэль-Оллиффа. Этот автор был глубоко потрясён вредом, вызванным жестокостью споров, и, понимая, что одним из наиболее острых вопросов является папство, задался вопросом: можно ли найти более справедливый взгляд, чем те, что свойственны страстным сторонникам и противникам власти римского понтифика? Посредством довольно смелой (и, возможно, спорной) экзегезы, оценка которой выходит за пределы моей компетенции, он находит в Новом Завете пророчество, которое узаконивает папство, утверждая права и одновременно предсказывая злоупотребления этими правами. Не углубляясь в анализ этой теории, я лишь укажу на неё как на труд уважаемого протестантского теолога, стремящегося положить конец братоубийственным распрям и приглашающего своих единоверцев признавать и восхищаться делами, вдохновлёнными католической верой. (См. «Права и ошибки папства», Петаваэль-Оллифф, брошюра, Лозанна и Париж, 1890; особенно предисловие в конце.)

Тем же духом проникнуты двое современных профессоров протестантской теологии: г-н Гретийа (в Невшателе) и г-н Огюст Бувье (в Женеве). Первый призывает к тому, чтобы везде, где вера во Христа проявляется в святых делах, признавать во всех христианских конфессиях: «подлинное и авторитетное свидетельство креста, страданий и любви Иисуса Христа». («Новая богословская ревю», Монтобан, май 1891) Второй мечтает о более разумной, более справедливой и более мирной полемике, чем та, что велась в прошлом; и при условии, что ему будет предоставлена полная независимость мысли, выражающая себя в резко протестантской форме, он не отказывается признать в Католической Церкви: «великую школу послушания и самоотверженности, одну из энергичных миссионерских сил среди низших народов, изобретательную утешительницу скорбящих и несчастных». («Полемика будущего», Огюст Бувье, Женева, 1891)

В словах этих двух богословов содержится доказательство прогресса на пути к умиротворению конфессиональных конфликтов. Протестанты, способные быть справедливыми по отношению к христианам Римской Церкви, — это те, кто видят суть религии в состоянии совести и сердца, а не в интеллектуальных построениях. Придерживаясь основополагающих доктрин, необходимых для религиозной жизни, они не позволяют себе быть разделёнными с братьями по вере второстепенными доктринами. Таким образом, не отказываясь ни от одной из своих позитивных убеждённостей, они могут оказать Римской Церкви ту справедливость, которая содержит зерно сближения. Вот несколько примеров такого подхода: Шарль Бонне, в начале своих Исследований о христианстве, выражает намерение оставаться на общей почве всех верующих и всех Церквей. Он допускает, как позже допустят епископ Орлеанский и аббат Минь, что Апология веры — это общее достояние всех, кто основывает свою надежду на Евангелии Иисуса Христа.

Александр Вине, которого можно считать главным теоретиком протестантизма, отстаивал значение личной работы в формировании веры, выступал в защиту религиозной индивидуальности, вел полемику против идеи священства, и тем самым находился в острой оппозиции к Католической Церкви. Иногда он выражал это весьма резко. (См., например, его речь о Симоне Петре в «Новых евангельских исследованиях».) Тем не менее, в его трудах

можно найти некоторые признаки сближения, которые являются предметом моего исследования. Ранее уже упоминалось его обращение к протестантам и католикам с призывом не забывать в пылу споров о своем общем враге — абсолютном безбожии. Это подчеркивало основополагающий элемент христианской веры, остающийся неизменным при всех внешних различиях. Одной из основных целей его трудов было борьба с национальным характером культов. Он признавал и утверждал, что государственные церкви — этот рецидив религиозных условий древности — стали на Западе плодом Реформации XVI века.

И если Католическая Церковь часто прибегала к помощи государственной силы, то, по его мнению: «надо отдать ей должное: она никогда не знала рабства». Тем самым он признавал, что, в то время как официальный протестантизм позволил политической власти стать хозяином религии, Римская Церковь сохранила принцип, установленный Иисусом Христом — разделение духовного и светского. Чтобы понять важность этих слов, надо помнить, что для Вине идеалом было единство через свободу. А ведь национальный характер культов — это отрицание единства, так как он вносит в религию разнообразие политических тел, а юридический статус религий — постоянная угроза свободе, потому что закон по своей сути обязателен.

С моральной точки зрения Вине не одобряет уединённую жизнь в монастыре и истязания католических аскетов; однако, в отличие от Лютера, он выражается по этому поводу следующим образом: «Разве нет ничего истинного в этих делах? Примите их как чистые символы, и скажите нам, есть ли что-либо более прекрасное. Примите их как попытки сбившейся с пути силы — какая это сила! какое величие! Невероятные покаяния были памятниками веры этих людей: какими будут памятники нашей веры?» Пастор Деодати, приступая к изучению христианства в его связи с развитием нравственного существа, напоминает, что он принадлежит «к христианскому сообществу, которое признаёт право личного суждения», — и затем пишет: «Тем не менее, мы надеемся, что члены другой церкви или христианского общества, чуждого нашему, прочитав это сочинение, не найдут в нём ничего, что могло бы оскорбить их чувства. Мы торжественно протестуем против всякой интерпретации наших выражений или идей, которая приписывала бы нам подобные намерения. Огорчён тем множеством барьеров, воздвигнутых в поле Отца семейства, которые разделяют бесчисленных детей Его милости, в то время как они должны были бы объединиться, чтобы разрушить их, и братски протянуть друг другу руки на священной почве Евангелия, мы бы с ужасом отнеслись к мысли, что можем, даже малейшим образом, подпитывать страсти, которые и так уже слишком возбуждены. Мы всегда сожалели об этом».

21 февраля 1840 года, в то время, когда я жил во Флоренции, господин Деодати прислал мне из Женевы письмо, из которого я извлекаю следующие строки, которые служат комментарием к вышеупомянутым словам: «Вы скоро отправитесь в Рим. Не поступайте, как Х., который видел там лишь антихриста, и находит доказательства этого даже в людях в красном, которые сопровождают Папу. Рим — город религии. Какой бы церкви или секте вы ни принадлежали, если вы христианин, вы не можете чувствовать себя чужим в Церкви, основанной на крови первых мучеников, которая, со времён святого Петра (или святого Павла, если хотите — для надёжности), и вплоть до Григория XVI, неизменно сохранила в своих книгах, в своих традициях, в своём богослужении, в своих символах — веру в Истину, переданную миру Тем, Кто был Светом мира, и Кто пришёл умереть на кресте ради его спасения. Пусть за века святое древо, орошенное с самого рождения кровью апостола обрезания и Апостола язычников, обросло паразитами — меня это не смущает и не соблазняет. Я больше поражён тем, что оно не изуродовано сильнее и даже не вырвано с корнем, несмотря на все потрясения, которые оно пережило, и бури, через которые прошло. Мох, лишайник, омела, плющ, покрывающие его, не мешают мне различать ствол, ветви,

листья и плоды. Именно это я и старался рассматривать, во время моего пребывания в Риме».

Пастор Франсуа Навиль, в рукописи, написанной в конце своей жизни, излагает причины, по которым он отдаляется от Римской Церкви. Он объясняет, что не может признать ни непогрешимость Соборов, ни божественное происхождение папства. Затем, исходя из мысли, что доктрины — это лишь средства, целью которых является освящение душ, и что культ (богослужение) имеет в этом отношении огромное значение, он выражает сожаление, что протестанты, в своих нападках на Римскую Церковь, спутали использование с злоупотреблением и отвергли то, что должны были бы сохранить или восстановить. Он пишет: «Те периоды, которые я временно провожу в католических странах, — именно те времена, когда моя благочестивость находит наибольшее развитие. Как же прекрасна привычка держать церкви открытыми постоянно! Она служит как личному, так и общественному богослужению. Личное богослужение, совершаемое в храме, приобретает более сосредоточенный и глубокий характер. Мы знаем, что Бог везде близок к тем, кто Его призывает; но также знаем, что не всякое место одинаково способствует молитве; что, находясь в тихом месте, среди материальных предметов, связанных с религиозными идеями, мысль легче устремляется к небесному, и молитва становится более горячей.

Более того, если вы лично излили своё сердце перед Богом в церкви, тогда и общественное богослужение, совершаемое там же, будет, в силу ассоциации идей, гораздо более трогательным. Общее выражение исповеди, покаяния, обожания, благодарности сильнее тронет ваше сердце, если вы уже пережили эти чувства в личной молитве. Месса не навязывает жёсткий набор идей. В ней есть несколько способов участвовать, и вы можете связать её символы и молитвы с размышлениями, соответствующими вашим душевным нуждам. Даже один только вид исповедальни способен обратить ваш ум внутрь себя, к размышлению о собственных поступках. Он продолжает: Будь то верно или нет для большинства, для меня лично, по моему опыту, всё это абсолютно справедливо. Когда я путешествую по католическим странам, я рано утром почти всегда нахожу открытую церковь, куда с почтением заходят верующие. Часто утренний час, торжественное пробуждение природы усиливают религиозное сосредоточение этой сцены.

Ах! как же мне приятно тогда присоединиться к этим благочестивым душам, чтобы поклониться в святом месте Богу Вселенной! Иногда, пока мне готовят завтрак, если обстановка располагает, я нахожу в церкви возможность для молитвенного размышления. Но особенно вечером мне приятно прибыть в какую-нибудь деревню вовремя, чтобы, после того как я нашёл жильё и оставил свой лёгкий багаж, отправиться сначала на кладбище, откуда я любуюсь великолепием заката; а когда эти прекрасные краски угасают, я брожу среди крестов и могил, размышляю, читая надписи, о суетности земной жизни, её краткости, и о вечной радости, которая вознаграждает праведника. Затем я вхожу в храм, и, так хорошо подготовленный, совершаю свою последнюю молитву дня, оставаясь часто погружённым в благочестивое мечтание, до тех пор, пока звук шагов церковного служителя и звон его ключей не дадут мне понять, что пора уходить. Боже мой, как я благодарен Тебе за то, что Ты открыл мне этот источник небесных утешений!»

Приведённые строки находятся в рукописи, оставшейся неизданной при жизни автора, но из которой он разрешил публиковать фрагменты. Вот ещё один отрывок, в котором Франсуа Навиль выразил свои чувства публично, в одном из своих важнейших трудов: «Во время нашего путешествия по нескольким департаментам Франции в 1830 году, целью которого было изучение благотворительных учреждений, мы с умилением наблюдали доброту, ангельскую мягкость сестёр, которым в больницах поручен уход за больными. Ещё больше мы восхищались героическим самоотвержением братьев святого Иоанна Божьего. Никогда мы не забудем того впечатления, которое на нас произвело свидетельство их милосердия,

данное простым рабочим, у которого мы спросили, рядом с городом Бург, что это за большое здание, которое мы заметили с дороги. Он ответил, что это приют братьев святого Иоанна Божьего; добавил, что хорошо знает этот дом, так как много лет работал там пекарем. Затем он с воодушевлением начал восхвалять доброту этих братьев, рассказывая нам самые трогательные истории, с всё нарастающим волнением, которое, в конце концов, перешло в слёзы. Мы не могли примирить этот трогательный рассказ и всё, что сами видели, с той враждебностью, которой, как мы заметили, подвергаются эти религиозные ордена. Мы настойчиво спрашивали о причинах, но, судя по глупым или грубым ответам, мы поняли, что причины нет, кроме ненависти к религии, которая простирается даже на то добро, которое она может принести человечеству».

В тот самый момент, когда я готовил эти страницы к печати, я получил номер одного журнала, издаваемого преподавателями протестантского факультета в Монтобане, в котором содержатся строки, слишком точно совпадающие с моими мыслями, чтобы я не испытал законного удовлетворения, приводя их здесь. Речь идёт об обзоре книги об истории святого Франциска Ассизского, написанной аббатом Леоном Лё Моннье. Автор обзора, господин М. Дюбоск, пишет: «Эта книга действительно хорошая книга, и в господине Лё Моннье чувствуется искренний и убеждённый христианин. Он любит святого Франциска, но он также любит и Христа, Которого любил святой Франциск. Больше всего в своём герое он восхищается его глубокой верой, его любовью к душам, его великой милосердностью. Если бы у Реформатской Церкви были свои святые, возможно, она канонизировала бы святого Франциска, и тогда мы бы стали свидетелями этого удивительного явления: один и тот же человек канонизирован одновременно обеими Церквями.

Разве это не доказывает, что, несмотря на болезненное разделение, произошедшее по зову Лютера и приведшее к множеству разногласий, всё же существуют точки соприкосновения между всеми истинными слугами Христовыми, к какой бы общине они ни принадлежали? Разве это не может служить доказательством скорого или отдалённого исполнения слов Учителя: «Овцы Мои — одно стадо и один пастырь»?» То, что чаще всего и наиболее эффективно вызывает чувство духовного общения между христианами, разделёнными различиями в вероучениях и обрядах, — это практика истинной любви, потому что практика истинной любви — это и есть суть самой христианской жизни. Одна богатая англичанка услышала об одном господине Раму из Женевы, который отличался своей активной благотворительной деятельностью. Не зная его лично, она неоднократно посылала ему помощь для бедных и вела с ним переписку, полную живой набожности. Приехав в Женеву в 1838 году и встретившись с ним, первым её вопросом было: «Вы католик или протестант?» Она знала только одно — что он христианин.

В 1817 году ужасный голод поразил часть Савойи, граничащую с Женевским кантоном. Тогда можно было видеть двух самоотверженных мужчин, вместе обходящих одну из наиболее пострадавших деревень. Один из них был священником этой деревни, другой — пастором соседнего протестантского прихода. И священник призывал своих прихожан выразить признательность благотворительному пастору и молить небо о благословении для него. Много лет назад я присутствовал при разговоре, в котором участвовали два священника с различными, местами существенными, богословскими взглядами. Один был пастор Ферьер из Женевы, почтенный дед нынешнего пастора Луи Ферьера, другой — пастор Такерман из Бостона. Последний, настоящий мученик любви, силы которого были исчерпаны его служением, с жаром выражал чувства сострадания к человеческим страданиям, которые, по его мнению, должны наполнять сердца, находящиеся под влиянием Евангелия.

Господин Ферьер воскликнул с таким жестом и интонацией, которые остались в моей памяти: «Если бы все говорили так, мы бы быстро пришли к согласию». Чаннинг заявлял,

что ничто не мешает ему чувствовать духовное общение с такими людьми, как Фенелон и Винсент де Поль, а отец Гратри чувствовал с американским пастором достаточное согласие — не в догматических или церковных вопросах, но в христианских чувствах — чтобы называть его «моим восхитительным другом Чаннингом». Много лет назад я входил в дирекцию школ Женевского кантона вместе с одним любезным и достойным священником этого кантона. Он был страстным любителем ботаники и сблизился с одним набожным протестантом во время общих вылазок по сбору трав. Их объединяло не только общее увлечение наукой; оба умели видеть в чудесах творения явные следы мудрости и силы Творца. Этот добрый священник сказал мне о своём спутнике слова, которые поразили меня: «Сударь, когда занимаешься ботаникой, все мы братья». Если чувство братства может развиться от совместного изучения растений, то тем более оно может возникнуть при совместном участии в добрых делах, совершённых по духу Евангелия.

Событие, произошедшее несколько лет назад и вызвавшее широкий резонанс, сблизило в духе христианской симпатии католического монаха и служителя англиканской церкви. Речь идёт о следующем: Страшная болезнь — проказа — практически исчезла из Европы, но продолжает свирепствовать в других частях света. Заразный характер этой болезни делает её одной из самых страшных, требующих величайшего самоотвержения при уходе за больными. Братья Моравской церкви, не боящиеся никаких жертв, с 1818 года посвятили себя заботе о прокажённых — сначала в Капской колонии, затем в Иерусалиме. Позже эту задачу взял на себя католический монах. Отец Дамиан де Вёстер был направлен в 1864 году миссионером на Гавайские острова. Прокажённые (а их там много) были изгнаны правительством на остров Молокаи, превращённый в своего рода гигантский лазарет. Отец Дамиан добился разрешения поехать туда и прибыл туда в 1873 году. Он оказался среди тысячи больных. Эти несчастные открыли растение, из которого изготавливали пьянящий напиток, и пытались забыться в пьянстве и неистовстве. Отец Дамиан занялся их нравственным возрождением и улучшением их материального положения.

Его успехи были столь значительны, что привлекли внимание правительства Гавайев, которое оказало ему всяческую поддержку. О его деятельности узнали в Англии. Реверенд Чапман, настоятель одного из приходов Лондона, рассказал о труде отца Дамиана в своей проповеди и организовал сбор средств, причём не раз. Он вступил в переписку с бельгийским монахом, и с обеих сторон эта переписка была проникнута чувством христианского братства. В то же время вновь проявился прежний дух нетерпимости. Рев. Чапман получил письмо, из которого я приведу, увы, не самые резкие слова: «Мне поручено выразить вам удивление многих, видящих, как служитель англиканской церкви старается вызвать симпатию к идолопоклонническому священнику, принадлежащему к этой отвратительной системе, которую вы, более чем кто-либо, обязаны осуждать — как служитель Евангелия и как англичанин, друг свободы». Тем не менее «идолопоклоннический» священник продолжал пользоваться симпатией Чапмана и множества протестантов.

Он имел удовлетворение видеть своё дело основанным на прочной основе, организованным таким образом, чтобы оно продолжалось и после него. И он понёс судьбу, которую предвидел и принял: проказа убила его. 17 июня 1889 года по инициативе Чапмана и под председательством принца Уэльского состоялось публичное собрание, на котором было решено основать общество имени отца Дамиана, посвящённое изучению проказы. Должно быть проведено детальное исследование числа и состояния прокажённых в Индии и в целом Британской империи. Симпатия, зародившаяся в сердце протестантского священника к труду католического монаха, стала отправной точкой института. Подобные симпатии не всегда остаются делом частным; они становятся основанием и началом совместных коллективных дел всего христианского мира.

ГЛАВА VI. ОБЩИЕ ТРУДЫ ХРИСТИАНСТВА

Изучение коллективных трудов, общих для христианства, требует некоторых достаточно важных предварительных размышлений. Мысль, особенно присущая нашей эпохе — или, по крайней мере, более развитая сегодня, чем в прежние времена — это стремление объединить последователей всех вероисповеданий в совместном усилии, цель которого, независимо от любой доктрины, заключается во благе человечества. Создаются филантропические общества, в которые приглашают вступать всех людей доброй воли без различия религиозных или философских взглядов. Эти общества, по крайней мере, в своих уставах, строго придерживаются нейтралитета во всех политических, философских и религиозных вопросах. Подобные формулировки, заимствованные из программ современных ассоциаций, повторяются достаточно часто, чтобы можно было сказать, что они стали модными. Именно, замечая эту тенденцию в умах, Французская академия была побуждена включить неологизм «гуманитарный» в последнее издание своего словаря.

В основе этой тенденции легко распознать великую идею — идею солидарности человеческого рода, вытекающую из представления о его единстве. Эта высокая концепция не нова. В древнем мире, когда узкий патриотизм, выражающийся в национальной ненависти, считался добродетелью, некоторые выдающиеся умы поднимались над предрассудками толпы. Римские стоики, и Цицерон до них, высказывали мысль о всемирном городе и рекомендовали любовь к человечеству. Но это были лишь отблески той истины, которую Евангелие озарило ярким светом. Иисус, устремляя Свой взгляд за пределы узких границ Палестины, охватывая горизонты, ограниченные лишь всем миром, сказал Своим ученикам: «Научите все народы» (Евангелие от Матфея 28:19). Святой Павел, верный толкователь мысли своего Учителя, заявил, что старые барьеры должны пасть, что греки и варвары должны объединиться в одно братское общество, предназначенное для всего человечества (Послание к Колоссянам 3:11).

Речь шла о духовном единстве, основанном на отцовстве Бога-Творца и братстве Его детей; о Царствии Божьем, устанавливающемся на земле, чтобы расцвести на Небесах. Так была распространена идея единства рода человеческого, идея, которая до Христа была лишь уделом немногих мудрецов. Однако эта концепция стремится оторваться от своего источника. Отделение идеи человечности от идеи Небесного Отца и жизни после смерти было в особенности делом Огюста Конта в новое время. Позитивизм оказал большое влияние на то, что сегодня всё чаще звучат призывы к объединению людей — независимо от религиозной веры или философской доктрины — ради общего труда на благо человечества. Одной из причин такой направленности умов стала реакция против бедствий, порождённых религиозными спорами и конфликтами. Ламенне, как обычно в пылкой форме, выразил этот настрой. Он написал: «Не обманывайтесь, мир изменился: он устал от догматических споров. К чему они чаще всего служат, как не для того, чтобы сеять вражду между братьями, разжигать лютую ненависть, прикрывать отвратительные страсти — зависть, алчность, честолюбие? Гений спора, поколебавший множество истин, не утвердил ни одной. Отец гонений и всех преступлений, порождённых фанатизмом, он — злой демон человечества. Его путь через века отмечен длинным следом крови» (Памятная записка Папе по поводу дел в Риме).

Реакция, выраженная в этих резких словах, в известной степени справедлива, но она заходит слишком далеко. Она исходит из благородного чувства, но сердце рискует заблудиться, если не будет озарено разумом. Исходят из идеи, что вера разъединяет людей, а мораль объединяет. Это ошибка. За исключением редких случаев, люди страстно спорят о доктринах лишь тогда, когда они касаются поведения. Богословы и философы могут упорно отстаивать чисто теоретические взгляды из чувства самолюбия, но чистая теория, не имеющая отношения к жизни, всегда будет оставлять равнодушным большинство

человечества. Даже не настаивая на этом, достаточно заметить, что «благо человечества» — это неопределённая идея, которая может получить конкретное содержание только через определённое понимание природы и предназначения человека. Поскольку взгляды на это различны, выражение «благо человечества» может приобретать не только разные, но и противоположные значения.

Жюль Симон, обращаясь к многочисленным слушателям в амфитеатре Сорбонны на конференции, организованной Французским антиславянским комитетом в феврале 1889 года, сказал: «Я не спрашиваю вас, католики ли вы, протестанты, христиане; я обращаюсь к вам как к человеку, как к философу. Современное дело, будем надеяться, будет иметь ещё больший охват, чем уничтожение рабства. Оно научит людей понимать друг друга, забывать разногласия и объединяться ради священного дела человечности и справедливости». (Бюллетень Швейцарского антиславянского общества, март 1889, стр. 11) Жюль Симон говорит как философ. У него есть философия, которая определяет для него смысл выражений «дело человечности и справедливости». Но он прекрасно знает, что множество мыслителей прошлого и настоящего придерживались философий, сознательно или бессознательно, совершенно отличных от его. Он не может не знать, что для философа Гоббса не право стоит выше силы, а сила определяет право — она единственный элемент общества и единственная справедливость. Он, должно быть, слышал, что в представлениях арабов справедливость состоит в том, что их благородство освобождает их от рабского труда, который должны выполнять негры.

В странах, находившихся под влиянием христианства, часто совершается ошибка: за естественные проявления человеческой природы принимаются идеи и чувства, порождённые христианской проповедью. Это иллюзия, которую разрушает изучение истории. Так, ортодоксальные доктрины Индии порождают социальные идеи, сильно отличающиеся от тех, что кажутся нам плодом человеческого разума. Как не признать справедливость замечания Монтескье, что религия, установившая кастовую систему в Индии, создала различия, «связанные с определённым отвращением к другим людям»? (О духе законов, кн. XXIV, гл. 22) Чувства, привитые человеческому сердцу евангельским словом, могут ещё некоторое время существовать, даже если они отделены от своего источника; но если разрыв становится полным — они исчезают. В этом легко убедиться, обратившись к утверждениям некоторых современных учёных.

Так, профессор Геккель из Йены написал: «Сравните, с одной стороны, величайшие умы человечества — Аристотель, Ньютон, Лаплас, Спиноза, Кант, Ламарк, Гёте и т. д., а с другой — людей, наиболее близких к обезьянам: австралийских негров, бушменов, андаманцев и т. п.; сравните этих низших людей с самыми разумными животными — обезьянами, собаками, слонами — и вы убедитесь, что нет ничего чрезмерного в утверждении, что интеллект человека — это лишь постепенное развитие интеллектуальных способностей высших млекопитающих. Если бы нужно было во что бы то ни стало провести чёткую границу, то её следовало бы провести между самыми выдающимися людьми и самыми грубыми дикарями, при этом отнеся все низшие типы человека к животным. Это мнение действительно разделяют многие путешественники, долго наблюдавшие в своей стране за этими деградированными человеческими расами. Один англичанин, много путешествовавший и долго живший на западном побережье Африки, написал следующее: «Для меня негр — это низший вид человека; я не могу считать его человеком и братом, ведь тогда мне пришлось бы признать гориллу членом человеческой семьи».

Вот теория и её следствие. Теория — это отрицание специфических признаков, которые отличают человека от чисто животных рас; следствием этого является отрицание идеи человеческого братства. Эта доктрина ведёт к мыслям, которые являются её логическим результатом, хотя профессор из Йены (речь идёт об Эрнсте Геккеле) наверняка бы их не

одобрил. Если дикари и звери высших видов образуют один и тот же класс, следует прекратить одобрять освобождение негров — или же потребовать освобождения обезьян, собак и лошадей. Если низшие человеческие типы должны быть приравнены к животным, то по какому принципу можно будет осуждать убийство дикарей ради еды, если этот поступок аналогичен заколу быков на бойне?

Вот и другие заявления, касающиеся представления о благе человечества, которые проистекают из отрицания специфических признаков человека и человеческого братства, являющегося их следствием. В 1820 году капитан Росс, делая отчёт о своей экспедиции к Северному полюсу, говорил об эскимосах, об их уничтожении из-за злоупотребления крепким алкоголем, и добавлял по этому поводу: «Дикари должны уступить место цивилизации. Таков закон этого мира, и все стоны и усилия плаксивой филантропии ничего не изменят». К сожалению, такие слова — не единичный случай. 7 марта 1867 года один из редакторов Revue de l'Instruction Publique de France опубликовал следующие строки: «Жалуются на жестокости, совершаемые мореплавателями по отношению к диким племенам. Но кто может пожалеть об исчезновении подобных образцов человечества? Остерегаемся стать жертвами ложной жалости и ребяческого братства».

Мысль о том, что благо человечества требует уничтожения низших рас, нашла поддержку в теориях Дарвина о борьбе за существование и естественном отборе — хотя обвинять английского натуралиста в одобрении вытекающих из них выводов никто не имеет права. М. Мэттью Уильямс опубликовал в американском журнале Popular Science Monthly статью, целью которой было доказать, что пьянство, согласно «естественному закону», устраняет паразитических членов общества, и что в результате выживают лишь наиболее умные. В связи с этим он предлагает простой способ содействия отбору — поощрение употребления алкогольных напитков. Он утверждает, что тем самым достигается реальный прогресс, и что: «не стоит останавливаться перед всеми возражениями, основанными на чисто гуманитарных чувствах». La Revue Scientifique de Paris от 12 мая 1883 года (стр. 606) перепечатал без комментариев тезис Уильямса под заголовком «Польза пьянства».

Интересно, задумался ли американский автор, явно имеющий в виду уничтожение несчастных дикарей, над такой простой мыслью: если пьяницы имеют детей, то алкоголизм, вместо того чтобы способствовать отбору, увеличивает число паразитов в обществе. Следовательно, потребовалась бы законодательная мера, запрещающая брак алкоголикам и предписывающая умерщвление детей, рождённых в нарушение закона. Среди умов, полностью свободных от христианского влияния, есть и такие, кто не гнушается подобными мерами — как видно из следующего: Один английский позитивист утверждает, что благотворительность — это антисоциальное преступление, ибо помогать несчастным жить — значит вредить отбору нашей расы и способствовать её упадку. Недавно один французский журналист писал: «Разве нельзя усомниться в мудрости общества, когда оно заботится о защите, и, так сказать, о развитии и сохранении слабых? Какой интерес может быть в том, чтобы поддерживать как открытую рану нищету или физические недуги окружающих?» Следует позволить слабым членам человечества умереть. Один шаг дальше — и возникает мысль об их уничтожении.

Этот шаг уже был сделан автором одного трактата, представленного в Институт Франции на конкурс по теме «Принципы уголовного наказания». Этот автор отрицает наличие у человека свободной воли и, следовательно, ответственности за преступные действия. Делает ли он из этого вывод об отсутствии наказаний? Напротив! По его мнению, преступники — это опасные звери, которых без колебаний можно истреблять, как сорняки в саду. Чтобы пресечь последствия рокового наследственного отягощения, следовало бы начинать истребление с рождения — а лучше даже до него, для надёжности. Доктрины, к которым приводят такие взгляды, принадлежат не только каким-то малоизвестным

писателям или «страшным детям науки». Их разделяет ряд философов и учёных, которые, возможно, отшатнулись бы от логических следствий своих теорий — но не могут предотвратить того, что эти следствия возникают в умах их учеников. Приведённых выше цитат достаточно, чтобы показать влияние различных представлений о природе человека на формулировку идеи блага человечества, доказать, что эта идея понимается не просто по-разному, а прямо противоположным образом, и подтвердить утверждение г-на Тамена, что «благо человечества — это идеал, в который каждый вкладывает то, что хочет». Образование и позитивизм, Париж, Алькан, 1892, стр. 83 (книга, удостоенная премии Института Франции).

И всё же я приведу ещё один пример таких влияний, показав, к каким результатам приводит отрицание загробной жизни у одного известного писателя. В странной книге, где выражены возвышенные мысли, благородные чувства и содержатся страницы, которые можно читать с большой пользой, граф Лев Толстой решительно отрицает личное существование после смерти. Я оставляю в стороне преувеличения и эксцентричность автора, как и его карикатурное изображение церковного христианства, чтобы сосредоточиться на основных идеях произведения, которое я не берусь целиком анализировать или критиковать. Автор называет себя христианином, и он действительно таков в определённом смысле — в части своих нравственных воззрений. Но он утверждает, что Иисус никогда не учил о личной жизни после смерти, и с невероятной смелостью истолковывает Евангелие так, что якобы Сын Марии никогда не предсказывал своего воскресения. Иисус был реформатором общества. Его высший закон — любовь ко всем людям, подобная любви небесного Отца. Вот как эта заповедь любви излагается: Никогда нельзя сопротивляться злому; Нельзя защищать ни свою личность, ни свою собственность, ни личность и собственность других (стр. 257); Нельзя защищать свою страну — патриотизм есть грубая ложь (стр. 258). Остаётся только солидарность человеческого рода и высший закон служения общему благу. Но какова природа этого общего блага? Отрицание загробной жизни приводит автора к сугубо земным представлениям, к которым добавляется уравнительная идея, доведённая до крайности. Его идеал общества — это состояние, при котором каждый работает руками, ест плоды своего труда и делится ими с другими. Цивилизация должна быть отвергнута (стр. 250), и никто не должен стремиться к более высокому образованию, чем у других (стр. 251). Если после прочтения Моей религии взяться за приятную сказку Иван-Дурак, то в ней можно увидеть презрение к интеллектуальному труду, напоминающее известную фразу гражданина Женевы (Ж.-Ж. Руссо), утверждавшего, что человек, который размышляет, — это испорченное животное.

Как и многие другие, граф Толстой противоречит своей доктрине на практике. Говорят, что он занимается ручным трудом — за что его можно похвалить; но его читатели не могут не знать, что значительная часть его жизни была посвящена интеллектуальному труду, и весьма успешно. Вот к каким результатам приходит русский писатель, исходя из отрицания мира, превосходящего нашу нынешнюю жизнь. Несмотря на возвышенный характер его размышлений и благородство чувств, он скатывается к пониманию человеческого существования, которое можно назвать сентиментальным материализмом. С ним будет непросто договориться по вопросу о том, что же такое благо человечества.

Нужно остерегаться гуманитарной идеи, оторванной от всякой мысли о будущем, от всякой веры в духовный порядок. Полезно указывать, что догматические споры нередко становились бедствием для мира; но также полезно показать, что согласие между людьми, стремящимися к благу человечества, может приносить добрые плоды только тогда, когда оно возникает из определённого единства в убеждениях. В противном случае такое согласие возможно лишь на основе позитивизма, обыкновенным следствием которого является материалистическое понимание социального прогресса. Когда кто-то пытается вывести практические последствия из идей, которые я только что изложил, нельзя забывать о

непоследовательности человеческой мысли. Есть учёные и философы, которые, исповедуя доктрины, логически отрицающие всякую мораль, в своей жизни оказываются людьми добросердечными и доброй воли. Их теории и их общественная деятельность текут по разным руслам, не смешиваясь.

Для любого доброго дела стоит протянуть таким людям руку дружбы и сотрудничества — до тех пор, пока они, благодаря счастливой непоследовательности, оставляют свои теории в стороне и следуют импульсам совести и сердца. Но, несмотря на это, я повторяю: нужно остерегаться гуманитарной идеи, лишённой всякой духовной основы. Следует отказаться от мысли о возможном сотрудничестве в определённых делах, если за ним не стоит реальной гармонии в убеждениях — пусть не во всём, но хотя бы по отношению к самим этим делам. В одной недавней публикации господин Олле-Лапрюн доказывает неопровержимой аргументацией, что «везде, где есть общее желание, общее усилие, общее действие, — там также есть и общее мышление». Это общее мышление может объединять людей, имеющих совершенно разные, даже противоположные взгляды на другие темы — но оно обязательно должно существовать, ибо «моральное единодушие без интеллектуального согласия — это химера».

Господин Т. Фалло только что выпустил важную брошюру, цель которой — вызвать решительную реакцию против сектантского духа. И он, тем не менее, приходит к той же самой мысли, что и Олле-Лапрюн: нужно объединить всех честных людей в борьбе против зла; но для того, чтобы общее действие стало возможным и эффективным, необходима твёрдая основа — несколько чётко определённых точек, по которым возможно предварительное согласие воли. Общее стремление к благу человечества, если это благо не определено позитивно, не может предоставить ту твёрдую почву, о которой говорит Фалло, и тогда оно становится той самой химерой, на которую указывал Олле-Лапрюн. Общие дела, объединяющие христианство, опираются на ясные убеждения. Человечество, в своей нормальной цели, — это духовное общество, которое должно начаться на земле, чтобы расцвести на небесах. Волей Творца является счастье его созданий — счастье, которое достигается через посвящение каждого на благо сообщества.

Борьба со злом во всех его проявлениях, облегчение всех страданий — вот программа жизни. Общая вера объединяет верующих — это Церковь; но благодаря своему влиянию эта вера становится основой христианской цивилизации, которая воздействует и на тех людей, которые, хотя и не являются верующими в прямом смысле, всё же часто — не осознавая этого — обладают разумом и совестью, сформированными Евангелием. Объединение сторонников всех доктрин с целью трудиться ради блага человечества — иллюзорная идея, потому что в зависимости от различия этих доктрин само понятие «благо человечества» понимается по-разному и даже прямо противоположно. Однако существуют такие дела, к которым могут и должны совместно прилагать усилия не только все христиане, но и все те, кто представляет благо человечества в соответствии с основными принципами современной цивилизации. Такие совместные действия проявляют единство христианского мира, скрытое под конфессиональными спорами, и этим самым укрепляют его. Я приведу пять таких примеров: борьба с алкоголизмом, борьба с рабством, усилия по поддержанию или введению воскресного отдыха, так называемый «социальный вопрос», и, наконец, попытки установить мир между народами.

К стыду человечества, европейские державы (слово «христианские» здесь неуместно) навязали китайцам опиум, а другим народам — водку, которая, при злоупотреблении, становится «водой смерти». Интересы торговли и промышленности задушили гуманность, и алчность европейцев приводит к одичанию, а иногда и полному уничтожению целых народов. И всё это происходит в наше время — в эпоху, когда слова «гуманность» и «братство» звучат столь громко. Некоторые люди, по безразличию, мирятся с уничтожением

«низших рас». Другие даже одобряют это — под влиянием теорий, о которых я упомянул выше, — считая, что «хорошо», если дикие народы, уничтоженные алкоголем (или же оружием цивилизованных), уступают место «лучшим» (или худшим?) представителям человеческого рода. Так мирились с алкоголизмом среди дикарей. Но вот беда пришла и в Европу. Бич алкоголя стал настолько силён, что представляет собой общественную угрозу. В городах и деревнях всё больше людей физически и умственно деградируют. В крайних случаях пьянство приводит к полному идиотизму.

Когда зло достигло ужасающих масштабов, оно вызвало решительные усилия к его искоренению. В городе Корке, в Ирландии, существовало общество, члены которого обязались воздерживаться от алкогольных напитков. Целью было — с помощью полного отказа от алкоголя — спасти людей, для которых умеренность казалась невозможной. Это общество, основанное протестантами, имело небольшой успех в католической стране. В то время в Корке жил капуцин Теобальд Мэтью, прославившийся своим самопожертвованием во время эпидемии холеры в 1832 году и любимый проповедник города. Один умный квакер, Уильям Мартин, понимая, что конфессиональные предрассудки мешают развитию дела, обратился к отцу Мэтью с просьбой присоединиться к этой инициативе. Отец Мэтью энергично взялся за дело. В апреле 1838 года он основал Общество трезвости, которое вначале собрало около шестидесяти членов. Вскоре его красноречие подняло массы. Менее чем через девять месяцев общество насчитывало более 150 000 участников.

Отец Мэтью, вдохновлённый беспрецедентным успехом, продолжил свою деятельность в Англии, Шотландии и даже в США. Хотя эта инициатива не принесла всех ожидаемых плодов — во многом из-за уникальной личности её основателя — добрый пример был подан, и зерно посеяно. Пусть оно было забыто на время, но позже снова проросло. 23 октября 1873 года кардинал Мэннинг выступил с публичной речью в Лондоне, после которой тысячи людей пообещали воздерживаться от алкоголя в течение одного года. Вслед за этим он основал Лигу трезвости, на которую в 1877 году он призвал благословение Папы Пия IX. В то же время в Женеве протестантский пастор Люсьен Роша основал аналогичное общество трезвости и с тех пор продолжал вести эту работу с неизменным усердием. Эти два случая, из множества возможных, подтверждают мои выводы. Конечно, многие участники обществ трезвости не выдерживают своих обещаний и возвращаются к прежним привычкам. Но есть и такие, кто остался верен данному слову до самой смерти.

Это — огромный результат: разрушен широко распространённый и губительный предрассудок, что алкоголизм — неискоренимое зло. Я не стану здесь подробно обсуждать методы, используемые обществами трезвости — которым зачастую больше подошло бы название «общества воздержания». Очевидно одно: попытки спасти жертв алкоголизма — это дело первостепенного социального значения, которое должно вызывать сочувствие христиан всех конфессий. И это действительно так было, так есть и должно быть впредь. И разве не примечательно, что в начале самой мощной инициативы против алкоголизма стояло взаимодействие католического монаха и ревностного протестанта?

Борьба с рабством вызывает размышления аналогичного характера. После освобождения негров в Соединённых Штатах, стоившего стольких слёз и крови, освобождение рабов в Бразилии продолжилось мирным путём. Однако этот вопрос вновь ушёл в тень. Он был вновь поставлен, с мрачной ясностью, благодаря рассказам Ливингстона и других путешественников, проникших в центральные части африканского континента. Сердца сжались, души были потрясены, когда стало известно об ужасах охоты на людей, опустошающей целые регионы и превращающей в мрачные пустыни те места, где ранее жили многочисленные, зачастую мирные и относительно счастливые народы. Кардинал Лавижери получил от Папы Льва XIII поручение пробудить общественное мнение Европы по поводу ужасных преступлений, вызванных рабством. Его речь вызвала огромный резонанс.

В разных странах Европы начали создаваться антирабовладельческие общества, и внимание народов и правительств было достаточно пробуждено, чтобы можно было надеяться на значительные результаты. Если обратиться к истокам этого мощного движения общественного мнения, то мы обнаружим проникновенные, страстные слова Ливингстона, протестантского миссионера, а затем — пламенную речь кардинала, выступающего под покровительством Папы. Если проследить прогресс этого дела, то можно увидеть, как антирабовладельческие общества организовываются в Англии и Франции, в Португалии и Голландии, а протестанты и католики участвуют вместе в этом глубоко человеческом и христианском деле. В этом хоре голосов, поднявшихся в защиту несчастных рабов, прозвучали некоторые разногласия. Некоторые католики испытывали сомнения по поводу сотрудничества с протестантами. Некоторые протестанты были не склонны участвовать в деле, которое, будучи направляемым кардиналом и находясь под покровительством Папы, могло, по их мнению, укрепить престиж папства в Африке. Но эти более или менее изолированные голоса не остановят общего потока общественного мнения, которое проявляется и утверждается авторитетными голосами.

Кардинал Лавижери, обращаясь к аудитории, в которой было много протестантов, произнёс следующие слова: «Вы знаете, чего я желаю; я говорил вам об этом не раз. Моё желание — видеть, как утихают и исчезают ненависти, разделяющие христиан, перед лицом всё более многочисленных нападок атеизма». Эта же мысль была выражена Вине, когда он говорил, что протестанты и католики должны понимать, что в нынешнем состоянии умов, атеизм — это общая угроза, которая одинаково касается всех. Тот же кардинал рассказывал о своих впечатлениях, полученных во время пребывания в Англии, следующими словами: «Не без волнения, разделённого, я знаю это, всеми свидетелями, я сел вместе с моим выдающимся и почтенным коллегой кардиналом Мэннингом на протестантском собрании, где присутствовали епископы и англиканские пасторы, все одинаково радовались возможности работать вместе, не упоминая даже о том, что нас ещё разделяет, ради великого дела милосердия и сострадания».

29 января 1889 года в аудитории Женевского университета состоялось антирабовладельческое собрание. М. Руффе, протестантский священнослужитель, открывая заседание, указал на препятствия, с которыми сталкивается это начинание, — с одной стороны и с другой — из-за конфессиональных предрассудков узколобых католиков и сектантских протестантов, не желающих участвовать в общем деле с представителями других церквей. Затем он сказал: «Это значит открыто заявить, что даже на самом элементарном уровне человечности две великие ветви христианской Церкви не способны договориться и объединиться в великом союзе милосердия и сострадания. Это значит сказать, что, скорее чем отказаться от малейшего нашего предрассудка, самой грубой нашей вражды и наименее обоснованного страха, мы предпочтём видеть, как гибнут чёрные, как Африка погружается в поток крови, и как исчезает, под ножами и ружьями мусульман, целая раса, которую Бог доверил нашей любви... Неужели мы не смогли бы хоть на один день подняться выше своей ограниченности; не смогли бы однажды, перед лицом столь благородного и трогательного дела, решительно протянуть друг другу руки и, не заботясь о том, кто — протестантизм или католицизм — выйдет победителем из этой великой борьбы любви, объединиться, чтобы спасти чёрных».

После конференции, на которой были произнесены эти слова, 11 февраля 1889 года в Женеве состоялось общее собрание Швейцарского антирабовладельческого общества. Заседание возглавил человек, известный своей приверженностью Римской церкви, доктор Дюфрен; доклад зачитал протестантский пастор Шарль Фо. Затем два уважаемых проповедника города — пастор Шуази и аббат Карри — выразили свою поддержку делу общества.

Перейдём к вопросу еженедельного отдыха. Установление дня отдыха — это поистине благотворная мера. Она приносит больше пользы физическому, интеллектуальному и моральному здоровью, чем сокращение ежедневных рабочих часов, которое сегодня является предметом многочисленных требований. Если бы этого не существовало, и современный филантроп предложил бы такую идею, она наверняка была бы с энтузиазмом принята рабочими классами и всеми друзьями общественного блага. Эта идея очень стара, поскольку перешла из законодательства евреев в предписания христианской церкви и в гражданские постановления большинства современных наций. Это происхождение, которое некогда придавало силе воскресного закона, впоследствии вызвало против него слепую предвзятость и привело, в той или иной степени, к его забвению. В одном из тех неразумных откатов, столь частых в истории, начали бороться против благотворительных постановлений лишь потому, что они исходили от Церкви, и в них видели вмешательство духовной власти в светские дела.

Однако было бы легко понять, что приостановка труда, дарующая рабочим столь ценную свободу, — это мера, которая, хотя и вдохновлена Церковью, не может оскорбить ничью совесть. Как бы то ни было, поскольку соблюдение воскресного дня утратило силу в нескольких странах, это привело к бедам, на которые обратили внимание добросовестные люди. Были созданы общества, добивающиеся решений, которые, в меру возможного, обеспечат благодать воскресного отдыха фабричным рабочим, железнодорожным служащим, и вообще всем, кто зависит от других. Эти общества стали достаточно многочисленными, чтобы направить делегатов на международный конгресс, проведённый по случаю Всемирной выставки в Париже в 1889 году. Этот конгресс смог собраться под покровительством французского правительства, которое лишь потребовало, чтобы слово «воскресенье» не упоминалось в повестке, дабы не пробудить те самые предвзятости, о которых шла речь, и чтобы обсуждался лишь «еженедельный отдых» с гигиенической и социальной точки зрения.

Это не помешало г-ну Альфреду Ривьеру, архитектору города Парижа, произнести на конгрессе следующие слова: «Еженедельный отдых в любой день недели — это дезорганизация строительных площадок. Наши рабочие взаимозависимы; если каменщик не выполняет свою работу, плотник не может делать свою — всё останавливается. Но есть нечто ещё более важное: когда рабочий отдыхает в случайный день, мы считаем, что это уже не отдых, а праздность. Если женщина не дома, если ребёнок в школе — где находится рабочий? В кабаке. И что он там делает? Мы все это знаем. Поэтому, когда нам говорят о еженедельном отдыхе, мы отвечаем: нет, никаких недоразумений — нам нужен именно воскресный отдых». Г-н Поль Леруа-Больё выразил ту же мысль на заседании Института: «Еженедельный отдых — отличная идея; но нужно иметь мужество назвать вещи своими именами и говорить о воскресном отдыхе. В нашей цивилизации, в нашем образе жизни абсурдно мечтать об отдыхе, который не был бы воскресным».

Можно отстаивать идею еженедельного отдыха с чисто светской точки зрения; однако религиозная важность этого вопроса очевидна. Когда обеспечен еженедельный отдых, каждый использует его по своему усмотрению. День отдыха, без сомнения, не для всех будет днем духовных размышлений; но приостановка работы имеет для религиозного воспитания такие преимущества, которые невозможно отрицать. Таким образом, речь идет о деле, общем для всех христиан, и действительно получающем поддержку со стороны членов различных церквей. Католик, господин Луи де Сисси, занимался этим вопросом с рвением. Одним из самых убеждённых, самых страстных и самых полезных защитников этого доброго дела был Александр Ломбар. Этот добропорядочный человек был глубоко привержен ортодоксальному протестантизму — как в его утвердительном аспекте, так и в противопоставлении Римской церкви.

Это не мешало ему работать с католиками над своим любимым делом, и в такие моменты его гугенотские чувства, хотя и не исчезали, порой ослабевали. Дело воскресного дня — это общее дело для всего христианства. Это настолько очевидно, что об этом едва ли стоит упоминать. Важно отметить, что совместная работа над этим вопросом способствует развитию, и действительно развивает, чувства христианского братства. Идеи, касающиеся социального вопроса, тесно связаны с идеями, касающимися еженедельного отдыха. Политические битвы происходят между партиями, борющимися за власть. Но под этими битвами всё чаще, особенно в наши дни, проявляется другая борьба — борьба за перераспределение богатства: это и есть социальный вопрос. Он не всегда отделён от политического, потому что смена существующих властей может повлечь за собой изменение институтов, законов и, следовательно, экономических условий общества.

Кроме того, обещания, касающиеся перераспределения богатства, часто включаются в программы партийных лидеров. Но эти два вопроса всё же различны и могут быть разделены. Социальный вопрос — это проблема бедности, рассмотренная с одной из самых значимых сторон. Первый долг, вытекающий из существования бедных, — это помощь им; именно этим всегда занимались истинные ученики Евангелия. Одна из плохих тенденций современной мысли проявляется, как я уже упоминал, в нападках на благотворительность, которую представляют как унижающую тех, кто её получает. В некоторых школах социалистов считают, что никто не должен получать помощь, основанную на доброте других людей, и что, когда помощь необходима, её следует рассматривать как долг общества перед отдельными личностями. Всякая частная благотворительная деятельность, выражающаяся в добровольных пожертвованиях, должна быть, по их мнению, отменена.

Такое состояние дел, помимо прочих недостатков, развило бы гордость бедных и эгоизм богатых. Это иссушило бы источники доброжелательности и признательности и тем самым нанесло бы ущерб одним из самых благородных и трогательных чувств человеческого сердца. Песенник Беранже написал на этот счёт несколько хороших слов: «Никогда из гордости я не отверг бы руку, протянутую мне другом в беде; это сделало бы меня недостойным самому прийти на помощь несчастным друзьям». Помощь бедным всегда останется первоочередным долгом; но можно представить себе более высокий идеал: не ограничиваться облегчением бедности, но предотвращать её; устранять источники нищеты — вот подлинный социальный вопрос. Каждый христианин почувствует себя обязанным, если может, способствовать делам, которые могут привести к такому результату. Против усилий, направленных в этом направлении, иногда приводят текст из Евангелия, переведённый так: «Нищие всегда будут с вами».

К уже достаточно пессимистическим прогнозам, основанным на убеждении, что нищета — это зловредное растение, которое будет существовать до тех пор, пока существуют пороки одних и эгоизм других (в которых она укоренилась), добавляют, таким образом, некое пророчество, которое, как считают, может ослабить порывы милосердия. Несомненно одно: социалисты, враждебно настроенные к христианству, порой превращают эти слова, приписываемые Христу, в оружие в своей борьбе против Евангелия. Однако (не претендуя на компетентность для окончательного суждения) можно допустить, что здесь речь идёт об ошибке перевода. В оригинальном тексте и в Вульгате нет слов «у вас всегда будут нищие», что является пророчеством, а есть «у вас есть нищие» — простое констатирование факта. Как бы то ни было, предотвращение бедности — настолько, насколько это возможно — всегда будет желанием щедрых душ, особенно тех, кто находится под влиянием Евангелия.

В наши дни много думают о том, как устранить один из главных источников бедности — через новый способ распределения результатов труда. Хочется устранить или хотя бы смягчить резкий контраст между огромными состояниями, приобретёнными промышленниками, и положением рабочих — создателей этих богатств — которые, даже

если они трудолюбивы и воздержанны, не всегда зарабатывают достаточно, чтобы достойно обеспечить жильём и пропитанием свои семьи. Этот вопрос особенно остро стоит для крупных производств, но он естественным образом приводит к общему рассмотрению проблемы распределения трудовых доходов. Эта проблема была успешно решена системой участия рабочих в прибыли предпринимателей — системой, которая заменяет противостояние интересов их гармонией и способна устранить в самой своей основе забастовки, являющиеся одним из худших бедствий современной промышленности.

Эта справедливая и плодотворная идея уже не раз применялась на практике, и, насколько мне известно, везде, где она реализовывалась, результаты были положительными во всех отношениях. Идея говорит сама за себя; она также получает дополнительную поддержку благодаря той оппозиции, которую вызывает у людей, стремящихся к полному разрушению общества и уговаривающих рабочих не принимать выгодные меры, представляя их как реакционный «паллиатив». Некоторые радикально настроенные умы требуют большего. Им недостаточно, чтобы рабочие участвовали в прибылях своих работодателей — они требуют, чтобы работодателей вообще не было, чтобы фабрики принадлежали коллективам рабочих — всем вместе, как сособственникам. Это демократическая идея, применённая к индустрии. Один уважаемый профессор политической экономии выдвинул в её поддержку аргумент аналогии: политическая эволюция привела от абсолютной монархии к конституционной, затем к республике (так, по крайней мере, произошло во Франции). То же должно, по его мнению, произойти и в промышленности.

Участие рабочих в прибыли — это, как и конституционная монархия, лишь переходный этап. Это отождествление политики и промышленности вызывает у меня множество серьёзных сомнений. Всегда нужны будут руководители для управления работой. В системе чистой кооперации эти руководители будут избираться рабочими. Но будут ли они избираться обычно таким образом, который соответствует интересам предприятия? Опыт политической демократии наводит на вопросительный знак. Когда избранные окажутся действительно способными людьми, останутся ли они надолго? Частая смена правительств — один из демократических инстинктов. Частые перемены не слишком благоприятны для успешного ведения политических дел; а в промышленности они были бы наверняка вредны. Вот замечания по этому поводу от одного промышленника, который своей деятельностью подтверждает искренность своих филантропических убеждений: «Производство зависит не только от союза капитала и рабочей силы; есть третий фактор, не менее важный — руководство.

Хорошее руководство должно быть не только честным, умным, внимательным, рассудительным, предусмотрительным, экономным, но также постоянным, непрерывным и осуществляться на протяжении долгих лет». На заседании Городского совета Парижа (27 октября 1888 года) один из членов собрания заявил, что, по его мнению, причина неудачи большинства кооперативных производственных обществ — нестабильность руководителей, большая часть из которых занимает пост меньше года. Вот что, наконец, по моему мнению, лишает всякой силы тождество политической и промышленной демократии. Когда плохое правительство, избранное вследствие непродуманных страстей, доводит до финансового краха государство, налогоплательщики берут на себя исправление ошибок своих руководителей; и даже в относительно редких случаях банкротства государство не погибает.

Условия промышленности иные: предприятие может погибнуть из-за неспособности его руководителя. Здесь нет места для детального рассмотрения этих серьёзных вопросов — я лишь хотел вскользь отметить, что наступление чистой промышленной демократии с упразднением работодателей кажется мне ошибочной идеей, которая, если распространится, рискует поставить под угрозу справедливую и плодотворную идею участия всех работников в прибылях от их труда. Я также, раз уж имею возможность, спрашиваю, не

бывает ли так, что добрые люди, руководствуясь благими чувствами, произносят слова, не вполне осознавая их последствия, и тем самым рискуют вызвать или ускорить кризис, который хотят предотвратить. Участие в прибылях — это идея справедливости и мира; а лозунг «нет работодателей» может стать боевым кличем, развить чувства, составляющие то эгалитарное безумие, которое господин Фалло определяет как главный разрушающий фактор нашего времени, и возбудить некоторые из самых дурных и опасных инстинктов человеческого сердца. То же можно сказать и о другой формуле: «наёмный труд — это рабство», которая, хоть и печально верна в особых случаях, в общем понимании столь же вредна, сколь и ложна.

Возвращаюсь к теме. Улучшение положения бедных слоев через лучшее распределение богатства — дело по своей сути христианское, и все, кто находится под прямым или косвенным влиянием Евангелия, должны объединяться в этих усилиях — и на самом деле объединяются. Социальный вопрос — естественная возможность для сближения членов различных церквей на почве милосердия. Они должны собираться вместе и протягивать руку сотрудничества всем доброй воли людям, которые, хоть и не разделяют всех их убеждений, сходным с ними образом понимают благо человечества. Но нельзя забывать, что эти сближения имеют границы из-за фундаментального разнообразия доктрин — мы увидим это ещё раз. Есть три идеи, общие для всех людей, которые, несмотря на различия во взглядах на другие вопросы, верят вместе в существование Бога, в загробную жизнь и в моральную ценность личности. Первая из этих идей: в положении каждого в обществе есть естественные неравенства, которые частично являются результатом высшей воли.

Вторая: нынешняя жизнь — лишь очень малая часть общего существования человека, и неравенства в этой жизни могут быть компенсированы в иной системе, где те, кто здесь наименее, смогут стать первыми. Третья: человек — относительно свободное существо, его судьбы частично зависят от использования собственной воли, и когда он страдает, причины его страдания часто связаны с ошибками, за которые он ответственен. Этими тремя идеями можно злоупотреблять. Если исходить из них, что бедным нужно только сказать, что они должны принять ситуацию, которую им дало Провидение, что их бедность — результат их пороков, и что если они страдают здесь, то смогут быть счастливы в иной жизни, и при этом не предпринимать никаких действий для улучшения их положения — эти слова могут стать лишь лицемерным покрывалом для лени и эгоизма. Но применение этих мыслей отличается коренным образом от их злоупотребления.

Работая над улучшением положения бедных, верующие в Бога, в загробную жизнь и в человеческую свободу не забудут, что серьёзных результатов экономических реформ невозможно добиться без моральных реформ; и, объединяясь в усилиях по справедливому распределению продуктов труда, они будут стараться распространять религиозные идеи, которые приносят спокойствие в души. Другое дело — люди, которые не признают ни Бога, ни жизни после смерти, ни ответственности за поступки, и учат, что все неравенства — результат порочных институтов. Распространяя такие идеи, они порождают мечту о химическом равенстве, вызывают ложные надежды, которые превращаются в раздражение, разжигают страсти, и религиозное отрицание становится оружием борьбы. Недавно одна швейцарская газета отметила расхождение взглядов на социальный вопрос, которое происходит из-за различия доктрин. В тосте на банкете один оратор сказал: «Благодаря распространённому образованию новые поколения народа, больше не верящие в обещания будущей вечной жизни, энергично требуют свою законную долю наслаждений в настоящей жизни...».

К сожалению, это лозунг части публицистов, которые разжигают социальный вопрос. На эти слова с полным основанием был противопоставлен следующий взгляд человека, которого нельзя обвинить в незнании законных требований рабочего класса. Виктор Гюго писал:

«Религиозное учение, на мой взгляд, сегодня нужнее, чем когда-либо. Чем больше человек растёт, тем больше он должен верить. В нашем времени есть одна беда, я бы сказал — одна единственная беда — это тенденция сводить всё к этой жизни. Если человек воспринимает земную, материальную жизнь как цель и смысл своего существования, то все страдания усугубляются отрицанием, которое в итоге приводит к отчаянию. От страдания, которое есть закон Божий, мы делаем отчаяние. Отсюда происходят глубокие социальные потрясения. Конечно, я желаю улучшить жизнь страдающих здесь, но не забываю, что первое улучшение — это дать им надежду. Что же до меня, я глубоко верю в лучший мир, и заявляю: это высшая уверенность моего разума и высшая радость моей души. Поэтому я искренне хочу, я более того, страстно желаю религиозного учения».

Таким образом, в усилиях по предупреждению бедности есть два непримиримых направления мысли. Поэтому, как только речь выходит за рамки простых материальных мер и касается воздействия на умы, социальный вопрос не позволяет двум классам людей с различными, а порой прямо противоположными взглядами на благо человечества объединяться в одном деле.

Я перехожу к пятому примеру, взятому из усилий по борьбе с бедствием войны, которые можно назвать делом мира. Проект вечного мира аббата де Сен-Пьера часто называют мечтой благородного человека, и, в общем-то, так его и воспринимают. При обсуждении этой темы, конечно, нужно остерегаться иллюзий. Пока в мире будут существовать порок и преступление, всегда потребуется социальная сила, которая могла бы служить праву, хотя, увы, слишком часто она служит несправедливости. Когда граф Толстой толкует христианское учение в том духе, что не следует защищать других, он выходит за пределы евангельской морали, а также здравого смысла. Пока существуют воры и убийцы, нужны жандармы и тюрьмы. Пока народ может быть угрожаем амбициозными и бессовестными соседями, он должен готовиться к обороне на случай возможной войны. Это неоспоримо, но речь здесь о вопросе степени.

Что спустя девятнадцать веков христианства государства Европы тратят огромные средства на военные нужды, которые можно было бы использовать лучше, что прогресс науки и техники находит одно из главных применений в изобретении новых средств разрушения — это ни необходимо, ни естественно. Если подумать хладнокровно, позволив сердцу и разуму выполнить свои естественные функции, война предстает как ужасное уродство. Нет более отвратительного зрелища, чем поле битвы после сражения. Откуда же престиж, связанный с военным сословием? Откуда сияет славой это положение и вызывает у многих молодых людей горячую симпатию? Это потому, что военное ремесло требует доблести первейшей важности — мужества, и взращивает два возвышенных чувства — честь и верность. Кроме того, у солдата есть неоспоримые преимущества с точки зрения здоровья и дисциплины.

Современная цивилизация имеет смягчающий характер, особенно для молодых из состоятельных классов. Служба в армии полезна с точки зрения здоровья тела. Обязанность подчинения — основа всякого хорошо устроенного общества — серьёзно подрывается нынешним направлением умов. Военная дисциплина приучает выполнять этот долг и служит полезным противовесом пагубным влияниям, которые стремятся подорвать его. Эти рассуждения серьёзны и составляют лучшую, или, по крайней мере, наименее плохую часть оправданий войны. Но нельзя ли представить армии, для которых война не была бы единственным назначением? Можно ли представить армии, которые выполняли бы общественно полезные работы, как это, если я не ошибаюсь, было у римских легионов, и которые обеспечивали бы преимущества серьезной дисциплинированной жизни, не ставя своих слуг перед единственной задачей — убить как можно больше людей за как можно меньше времени? Хотя нельзя разумно ожидать полного прекращения войн, разрешено

надеяться на уменьшение этого бедствия; и работа над этим уменьшением — один из самых насущных обязанностей общества современного.

В наше время милитаризм достиг чрезмерного размаха. Один старший офицер одной из великих европейских армий недавно сказал мне, что в этом отношении существует настоящее безумие (это было его слово), и добавил, что такое мнение разделяют все серьёзные военные. В связи с этим возникли общества мира, которые требуют замены войны арбитражем. В этих обществах состоят члены всех христианских церквей, а также люди, которые, не будучи связаны с одной из церквей, понимают благо человечества в духе Евангелия. Делается почтенное дело, и нужно, чтобы таких усилий стало ещё больше, ибо корни зла уходят глубоко в почву человечества. Искренняя реализация демократии, зачастую у нас есть лишь печальные карикатуры на неё, могла бы помочь предотвратить войны, которые вызваны династическими интересами или расчетами партийных лидеров. Когда публичная власть будет организована так, чтобы выражать, а не искажать чувства народов, когда общественное мнение станет законом, политика, конечно, продолжит представлять собой грустные спектакли, но народы не захотят проливать кровь, чтобы удовлетворить гордыню и амбиции правителей.

Достижения в этом направлении реальны и значительны. Труднее будет предотвратить войны национального характера — те, что вызваны народными страстями, те, что происходят из антипатий, созданных историей или расовым разнообразием человечества. Для достижения этой цели нужно менять старый патриотизм, который мы унаследовали от греков и римлян, и который характеризуется ненавистью к чужаку. Современный прогресс цивилизации способствует этому. Открытие путей сообщения, всё более лёгкие транспортные средства, расширение торговли, международные собрания по многочисленным и разным поводам снижают барьеры между народами и значительно способствуют разрушению узкого, исключительного и воинственного патриотизма. Это прекрасно и хорошо. Но у медали есть обратная сторона.

Уничтожить патриотизм в пользу мнимого духа монопольного эгоизма, стереть из морального катехизиса раздел о долгах перед родиной — значит работать на моральное падение человечества. Патриотизм возникает из привязанности к родной земле, воспоминаниям детства и институтам своей страны. Но эти чувства лишь облегчают исполнение долга, они его не создают. Даже если эти чувства отсутствуют, каждый должен трудиться на благо тех, кого Провидение сделало его соотечественниками, так же, как должен заботиться о благополучии своей семьи. Нет ничего более свойственного духу Евангелия, чем разрушать тот патриотизм, который является источником братоубийственных войн, не заменяя его духом эгоизма и безразличия. Общество, рассматриваемое с христианской точки зрения, — это собрание индивидов, у каждого из которых есть своё место и функция, и который, принимая своё место и выполняя свою функцию, должен направлять свои усилия на служение общине.

Эта концепция естественным образом распространяется на нации, которые представляют собой моральные индивидуальности. Каждая из них имеет своё место, свою функцию, задачу для блага человечества. Их величие должно определяться значимостью оказываемых услуг. Это закон Христа для отдельных лиц; так должно быть и для наций, если они хотят заслужить титул христианских. Все церкви должны объединить свои силы и приложить мощные усилия для склонения общественного мнения в сторону мира, чтобы заменить дух справедливости и любви, который должен быть солью земли, пагубным закваской национальных соперничеств и жестоких инстинктов, удовлетворяющихся в этих ужасных дуэлях народов, усеянных тысячами трупов. Это великое общее дело христианства, работа, которая в нынешних обстоятельствах требует особенно пристального внимания. Насколько можно предвидеть, не в этом мире, в котором мы живём здесь, может

воцариться вечный мир; но ограничить бедствие войны, сократить её до редкого и жестокого исключения — это не утопия, а достижимый прогресс, отсутствие которого создаёт ужасный пробел в развитии цивилизации.

Здесь есть поле для встречи всех людей доброй воли, какими бы ни были различия в их мнениях, — честного рукопожатия. Речь идёт о создании в общественном мнении достаточно мощного течения, чтобы удержать руку государственных деятелей, которые захотят подписать одну из тех объявлений войны, которые отвратительны, если не оправданы правом на законную оборону или репрессией вопиющей несправедливости. Можно было бы привести множество примеров общественных благих дел, которые сегодня объединяют членов различных церквей в совместных действиях. Эти сближения показывают пройденный путь с тех пор, как конфессиональные разделения были причиной или предлогом для войн, которые заливали кровью землю христианства. По этому поводу есть важное замечание, которое следует сделать в завершение этой главы. Единство поставленной цели не всегда требует административного единства, которое в некоторых случаях может иметь недостатки.

Чтобы уточнить эти случаи, нужно различать дела, направленные на достижение законодательных или административных мер, и дела, требующие прямого воздействия на личности. Для работ первого рода административное единство удобно, чтобы сосредоточить усилия. Когда необходимо воздействовать на политические власти для получения решений, благоприятных для общего блага, люди с убеждениями, иногда очень разными и даже противоположными во многих отношениях, могут с выгодой объединиться в совместных действиях, чтобы добиться согласованного результата. Другое дело — дела второго рода, требующие непосредственного воздействия на личности. Для морального возрождения религиозное чувство всегда является самым мощным и часто единственным действенным мотивом. Однако в нынешнем расколе христианства особое религиозное действие не допускает административного единства действий.

Например, речь идёт об открытии приюта для женщин, опустившихся до самых низких ступеней порока. Обращения к ним будут в духовном отношении одинаковыми, но практика культа будет различаться в зависимости от того, имеем ли мы дело с католичками или протестантками. В руководящем комитете такого дела, включающем членов различных церквей, возникнут вопросы, которые, выявляя разногласия, могут стать причиной расколов. Приюты для упавших женщин должны иметь конфессиональный характер, чтобы религиозное действие могло осуществляться в полном объёме — и, как я полагаю, это всегда так. То же касается борьбы с алкоголизмом. Жертвам этого порока можно предложить соображения о личном достоинстве, интересах, заботе о семье — вопросы, чуждые тому, что разделяет христиан. Но эти несчастные остро нуждаются в религиозной помощи, которая принимает, если не обязательно, то, по крайней мере, очень естественно — конфессиональную форму.

В этом отношении можно одобрить следующее заявление недавно основанной в Фрибурге лиги против алкоголизма: «Лига Креста является по своей сути католической. Сохраняя свои религиозные практики и свои собственные средства действий, она поддерживает доброжелательные отношения с другими обществами, преследующими ту же цель». Это показывает единство общей работы при многообразии администраций. В одних условиях сближение личностей для коллективного действия укрепляет их единство; в других — выявляет различия, создающие противоположности. Отсюда проистекают меры осторожности, которые лучше не игнорировать. Общие дела, с административным единством или без него, проявляют единство христианского мира. Проявляя это, они усиливают его реализацию. Речь идёт об усилиях во благо человечества; и это благо не является расплывчатой формулой, допускающей противоположные представления, как у

материалистов с одной стороны и у верящих в реальность созданных духов и их бессмертную судьбу — с другой. В христианском мире благо человечества — это не только материальное, но и духовное улучшение условий великой семьи Небесного Отца. Вот прочная основа всех общих дел, свойственных христианству.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Духовное чувство общности объединяет тех, кто признал в Иисусе из Назарета подлинного свидетеля Божественного мира. Принятие авторитета Христа, которое является прямым следствием или, точнее, самой сутью веры, — это начало христианской жизни, основанной на этом утверждении: «Я знаю, в кого я уверовал» (2 Тим. 1:12). По мере своего развития эта жизнь всё глубже раскрывает согласие евангельских истин с нуждами и стремлениями человеческой души. Она достигает своей вершины в душах тех, кто, отказавшись от естественного эгоизма, присущего человеческому сердцу, следуют побуждениям любви и могут сказать вместе со святым Павлом: «Уже не я живу, но живёт во мне Христос» (Гал. 2:20). Желание устранить авторитет и свести всё к личному опыту — серьёзная ошибка. Но и недооценка роли опыта — не только в становлении веры, но и в её развитии — также является тяжёлой ошибкой.

Без авторитета веры источник христианского опыта иссяк бы — именно на этой мысли особенно сосредоточилось моё внимание в нынешние времена. Опыты, рождающиеся из веры, укрепляют её, просвещают, делают её всё более глубокой и личной. Таким образом, авторитет Христа находит своё подтверждение в личном опыте, который его утверждает. Истинное благочестие, то есть единение душ с Богом, лучше всего выражает то духовное единство, которое, несмотря на различия, сохраняется в сердцах тех, кто под водительством Христа готовится к вхождению в Царствие Небесное. Во все времена люди стремились выразить это духовное единство и во внешней форме — посредством церковной организации. После раскола между Востоком и Западом предпринимались различные попытки сближения, но безуспешно. После религиозных расколов XVI века были сделаны многочисленные усилия как для объединения различных направлений протестантизма (лютеран, реформатов, англикан), так и для восстановления единства между римскими католиками и протестантами.

В одной книге, опубликованной в 1806 году, приводятся сведения о таких неудачных попытках. Эта книга появилась во времена наивысшей славы Наполеона, и её автор в начале выражает, с позиции, которая сегодня кажется наивной, надежду, что именно император сможет достичь воссоединения всех христианских конфессий. В наши дни, после войны 1870 года, учёный Дёллингер выразил похожую мысль, сказав, что Германия должна взять на себя инициативу в этом великом деле. Решение этой задачи столь же трудно, сколь и желательно. Один человек, полный энтузиазма и горячего сердца, однажды поделился со мной проектом всеобщего союза всех христиан, который он изложил в трёх статьях. Мне пришлось указать ему, и он был вынужден согласиться, что первая статья исключает римских католиков, вторая — восточных православных, а третья — всех протестантов. Я не ставлю себе целью выдвигать подобный проект. Моё желание — внести свою лепту в сближение умов и сердец, которое, не устраняя существующее разнообразие религиозных институтов, могло бы уничтожить или, по крайней мере, смягчить элементы вражды, сопровождающие это разнообразие.

Так можно было бы заранее подготовить будущее объединение Церквей, если оно предусмотрено Промыслом. В 1827 году отец Жирар писал одному своему другу, который с пылом поддерживал дело греческой независимости: «Греция, где воссияло Евангелие, где так много апостольских церквей, действительно заслуживает вашего интереса. Но я хотел бы, чтобы, даруя грекам поцелуй мира, мы также даровали бы его друг другу — перед

лицом нашего общего Отца и нашего Спасителя, — чтобы мы стали одной семьёй братьев, стоящих у одних и тех же алтарей и разделяющих одну и ту же трапезу. Этого желал наш Учитель, об этом говорит Евангелие. О, прекрасный день воссоединения, как я его жажду, но мне не суждено его увидеть. Я старался хоть немного приблизить его... но что может один человек среди миллионов?»

В 1871 году Людвиг Рихтер писал в своей автобиографии: «Я стремлюсь развивать в себе христианскую истину и всё более жить в ней... Если бы все обладали живым духом Господа, единство вскоре было бы восстановлено. Я принадлежу к той невидимой Церкви, которая рассеяна среди всех исповеданий и сект. Я в общении со всеми, кто искренне стремится верить в Евангелие и следовать за Христом. Я надеюсь на Бога, что эта невидимая Церковь будет расти, и когда придёт время, произойдёт и внешнее единство». Разве желание, выраженное францисканцем в своей келье и немецким художником в своей мастерской, не должно стать общей молитвой всех, кто повторяет: «Верую в единую Святую Вселенскую Церковь»? Эта статья Символа апостолов выражает веру, которая включает в себя надежду — а эта надежда налагает обязанность.

Я завершу, указав пять правил, которые, на мой взгляд, следует применять на практике тем, кто понял, что принятие свидетельства Христа составляет суть веры при всём её разнообразии и кто желает подготовить осуществление единства христианского мира.

1. Точно знать современные реалии.
Нередко можно наблюдать поразительное невежество. Некоторые католики с удивлением обнаруживают, что есть протестанты, которые искренне верят в Иисуса Христа и ищут в Его свидетельстве руководство для своих мыслей и поступков. Они, похоже, не знают, что Символ апостолов и молитва «Отче наш» остались в литургии крупнейших протестантских церквей. У них нет представления о миссионерских и благотворительных делах, совершаемых восточными православными, англиканами, лютеранами, реформатами. Я помню, как встретил французского офицера, вернувшегося из Иерусалима, куда он ездил по религиозным соображениям. Он уверял меня, что только римские католики занимаются делами милосердия. Не умаляя достоинств сестер милосердия, о которых он говорил, мне всё же пришлось привести контраргументы в пользу христиан, отделённых от Рима.

Я также слышал, как одна католическая дама, представительница образованного общества, говорила, что думала, будто протестанты не признают бессмертия души. М. Огюст Николя в своей книге «О протестантизме и всех ересях в их отношении к социализму» утверждал, что протестантизм неизбежно ведёт к натурализму и пантеизму. Отец Лакордер, недавно вернувшийся из поездки в Англию, оспорил это утверждение и написал: «Англия, после трёх веков протестантизма — страна, пребывающая в состоянии чисто философского или натуралистического духа? Я так не думаю. Библия, поддерживаемая проповедью духовенства, продолжает пробуждать в народе остатки христианских стремлений, деизм более определённый, чем в философии, добродетели более глубокие, чем у языческой античности, и, наконец, подлинную сверхъестественную жизнь в душах людей искренней веры, в которых Святой Дух действует своей благодатью и ведёт к спасению». К сожалению, далеко не все католики обладают тем знанием фактов, которое позволило знаменитому доминиканцу написать эти строки.

Со стороны протестантов невежество встречается не реже. Даже серьёзные авторы, которые должны бы быть лучше осведомлены, порой дают настолько искажённые описания католических учений, что те превращаются в карикатуры. Полемисты часто приписывают Римской Церкви доктрины, которых она на самом деле не придерживается. Вот наглядный пример: постановления Первого Ватиканского собора трактовались так, будто они дают Папе неограниченную власть, включая власть над гражданскими делами и возможность

отменить политические свободы. Эта идея оказалась особенно вредной, поскольку объединила протестантов и либералов всех направлений в борьбе против Рима — борьбе, которая для многих превратилась в атаку на религию как таковую. Однако я полагаю, что обоснованно доказал: как до, так и после Ватиканского собора римские католики могут участвовать в общественной деятельности, поддерживающей свободу вероисповедания, не отрекаясь от веры своей церкви.

Чтобы понять эту мысль, нужно уметь отличать вопрос права от вопроса истории, а также не путать тенденции политических партий, временно преобладающих в Римской Церкви, с догматическими решениями, обязательными для всех католиков. В одном пастырском послании епископов Швейцарии говорится: «Древние буллы и конституции Пап, касающиеся гражданского и политического права, отнюдь не являются решениями веры и не представляют собой догматических определений верховной и непогрешимой Учительской власти. То же самое следует сказать и о буллах, которые могут в будущем касаться гражданских вопросов». В одном послании от 27 ноября 1871 года Папа Пий IX писал швейцарским епископам: «Ничто не было более своевременным и достойным похвалы, чем ваше пастырское послание, в котором вы ясно раскрыли истину перед всеми». Очевидно, что свобода вероисповедания — это вопрос гражданского и политического права. Следовательно, Папа одобрил документ, в котором говорится, что его решения по таким вопросам не затрагивают веру верующих.

Когда хотят справедливо оценить религиозное учреждение с точки зрения права — с учетом всех оговорок, касающихся фактов и тенденций, — следует обращаться к официальным заявлениям, к подлинным документам. Нельзя приписывать Церкви или религиозной общине ошибки, которые, хотя и могут быть реальными, не принадлежат их истинной сущности. Нельзя судить о римском католицизме по суевериям неаполитанских улиц или некоторых регионов Южной Америки; нельзя судить о протестантизме по религиозному состоянию рабочих из того или иного города. Злоупотребления католицизма носят характер суеверия, а злоупотребления протестантизма — характер сомнения и отрицания. Никогда нельзя заключать от факта к праву, от злоупотребления — к норме. При внимательном изучении современных фактов можно заметить, что, несмотря на человеческие слабости и пороки, плоды духа — в их противостоянии греху — явно присутствуют у действительно благочестивых членов различных церквей.

2. Не приписывать религиозной вере то, что является общим признаком эпохи.
Эту норму поведения с благородством и пользой напомнил пастор Берсье в своей речи о отмене Нантского эдикта. Он сказал: «Потомки изгнанников не освобождаются от обязанности быть справедливыми; даже страдания их отцов делают это их долгом. А справедливость обязывает нас признать, что ни одна нация тогда полностью не понимала религиозной свободы, что нетерпимость была повсеместно правилом, что гражданское равенство нигде не существовало для тех, кто не принадлежал к господствующей религии, и что католическое богослужение было запрещено в Лондоне, Женеве, Шотландии, Швеции и Дании». Красноречивый оратор мог бы в подтверждение своих слов привести один малоизвестный и весьма характерный факт. Отмена Нантского эдикта датируется 22 октября 1685 года. Спустя месяц и четыре дня, по случаю смены религии господином Франсуа С., сыном покойного дворянина Теофиля С., советника, в реестрах Женевского консистория записали следующее: «Постановление Совета в разъяснение эдикта июля 1609 года против отступников: граждане и горожане, которые, нарушив свою присягу, сменят религию, теряют все права, привилегии и преимущества города; они изгоняются навечно под страхом смертной казни, с запретом принимать их в нашем городе и на его землях, под страхом штрафа в тысячу экю». (Присяга горожанина включала признание государственной религии).

Было бы абсурдно устанавливать эквивалент между чудовищным преступлением Людовика XIV и сравнительно безвредным постановлением Женевского совета; но эти два события, совершенные с разницей в несколько недель, идентичны с точки зрения религиозной свободы и подтверждают тезис пастора Берсье, что в ту эпоху, как у протестантов, так и у католиков, нетерпимость была нормой. Религиозные преследования имели место под влиянием всех вероисповеданий. Протестанты были гонимы католическими властями; католики — протестантскими. Кромвель был движим тем же духом, что и Филипп II, и прибегал к методам, аналогичным тем, которые использовал король Испании.

Одна из задач, требующая усилий всей жизни и способная пробудить интерес молодого и усердного исследователя, — это создание общей истории религиозных преследований. Все нации и все вероисповедания вошли бы в рамки этого масштабного труда, где нашлось бы место и для гонений на буддистов в Индии, и на христиан в мусульманских странах, и на евреев повсюду, наряду с насилиями, омрачившими борьбу между протестантами и католиками. Заключение этой работы должно было бы показать, что эти прискорбные события стали результатом полного непонимания законов нравственного порядка, разгула дурных страстей, которым религия служила то пищей, то предлогом, ложного понимания соотношения светской и духовной власти — и что такие явления должны исчезнуть под влиянием прогресса свободы и размышлений, направляемых духом Евангелия.

Обычно в истории преследований ищут поводы для полемики и стимулы, питающие конфессиональные антагонизмы. Однако из этих печальных воспоминаний можно извлечь лучшее. В разнообразии верований, ради которых люди жертвуют своим покоем, свободой, жизнью, — эти жертвы имеют один и тот же характер. Ян Гус, предшественник Реформации XVI века, и Томас Мор, оставшийся католиком перед лицом угроз Генриха VIII, повиновались различным убеждениям; но костер, поглотивший Яна Гуса, и эшафот, на котором пал Томас Мор, имеют с моральной точки зрения одно и то же значение — верность совести, доведенная до героизма. Точно так же, независимо от различия верований, во имя которых преследуют, преследование сохраняет всегда один и тот же характер — это применение насилия в вопросах веры, вторжение силы в святилище души. Таким образом, в сфере, где питаются страсти, можно найти средство их усмирения, возвысив мысль до осознания достоинства человеческой совести и уважения, которого она заслуживает.

Этот взгляд (нужно ли говорить?) вовсе не предполагает безразличия к доктринам. Переходить от уважения к человеческой душе к уважению к ошибке — было бы серьезным заблуждением. История богата уроками, и нет ничего более естественного и законного, чем бережно хранить память о добрых и великих примерах, оставленных нашими предками — по крови или по общности веры. Однако стоит спросить, не было бы уместно в определенных обстоятельствах хранить относительное молчание о воспоминаниях, способных вновь разжечь рознь. Когда члены семьи хотят прекратить ссору, они поступают мудро, избегая напоминаний о причинах раздора. Разве эта же норма не могла бы быть с выгодой применена и к разделённым членам великой христианской семьи?

Чтобы второе правило применялось без оговорок и без возражений, важно, чтобы можно было с полной легитимностью утверждать, что, несмотря на известные всем факты, католическая вера не содержит ни одного догмата, противоречащего гражданской свободе вероисповеданий. Я считаю, что доказал это в специальной работе на эту тему; но чтобы успокоить вполне естественно обеспокоенные умы, нужно нечто более значительное, чем бреве Пия IX к епископам Швейцарии и аналогичные проявления. Инквизиция в Испании, Варфоломеевская ночь, отмена Нантского эдикта и драгунские преследования составляют комплекс воспоминаний, отбрасывающих мрачную тень на прошлое Римской Церкви. Надо добавить, что немало современных католиков намекают — или даже прямо говорят — что социальная терпимость к ереси — это лишь вынужденная необходимость, которую Церковь

принимает, когда не может иначе, но если бы власть оказалась в её руках, она бы устранила религиозную свободу.

Эта точка зрения, к сожалению, находит поддержку в учении святого Фомы Аквинского, который утверждает, что еретиков следует дважды предостеречь, а если они упорствуют в своей ошибке после двух предупреждений, их следует передать светским властям для казни. (Summa Theologiae, Ч. II, Раздел II, Вопрос XI, статья 3: "Hæretici ex quo de hæresi convincuntur, possunt non solum excommunicari, sed et juste occidi».) Было бы очень полезно, если бы в семинариях, где авторитет святого Фомы так велик, данный текст сопровождался комментарием, напоминающим, что сегодня уважаемые священники, такие как отец Лакордер, отец Гратри, кардинал Мэннинг, а также католические издания, энергично протестовали против применения материального насилия в делах веры. Вот, например, что писали в The Catholic World (Нью-Йорк): «Мы никогда не изменим принципу религиозной свободы, который для католиков Соединённых Штатов, по крайней мере, свят и неприкосновенен. Мы отвернулись бы с неизъяснимым отвращением от человека, способного подумать, что какой-либо иной путь может быть справедливым и достойным».

Мнения, благоприятные гражданской свободе вероисповеданий, были публично провозглашены не только простыми католиками, но и выдающимися священниками, высокими церковными сановниками. Никто из них не был вынужден к отречению. Это означает, что социальная нетерпимость в вопросах веры, хотя и имеет слишком много сторонников, остаётся внутри Римской Церкви лишь частным мнением, не обязывающим к вере, и её можно свободно оспаривать. Это многое, но этого недостаточно. Необходима торжественная декларация Папы или Собора, которая бы разорвала узы с пагубным прошлым и избавила бы Церковь от всякой солидарности с вмешательством гражданской власти в религиозные дела. Было бы достаточно придать официальный вес утверждению, многократно высказываемому Отцами Церкви и современными прелатами, что Католическая Церковь должна стремиться к завоеванию душ «лишь силой убеждения и преданности». Тогда в умах воцарилось бы великое умиротворение. Конфессиональные споры, без сомнения, продолжались бы, но никто больше не мог бы требовать исключительных мер против католиков, ссылаясь на то, что свобода приведёт их к власти, а, оказавшись у власти, они лишат других свободы.

3. Когда факты известны, следует подходить к их оценке с духом справедливости и милосердия.

Речь идёт о том, чтобы, не отказываясь от собственных убеждений, избавиться от духа партийности. Дух партийности — это не просто сильная приверженность к определённому делу; его отличительной чертой является склонность применять двойные стандарты: осуждать в действиях противников то, что одобряется у своих сторонников; оправдывать в интересах своей стороны те методы, которые осуждаются, когда они служат противоположной цели. Достигнув определённой степени интенсивности, дух партийности полностью уничтожает чувство справедливости. Отсутствие справедливости, в свою очередь, естественным образом влечёт за собой отсутствие милосердия. В страстях начинают искать выгоду для своего дела, их разжигают, подогревают, и люди, отличающиеся лишь мнениями, превращаются во врагов.

Дух партийности — одно из великих бед политической жизни; это яд, который многие газеты щедро распространяют в обществе. А религиозные споры всегда ли лишены этих пороков? Предлагают ли религиозные издания в этом плане обнадеживающий контраст с политическими? Разве в прошлом — и разве сегодня — мы не видим, как дух партийности со всей своей узостью и несправедливостью свободно проявляется в спорах, с объектом которых он резко контрастирует? Религиозные вопросы по своей важности вызывают живой интерес — естественно, что они волнуют и даже страстно захватывают. Но прекращение

споров, возникающее из равнодушия к истинам духовного порядка, было бы средством хуже самого зла. Религиозные споры — это естественное явление, которое будет существовать до тех пор, пока люди не придут к единству в вопросах веры. Однако споры между христианами всегда должны проходить под девизом: «истина в любви» (см. Послание к Ефесянам 4:15). Существуют полемические произведения, отвечающие этому духу; хотелось бы, чтобы это было так для всех.

4. Индивидуальный прозелитизм следует осуществлять только в случае, если он оправдан особыми обстоятельствами.

Я не говорю здесь о всеобщем прозелитизме, возникающем в результате публичного обсуждения идей — такой полемике, которая, как я только что отметил, всегда является правом и часто может стать обязанностью, — а о прямом воздействии на отдельных людей. Христианин всегда будет чувствовать призвание поделиться с ближними верой, которую он считает сокровищем своей души. Великое дело миссий будет вызывать у него глубокую симпатию. Если в своей стране он встретит человека без веры и надежды, он постарается стать для него миссионером, и — при условии уважения к человеческой совести и деликатности — он будет действовать в рамках допустимого. Прозелитизм по отношению к другим христианам (именно его я имею в виду) может проявляться по-разному в зависимости от понимания религиозной истины.

Если кто-то считает, что всё в верованиях и культе в равной степени необходимо, если он убеждён, что вне его церкви христианская жизнь невозможна, то он будет прилагать к обращению единоверцев такие же усилия, как к обращению язычников или атеистов. Иное дело — если человек принимает различие, установленное апостолом Павлом между основанием веры, которым является Иисус Христос, и постройками, возведёнными на этом основании (см. 1 Коринфянам 3:11–15). Там, где принимается свидетельство о Христе, и оно приносит плоды, предполагается наличие фундамента. Что могут существовать и действительно существуют по-настоящему христианские души в различных церквях — отрицать это можно лишь из-за невежества или чрезмерной страстности. Может быть опасно воздействовать на определённых людей с целью оторвать их от их культа и церкви, поскольку в силу воспитания, воспоминаний детства и личных склонностей основы веры у них неотделимы от привычных религиозных форм.

В попытке оторвать их от их церкви можно поколебать сам фундамент их веры. Нападая на постройку, которую считают дефектной, можно разрушить основание. Прозелитизм, направленный на таких людей, может привести к пагубным последствиям. И не стоит утверждать, будто здесь жертвуют правами истины! Речь идёт о том, чтобы оставить в тени второстепенные истины, если их выдвижение на первый план может повредить истинам основополагающим. Католик, твёрдо приверженный своей вере, может, как это делал отец Лакордер, признать, что у англикан есть явные проявления действия Духа Божьего. Протестант, не признающий авторитет соборов и папских декретов, может распознать у католиков признаки истинного христианского благочестия. Когда дело касается нездоровых суеверий, их вредоносный характер обязывает, по возможности, искоренять их. Но зачастую достаточно отличить злоупотребление от должного использования, разъяснить истинные доктрины, на которых паразитирует суеверие.

И, во всех случаях, христианскую истину можно провозглашать, не вдаваясь в конфессиональные споры. Тем не менее, бывают обстоятельства, которые оправдывают и требуют индивидуального прозелитизма. При одних и тех же обстоятельствах разные люди испытывают разные, иногда противоположные впечатления: то, что назидает одних, может отталкивать или оставлять равнодушными других. Бывает, что человек с благочестивой душой находит в своей церкви что-то, что его ранит, или ощущает болезненные пробелы; он рискует отвернуться от христианства вовсе, потому что недоволен той формой, в которой

ему преподносят Евангелие; он не различает между основанием и той надстройкой, которая ему неприятна. В таком случае можно оказать ему истинную услугу, указав на другую церковь, на формы богослужения, которые, возможно, лучше удовлетворят его духовные потребности.

Здесь не идёт речи о том, чтобы поколебать уверенную и спокойную веру, а о том, чтобы помочь укрепить её, если она уже дала трещину. Единство культа — несомненно, идеал. Неестественно, что люди, считающие себя детьми одного Небесного Отца, искупленными одним и тем же Спасителем, разделяются в действиях поклонения, которые должны быть общими. Но в нынешнем положении вещей, из-за привычек, сложившихся в условиях разъединения, и предрассудков, связанных с этими привычками, наличие нескольких религиозных организаций приносит определённые преимущества. Разнообразие культов утратило бы свои наиболее тяжёлые недостатки, если бы разделение было лишь внешним, не мешая сохранять «единство духа в союзе мира» (Ефесянам 4:3). Когда прозелитическая деятельность признаётся допустимой, крайне важно избегать фанатизма. Фанатизм необходимо чётко отличать от силы убеждений и энтузиазма. Это разные состояния духа, которые часто путают.

Для некоторых людей всякая серьёзная вера — это уже фанатизм. Но настоящий фанатизм — это такая установка, при которой считают допустимым нарушать моральные нормы ради дела, к которому привязан человек. Один известный государственный деятель, исповедовавший принцип, что "нельзя управлять, говоря правду", однажды признался: «Если бы мы в частной жизни делали то, что позволяем себе в политике, мы были бы очень непорядочными людьми». Вот и фанатизм — пойман с поличным. То, что само по себе плохо, что безнравственно, становится допустимым, когда речь идёт о служении своей стране или партии. А если кто-то считает, что величие вовлечённых интересов оправдывает нарушение морали, то религиозный фанатизм должен был бы считаться наиболее оправданным из всех. Но как раз в этом он особенно опасен — ведь речь идёт о делах самой морали, которая является прямой целью религии. Позволять себе «благочестивую ложь» ради дела Бога Истины, уговаривать женщину перейти из одной веры в другую тайком от мужа, пытаться воздействовать на несовершеннолетних без ведома их родителей — всё это, увы, случается. И всё это имеет печальные последствия. Когда правда всплывает на свет, и вскрываются такие скрытные приёмы, это вызывает глубокое негодование, страстную враждебность, направленную не только против самих виновников, но и против всей церкви, к которой они принадлежат. Эти хитрые манипуляции наносят серьёзнейший вред тому делу, которое, казалось бы, они должны были бы продвигать.

Истинно, что бывают случаи, когда религиозное действие оказывается в противоречии с интересами семейной жизни. Если бы права истины не стояли выше наших естественных чувств, даже самых законных и самых чистых; если бы муж был властен над верованиями своей жены; если бы дети должны были всегда оставаться привязанными к вере своих родителей — мир всё ещё оставался бы языческим. Именно поэтому Иисус Христос, Князь мира, однажды сказал: «Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; Я пришёл принести не мир, но меч. Ибо Я пришёл разделить сына с отцом, дочь с матерью, невестку со свекровью, и враги человеку — домашние его. Тот, кто любит отца или мать больше, чем Меня, недостоин Меня; и кто любит сына или дочь больше, чем Меня, недостоин Меня». Эти слова торжественны и часто болезненно задевают естественные чувства наших сердец; но в них нет ничего специфического для христианской веры.

Будда мог бы сказать то же своим ученикам, а Магомет — своим последователям. Здесь даже нет ничего специфического для религиозной веры. Вырвать члена порочной семьи из-под влияния развращающего очага — это поступок, который всякий добрый человек совершит, если может. Семейные узы священны, но они перестают быть таковыми, когда

противоречат правам истины и добродетели, которые ещё более священны. Только давайте будем осторожны, чтобы не вносить смуту в семью, исповедующую Иисуса Христа, лишь потому, что мы с ней не согласны по вопросам догматики или культа, которые, какова бы ни была их важность, всё же второстепенны там, где существует живая вера в Спасителя мира.

Я не покину вопроса о прозелитизме, не воздав должную хвалу братьям Моравским, чьи установки в этом отношении вполне достойны быть образцом. Граф Цинцендорф был крайне враждебен сектантскому духу. Он не хотел основывать новую Церковь. Братья, согласно его замыслу, должны были трудиться ради объединения всех, кто, в какой бы стране и в какой бы Церкви ни находился, верует сердцем в Спасителя мира — не отрывая их при этом от их религиозной общины. Его замысел не осуществился полностью: братья стали членами особой Церкви, но они сохранили — и сохраняют до сих пор — дух своего основателя. Свободные от стремления к прозелитизму, которое побуждало бы их искать, прежде всего, и более или менее исключительно расширения своей общины, они считают, что их особая миссия и, как они выражаются, причина существования их институции — установление общения сердец между всеми христианами.

Один из их пасторов так выразился в недавнем манифесте: «Речь не идёт о единстве, основанном на согласии в доктринах, на одинаковом толковании Писания, на едином подчинении какому-либо церковному уставу, на участии в одном и том же богослужении. Слабые, несовершенные, такие узы не могут быть прочными. То, что одно лишь навсегда объединяет, — это общее стремление к Спасителю». Христианская широта, которую подтверждают эти слова, не является лишь проявлением личной мысли: она записана в официальном документе. Устав для членов Церкви братьев во франкоязычной Швейцарии содержит эти добрые слова: «Мы признаём своими братьями во Христе всех детей Божьих, в какой бы Церкви или христианской деноминации они ни находились. Мы любим их искренне, осуждая как абсолютно противный Духу Христову всякий враждебный настрой, вызванный расхождениями во мнениях по вопросам доктрины или религиозных институтов». Не может быть лучшего средства предохранения от отклонений и злоупотреблений прозелитизмом, чем чувства, выраженные в этих словах.

5. Уважать совесть людей, которые искренне и серьёзно переходят из одной Церкви в другую.

Говоря об искреннем и серьёзном переходе из одной Церкви в другую, я имею в виду случай, когда факт этот является результатом убеждения. К сожалению, приходится признать, что так бывает не всегда, и что случается изменение культа, которое не объединяет три условия, представляющиеся мне необходимыми для оправдания такого перехода. Первое условие — чтобы совершённый акт происходил из религиозных побуждений, из совести, а не из стремления к мирским интересам, на которое я уже указывал. Человек, рождённый в протестантской семье, занимающий хорошее положение в обществе и лишённый всякой веры, встревожен дыханием революции, проносящимся по обществу. Католическая церковь представляется ему самым надёжным оплотом против потрясений, которых он боится. Он становится католиком, не веря в мессу, с целью поддержать институт, который, по его мнению, способен обеспечить его состояние и положение в обществе.

Французских католиков не раз побуждали зарегистрироваться в числе протестантов, не чувствуя себя обязанными принимать то, что проповедуют пасторы, но потому что протестантизм — принцип политической свободы. Французский журналист г-н Бадер советовал недавно своим соотечественникам разорвать связь с Римом, чтобы облегчить заключение союза между Францией и Россией — союза, которому, по его мнению, католицизм мешает, и который делает весьма желательным Тройственный союз Германии, Австрии и Италии. Во всех этих случаях, и во всех аналогичных, религия рассматривается

как простое средство, служащее достижению временной цели, что является настоящим преступлением.

Второе условие — серьёзное изучение обсуждаемых вопросов, изучение, проведённое разумом, направляемым совестью и озарённое размышлением и молитвой. Изменение культа может быть искренним, не будучи серьёзным. Так бывает, если акт является простым результатом порыва воображения, необдуманного увлечения или влияния людей, к которым испытывают, быть может, вполне законную привязанность, но которая не оправдывает решение, которое должно приниматься ради Бога и под воздействием совести. Жозеф де Местр однажды написал по поводу смены культа молодым человеком, вступившим в брак, выгодный с точки зрения состояния: «Если он сделал это по убеждению — я его уважаю; если по интересу — презираю; если по любви — я его извиняю». Фраза изящна и может быть принята, если понимать, что извинять — не значит одобрять, а значит находить смягчающие обстоятельства для поступка, самого по себе порицаемого.

Третье условие содержится во втором, будучи лишь его применением. Следует понимать, что смена культа — это серьёзный акт, содержащий в себе нравственное обязательство и должен приводить к росту духовной жизни, к увеличению чистоты, смирения и любви. Если этот результат не наблюдается, всегда можно усомниться в подлинной искренности и серьёзности совершённого поступка. Если эти три условия выполнены, переход из одной Церкви в другую является выражением состояния совести, которое должно уважаться. В мире существует довольно распространённый предрассудок против всякого изменения культа. Люди безразличные не любят поступка, в котором проявляется важность религии. Этот поступок рискует потревожить их в духовном сне, вызывает у них нетерпение, а порой и раздражение. Люди, которые, живя в христианском мире, сохраняют языческое представление о национальности религий и не понимают различия между областью кесаря и областью Божией, видят в смене культа посягательство на патриотизм, что приводит их в негодование. Это чувство движет многими людьми и руководит действиями некоторых правительств.

Горе, которое испытывает семья, видя, как один из её членов от неё отделяется в практике культа, вполне естественно и совершенно законно, поскольку тем самым задевается один из самых драгоценных элементов совместной жизни. Но там, где существует подлинное уважение к совести, это горе будет смягчено другим чувством: смена культа, когда она серьёзна и искренна, всегда является актом веры; и в большинстве случаев — актом мужества. Надо научиться признавать и уважать, сквозь ошибки разума, всякий элемент подлинной добродетели. Впрочем, чем твёрже человек привержен общему основанию христианской веры, тем легче он сможет сохранять общение духа с теми, кто вошёл в иное здание, нежели то, которое укрывает нас самих. Таковы правила, соблюдение которых было бы полезным для тех, кто рассматривает единство христианского мира как идеал, подлежащий осуществлению.

Прежде чем закончить, я хотел бы указать на одну ошибку, которую мысль о единстве религиозной веры может породить в некоторых умах. Эта ошибка, которую следует рассеять или предупредить, состояла бы в том, чтобы путать единство с единообразием. Одна и та же вера может по-разному проявляться внешне; и эти различия вполне совместимы с единством. Мы имеем тому пример в религиозных орденах, которые при различных уставах все связаны с Римской Церковью. Не трудно представить себе внутри христианства, объединённого на основании веры и соединённого с центральным управлением, разнообразные формы культа, приспособленные к временам и местам. Тогда можно было бы, не нарушая единства, получить относительные преимущества, которые даёт при нынешнем положении дел разнообразие Церквей. Но такие соображения выходят за рамки, в которых я хотел бы удержать своё исследование. Кардинал де Ланс, архиепископ Турина,

просил одного немецкого графа указать ему протестантского богослова, с которым можно было бы вступить в переговоры о воссоединении Церквей.

Названный богослов опубликовал в 1772 году сочинение, которое заканчивается так: «Мы не хотим терпеть друг друга с любовью, но, напротив, хотим преследовать и осуждать друг друга до тех пор, пока не согласимся во всём: в догматах, обрядах и даже в церковной дисциплине — и это, конечно, самый надёжный способ увековечить раздор и ещё больше удалиться друг от друга. Пусть начнётся, напротив, по воле Господа нашего, взаимное терпение с любовью, признание разума и совести их неотъемлемых прав, — тогда прекратится вражда, и различные стороны постепенно сблизятся. Предоставим, следовательно, Провидению совершить наше совершенное единение посредством времени и увеличения света».

Мой вывод в точности тот же, что и у этого богослова прошлого века. Нет, повторяю, в предыдущих страницах ничего, что напоминало бы проект воссоединения различных Церквей. Момент, когда подобный проект мог бы быть с пользой сформулирован, без сомнения далёк от нас, и средства его возможной реализации полностью ускользают от моего взгляда. Это дело, явно превосходящее человеческие силы. Мы можем лишь трудиться ради сближения умов и сердец, устраняя препятствия на пути к установлению единства. Когда Иисус стоял у гробницы Лазаря, Он сказал: «Отнимите камень». Это было препятствие, которое люди могли убрать; а вот вернуть жизнь мёртвому — это было делом Христа, Того, кто возвещал вечную жизнь и должен был подтвердить своё свидетельство, победив смерть.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. О ЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ДОСТОВЕРНОСТИ СВИДЕТЕЛЬСТВ

В области психологических и моральных исследований абсолютно новые истины встречаются редко: научный прогресс чаще всего заключается в развитии идей, уже содержащихся в зародыше в прошлом, с более чётким определением их места и значения, чем это было сделано ранее. Наука о человеческом духе, по-моему, может совершить такой прогресс, если признает логическое значение свидетельства, то есть определит его роль не только в какой-либо одной области знаний, но и в общих функциях мышления. Обычно принято считать, что умственные данные человека происходят из двух источников: опыта и разума. Свидетельство — это третий источник знаний, отличающийся от двух других, но не отделённый от них. Свидетельство, которое следует чётко отличать от передачи доктрин, касается фактов, а не идей. Поэтому оно, по-видимому, относится к категории опыта; но это опыт, полученный другими, и потому он содержит элемент, отличный от наших личных восприятий.

Этот элемент — вера, которую мы придаём утверждениям наших ближних. Эта вера имеет разные степени — от простой вероятности до уверенности, равной достоверности чувственного восприятия или данных разума. Предпринимались попытки отрицать специфический характер свидетельства, то есть свести его значимость к одной из индивидуальных операций мышления. Руссо, например, писал: «Другой человек может ошибаться так же, как и я; когда я верю в то, что он говорит, это не потому, что он это говорит, а потому что он это доказывает. Свидетельство других людей, в конечном счете, — это просто свидетельство моего собственного разума». Такое утверждение — одна из самых грубых ошибок автора, который совершал их немало. Оно действительно в области чисто рациональных наук, поскольку разум общ для всех, и его элементы доступны каждому. Мы не принимаем геометрическую теорему на веру потому, что её произносит преподаватель, а

потому, что он её доказывает. Ошибка (и серьёзная) состоит в том, чтобы обобщать это утверждение, распространяя его с рациональных истин на фактические.

Разум Руссо, например, никогда не открыл бы ему существование Америки или смерть Сократа. Возьмём более близкий пример. Люди, которым я полностью доверяю и которые не имеют причины меня обманывать, говорят мне, что только что видели пожар. Согласно их рассказу, этот пожар произошёл в месте, где я бы не счёл его вероятным. Тем не менее, я считаю факт достоверным исключительно потому, что мне об этом сказали, — потому что об этом сообщили достойные доверия свидетели. Опыт и рассуждение участвуют в оценке достоверности свидетелей, но как только эта достоверность признана — происходит непосредственный переход от доверия к свидетелю к принятию утверждаемого факта. Какова природа этого перехода? Поль Жане пытался свести его к индукции. Рабье писал: «Вера в свидетельство объясняется и одновременно оправдывается принципом достаточного основания. Действительно, только три причины можно приписать свидетельству: злой умысел, иллюзия или реальность заявленного факта.

В той мере, в какой первые две гипотезы считаются маловероятными, принцип достаточного основания обосновывает вероятность третьей». Я не обсуждаю ценность этих объяснений, но, в любом случае, это может быть только анализом явления, которое в начале человеческой жизни носит инстинктивный характер. Эти философы, вероятно, и сами бы с этим согласились. Они проводят логический анализ, но утверждать, что историческое происхождение веры в свидетельство кроется в размышлении и сознательной индукции, было бы такой же ошибкой, как сказать, что ребёнок берёт грудь матери, потому что знает, что ему нужна пища. Рид очень метко говорит по этому поводу: «Если бы доверчивость была результатом рассуждения и опыта, то она, несомненно, увеличивалась бы и усиливалась вместе с разумом и возрастом. Если же, напротив, это дар природы, то он должен проявляться в полной мере у детей и ограничиваться с возрастом с помощью опыта. И достаточно самого поверхностного взгляда, чтобы убедиться, что верна вторая, а не первая из этих гипотез».

Впрочем, независимо от того, каково происхождение веры в свидетельство, остаётся установленным, что эта вера — источник знаний, не сводимый ни к личному опыту, ни к индивидуальному разуму. Ни один здравомыслящий человек не станет защищать парадокс Руссо. Люди, посвятившие себя изучению математики, склонны признавать достоверными только доказуемые истины. Интересно видеть, как математики первостепенного уровня опровергают такую тенденцию. Эйлер, рассматривая основы наших знаний, выделяет три класса истин: Первая категория — результат чувственного восприятия. Доказательство истин этой категории формулируется так: «Это правда, потому что я это видел или потому что я в этом убеждён своими чувствами». Вторая — рациональные истины. Их доказательство таково: «Это правда, потому что я могу доказать это правильным рассуждением или законными силлогизмами». Третья — истины, основанные на свидетельстве, и их доказательство формулируется так: «Это правда, потому что один или несколько заслуживающих доверия людей это подтвердили». После развития этих положений с примерами, Эйлер приходит к выводу: «Доказательства этих трёх классов истин различны, но если каждое из них надёжно в своём роде, они должны одинаково нас убеждать».

Затем он настаивает на грубой ошибке, заключающейся в требовании доказательств одного класса истин средствами, подходящими только для других. В нашем столетии не было математиков с более гениальным умом, чем Коши, и он выражал похожие мысли: «Глубокая ошибка — думать, что уверенность можно найти только в геометрических доказательствах или чувственном восприятии. Хотя никто до сих пор не пытался аналитически доказать

существование Августа или Людовика XIV, любой здравомыслящий человек согласится, что их существование столь же достоверно, как и квадрат гипотенузы».

Свидетельство — это источник знаний, не сводимый ни к какому другому. Установить его значимость — легко. Как сказал святой Августин: «Сколь многому мы верим, не видя этого». Очевидно, что в истории только свидетельство составляет материал науки, поскольку прошлое полностью ускользает от прямого наблюдения. Но что замечено реже, так это то, что даже собственные восприятия приобретают смысл только благодаря идеям, заимствованным из свидетельств других.

Однажды в Париже я видел, как по набережной возле Тюильри проехал император Наполеон III в кабриолете, который он вёл сам. Это — факт, воспринятый мной лично. Но если свести его к персональным восприятиям, не опираясь на знания, полученные от других, то, что останется? — Я видел большое здание. Как я знал, что оно называется Тюильри и является резиденцией французского монарха? — По свидетельству других. — Я видел человека. Как я знал, что его зовут Наполеон III и что он император Франции? — По свидетельству. Если свести факт только к моим личным ощущениям, остаётся: «Я видел возле большого здания человека, управляющего кабриолетом — не более того». То есть даже непосредственно наблюдаемые факты получают своё значение только через идеи, основанные на свидетельствах других.

Свидетельство — единственная основа исторических наук. Это абсолютно очевидно, поскольку прошлое нельзя наблюдать напрямую. Археологические находки важны, но только как подтверждение или уточнение традиционных рассказов. Без них — это всего лишь бессмысленные догадки. Даже география, несмотря на возможность личной проверки, в основном опирается на свидетельства. Мы не можем присутствовать при битве при Саламине, но можем поехать в Афины. Однако, всё, что мы знаем о планете — это лишь следствие веры в рассказы других. То же самое можно сказать и о естественных науках. В области физики, где речь идёт о наблюдаемых везде явлениях, значение свидетельства кажется меньшим. Но что, если бы физик отвергал все результаты работ своих предшественников и коллег, как предлагал Декарт? Это означало бы, что он не только должен вновь провести все опыты, но и сам их придумать. Это не только крайне редко, но и привело бы к застою науки.

Стоит помнить, что свидетельство здесь не касается законов и теорий (которые могут быть авторитарными), а лишь утверждений о фактах — наблюдениях и опытах, проведённых компетентными людьми. Такие рассуждения не новы. Только благодаря доверияm к результатам своих предшественников, учёные могут воплотить мысль Паскаля о том, что «череда поколений учёных — это один и тот же человек, постоянно обучающийся». Никто не оспаривает утверждение Поля Жане: «Свидетельство — это один из важнейших способов получения знаний, необходимым образом дополняющий личное знание... Индивидуальная наука была бы крайне ограниченной и почти бесплодной, если бы не обогащалась свидетельством других людей». Но вот что, как мне кажется, до сих пор недостаточно подмечено: Свидетельство не просто дополняет опыт и разум, а почти всегда входит в них как необходимый элемент.

Наблюдение с помощью чувств — основа естественных наук. Но чувства подвержены ошибкам. Осторожный наблюдатель нередко просит другого подтвердить свои ощущения. Он хочет знать, что его восприятие объективно, а не просто субъективно, ведь тогда оно подлежит сомнению. Иногда ошибки восприятия связаны с физическими или психическими нарушениями — например, галлюцинациями. Их можно исправить, используя другие органы чувств — например, прикосновение может опровергнуть зрительное заблуждение. Но это не всегда возможно. Как тогда исправить ошибку, если нет способа проверить её самому? —

Только с помощью доверия к свидетельству других. Профессор Пьер Прево, находясь на смертном одре, испытывал зрительные галлюцинации. Он видел на стенах своей комнаты афиши развлекательных представлений, которые посещал в молодости. Он упрекнул своих детей за то, что они разместили подобные вещи в столь серьёзный момент. Дети заверили его, что никаких афиш нет и это игры его воображения. Он им поверил, хотя продолжал видеть эти изображения. Очевидно, что только через акт доверия он смог преодолеть зрительную ошибку.

Галлюцинация имеет два очень разных уровня. Она может сосуществовать с сохранённым разумом; в таком случае больной может, если и не разрушить ложные восприятия, то, по крайней мере, осознавать, что они ложны. Он это знает — и в большинстве случаев может знать это только благодаря доверию к свидетельству других. Если это доверие исчезает, галлюцинация переходит на второй уровень, когда её уже невозможно скорректировать. Больной становится безумным или, по крайней мере, подвержен временному бреду. Почему? Потому что функции его разума нарушены утратой доверия, являющегося одним из их основных элементов. Одна женщина, страдающая галлюцинациями, сказала своему врачу: «Как мы познаём объекты? Потому что видим и трогаем их. А я вижу, слышу и трогаю демонов, находящихся вне меня, и совершенно ясно ощущаю тех, что внутри меня. Почему вы хотите, чтобы я отвергла свидетельства своих чувств, если все люди считают их единственным источником знания?» Что можно ответить этой женщине? Её разум будет болен и подчинён этим болезненным галлюцинациям до тех пор, пока она не признает, что свидетельства других должны корректировать ошибки её собственных чувств. Возвращение доверия к свидетельству других будет первым симптомом её выздоровления.

Вывод относительно опыта таков: личные восприятия являются надёжным источником знания только тогда, когда они совпадают с общими восприятиями. Именно поэтому нельзя отрицать значимость этой мысли, которую Платон приписывает Сократу: «Когда кто-то делает открытие в одиночку, он тут же ищет, кому бы он мог его сообщить, чтобы подтвердить свою правоту вместе с другим человеком». (Протагор, стр. 95, изд. Кузена) Сначала может показаться, что свидетельство совершенно не участвует в установлении истин чисто рационального порядка. Разве математическая аксиома или геометрическое доказательство не являются истинами, источник которых исключительно внутренний, в отличие от всех идей, передаваемых извне? Это, безусловно, так; но стоит изучить вопрос внимательнее, чтобы понять его природу и значимость. Психическая осознанность раскрывает нам не только индивидуальную мысль, но и правило, от которого она может отклоняться — и которое и есть разум.

Разум имеет безличный характер в противоположность сфере ощущений и чувств. Из того, что мне жарко или холодно, что я печален или весел, я не делаю выводов для других; я не навязываю им свои формы чувствительности. Но когда я утверждаю рациональную истину, я утверждаю её как необходимую — в противоположность всем идеям, которым я придаю характер случайности. Что означает эта необходимость? Я признаю, что рациональные истины необходимы для человеческого разума, то есть они являются правилом мышления других так же, как и моего. Когда я замечаю, что допустил логическую ошибку, внутренняя наблюдательность показывает мне как мою личную мысль, так и общее правило допустимого мышления, от которого я отклонился. Поэтому вера в согласие всех умов неотделима от рационального очевидного. Когда речь идёт о первых принципах интеллекта, об истинных аксиомах, они воздействуют на меня с такой силой, что я не могу усомниться в них. Но как только я начинаю рассуждать, я, если не ослеплён гордыней, допускаю возможность ошибки в цепочке своих мыслей.

Осторожный физик проверяет свои эксперименты, чтобы убедиться, что не стал жертвой иллюзий чувств; осторожный геометр, считающий, что сделал открытие, передаёт его на

оценку коллегам, чтобы убедиться, что его личная мысль не отклонилась от безличных законов разума. Он прибегает к свидетельству, не для установления самой истины, а чтобы удостовериться, что другие рассуждают так же, как он. Математик, настаивающий на своей правоте вопреки мнению многочисленных и компетентных коллег, утверждающих, что его расчёты ошибочны, выпадает из сообщества разумов — он страдает рациональной галлюцинацией. Существуют ли галлюцинации такого рода? Более точно: может ли душевнобольной математик допустить простейшие ошибки в счёте, которые невозможно заставить его признать? У меня нет необходимых данных, чтобы ответить, но вопрос заслуживает изучения. Таким образом, свидетельство участвует и в сфере рациональных истин, но важно не забывать одно различие. Для фактов, которые невозможно установить напрямую и лично, свидетельство — первоисточник знания. Для рациональных истин и чувственного восприятия свидетельство служит лишь средством подтверждения, чтобы удостовериться в ценности непосредственного акта познания.

Учитель — внутренний, как говорит Фенелон, и когда речь идёт о первых принципах, никакое внешнее влияние не может превзойти его учение. «Если бы кто-то сказал нам, что часть равна целому, в которое она входит, мы бы не смогли не засмеяться, и он стал бы объектом насмешек, а не убеждения». (Трактат о существовании Бога, ч. I, гл. II) Учитель внутренний, но поскольку он говорит ко всем (это постулат рациональной очевидности), мы должны знать, что думают другие, чтобы понять, действительно ли мы услышали его голос, или же приняли за голос разума свои личные заблуждения. Повторяю: учёный, настаивающий на корректности геометрического доказательства, признанного всеми его коллегами ложным, выпадает из сообщества разумов. Что затемняет понимание этой истины, так это путаница между принципами разума и теориями. Как только мы выходим из сферы разума и вступаем в область теорий о фактах, считать общее согласие признаком истины — значит не понимать условий человеческого мышления и забывать его историю.

Когда Коперник сделал своё открытие, он один был прав против всех своих современников. Но относительное движение Земли и Солнца — это объясняющая гипотеза, а не рациональная данность. То же самое относится ко всем законам экспериментальных наук, а также к общепринятым мнениям в области нравов и законов. Разве не считались истиной, общепринятой и несомненной, необходимость рабства и пыток? Характер новой истины (а именно новые истины — основа любого прогресса) заключается в разрыве с общими мнениями. Эта путаница привела к тому, что часто упускается доля истины, содержащаяся в идеях Ламенне. В «Опыте о безразличии в вопросах религии» видят, прежде всего, попытку заставить разум отречься перед авторитетом традиционных догматов. Таков был взгляд самого автора на своё произведение. Но в его общей мысли есть утверждение, которое можно отделить от всех последствий, которые он к нему привязывает с помощью цепи, чьи звенья не соединяются. Вот это утверждение: Индивидуальный разум находит своё подтверждение в согласии с общим разумом.

Вот как Ламенне пытался предотвратить неправильное понимание своей мысли (в чём он сам, впрочем, отчасти виноват): «Некоторые добросовестные, но невнимательные люди, возможно, упрекнут нас в подрыве человеческого разума, потому что мы показываем, что индивидуальный разум, разум человека в одиночестве, может привести лишь к глубокому и всеобщему сомнению, поскольку он не может сам себя доказать. Те, кто сделает нам такой упрёк, плохо нас поняли. Если мы настаиваем на слабости частного разума, то лишь для того, чтобы утвердить разум общий, доказав, что первичные истины, его основание, обладают бесконечной достоверностью, а производные из них истины также достоверны. Следовательно, индивидуальный разум с этого момента имеет надёжное правило для оценки собственных мыслей и отклоняется от него только под действием гордыни, заставляющей его пренебрегать или нарушать это правило. Таким образом, мы не

разрушаем разум, а наоборот, утверждаем его на незыблемом основании». (Опыт о безразличии в вопросах религии, предисловие ко II тому, стр. 101, 8-е изд.)

Разум не может доказать сам себя, поскольку он — инструмент всякого доказательства. Доказательство рациональной истины — это её внутренняя очевидность. Но, повторим, очевидность предполагает всеобщее признание со стороны разумов. Поэтому это признание, хотя и не является источником истины (которая — внутренняя и личная), служит её подтверждением. Представим себе человека, обнаружившего, что внутренний учитель говорит другим не то, что ему. С Ламенне можно сказать: «Его изумлённый разум остановится в молчании перед разумом других, как мы остановились бы, полные удивления и сомнения, перед зеркалами, которые, находясь напротив одного и того же объекта, отражают совершенно разные изображения». (стр. 147 того же издания) Таким образом, в «Опыте о безразличии» есть доля истины, омрачённая всей остальной книгой, которую Лакордер выразил так, написав своему другу Фуассе 19 июля 1830 года: «Наивысшая возможная достоверность для частного разума — это его соответствие с универсальным разумом». (Письма отца Лакордера к Теофилю Фуассе, т. I, стр. 192)

Свидетельство устанавливает солидарность человеческих разумов. Основанием этой солидарности является доверие к словам других; поэтому презрение ко лжи — это чувство, которое нужно всячески развивать, ибо оно — залог общества разумов. Логические трактаты указывают на свидетельство как на необходимое дополнение к нашим личным знаниям; этого недостаточно. Нужно показать, что оно участвует во всех способах познания. Нужно доказать, что оно необходимо, чтобы либо придавать смысл личным восприятиям, либо подтверждать их ценность и обоснованность наших рассуждений. Следовательно, его следует указывать наравне с личным опытом и разумом как источник знания, не забывая, что опыт и разум также нужны, чтобы оценивать достоверность свидетельств. Человек не более изолирован в своей интеллектуальной жизни, чем в физиологической или нравственной. Из этих соображений можно сделать педагогические выводы.

Одна из важнейших целей образования — формирование интеллектуальной индивидуальности, то есть развитие у ребёнка, который сначала живёт только мыслями других, принятыми без размышлений, собственного мышления как результата личного труда. Но если индивидуальность, которая порождает исследование, — условие серьёзного мышления, то индивидуализм, то есть изоляция личного мышления, противоречит человеческой природе. Не будем путать индивидуализм, являющийся препятствием и отрицанием всякого общества, и индивидуальность, которой общество обязано всей своей живостью, жизнью и реальностью. (Александр Вине, Исследования о Паскале, стр. 102)

Однако в сфере образования часто эти две идеи путают. Молодёжи предлагают в качестве идеала состояние ума, которое принимало бы только те утверждения, которые были бы подтверждены личным опытом или логическим выводом. Это не прямая форма обучения, в которой недостаток очевиден, а скорее тенденция применять к сфере знания популярную поговорку: «Надейся только на себя», которую Лафонтен рекомендует для управления делами повседневной жизни. (Басня XXII из книги IV) Так же как эгоизм сердца разрушает общество моральное, индивидуализм мысли разрушает общество разумов. Реализовать его невозможно, но само заблуждение по этому поводу приносит вред. Оно порождает презрение к общим убеждениям, которые отвергаются без анализа. Человек считает свою мысль независимой лишь потому, что она расходится с общей. А на деле эта «независимость» часто лишь слепое подчинение незаметным влияниям. Считать всеобщее согласие знаком истинности доктрин — грубая ошибка.

Некоторые умы впадают в противоположную и столь же серьёзную ошибку, считая, что общее согласие — это признак ложности идеи. Когда мы осознаём, насколько мала доля

действительно личных знаний в общем объёме знания, когда мы видим роль и значение свидетельства, мы понимаем, что нормальное развитие интеллекта заключается, без сомнения, в том, чтобы придать мышлению личный характер. Но этот характер далёк от изоляции, потому что одно из важнейших применений личного разума — умение правильно располагать своё доверие.

II. ИССЛЕДОВАНИЕ О «ЖИЗНИ ИИСУСА» ГОСПОДИНА РЕНАНА

В 1864 году я читал серию публичных лекций по теме существования Бога. Тогда только что вышла в свет книга «Жизнь Иисуса» господина Ренана. Мои слушатели попросили меня рассказать им об этом произведении, которое благодаря затронутой теме, смелости мысли, таланту и репутации автора сразу приобрело широкую известность. Я согласился выполнить это пожелание, предупредив, что ограничусь рассмотрением книги исключительно с точки зрения её философских основ. Это исследование не входило в программу моего курса, носило случайный характер и не было включено в том, куда вошли мои речи 1864 года. «Небесный Отец», семь речей, Женева, издательство Шербюлье. Опубликовано только в периодическом издании «Евангельский христианин», Лозанна, апрель 1864 г. Не издавалось отдельно и не поступало в торговлю. Были выпущены переводы на итальянский и голландский языки, а греческий перевод был приложен к переводу моих речей о вечной жизни.

Изначально я не намеревался публиковать это исследование повторно; однако события, связанные со смертью и похоронами господина Ренана, заставили меня изменить своё решение. Если информация, опубликованная в газетах, верна, тогдашний министр народного просвещения Франции господин Буржуа восхвалял мораль, содержащуюся в трудах Ренана. Видимо, он забыл, что этот писатель — при всём том, что в его сочинениях можно найти хорошие мысли, изложенные превосходным стилем — публично заявил, что пришёл к убеждению в пустоте всех добродетелей. См. «Воспоминания детства и юности», стр. 359. Одна швейцарская религиозная газета на немецком языке — Religiöses Volksblatt — после того, как назвала «Жизнь Иисуса» произведением, «страницы которого написаны благородным сердцем в святом восторге», добавила: «Как было бы хорошо, если бы среди нас было больше таких, как Ренан, кто с мужеством своей позиции и порывом своей речи сумели бы, среди шума современности, возвысить свой голос во славу святейшего из сынов человеческих». См. «Религиозная неделя», Женева, 14 января 1893. В статье газеты Journal des Débats.

Номер от 3 октября 1892, написанной от имени редакции, господин Гастон Дешан выразил намерение защищать память и доктрину Эрнеста Ренана «от нетерпимости фанатиков и глупых пародий фарисеев». Эти три случая, а также множество других аналогичных, привлекли моё внимание. Некоторые из моих читателей, возможно, проявят интерес к изложению точки зрения, которая абсолютно противоположна: восхвалению морали Ренана из официальных уст, одобрению его религиозных тенденций, выраженному церковным авторитетом, и апологии его доктрины, опубликованной в одном из самых уважаемых органов французской прессы. Те, кто потрудится прочесть мои рассуждения, — я надеюсь — признают, что моя работа представляет собой серьёзное исследование, лишённое признаков глупой пародии, и что можно без фанатизма решительно отвергнуть доктрины писателя, для которого ложь — один из существенных и допустимых элементов развития человечества. Вот мой доклад, который я пересмотрел и сократил.

ГОСПОДА, Я пришёл, чтобы поговорить с вами об известном писателе и ныне знаменитой книге. Я сделаю это, не выходя за рамки общей темы моего курса. Мы не будем касаться догматических аспектов христианства; мы не станем с точки зрения критики и истории

оценивать, правильно ли господин Ренан интерпретирует тексты, удачно ли сопоставляет их, делает ли приемлемые выводы. Моя единственная цель — выяснить, какая идея Бога содержится в последнем произведении этого автора. В своеобразном предисловии Ренан намекает, что действительно религиозные души со временем полюбят его книгу. Моё мнение иное. Я думаю, что благочестивые люди, которым понравилось бы это чтение, продемонстрировали бы тем самым либо поверхностность внимания, либо недостаток интеллекта.

Это произведение, по-моему, — нерелигиозное в самом глубоком и всеобъемлющем смысле этого слова, если сохранить за понятием «религия» то значение, которое оно имеет практически повсеместно. Отрицание Бога лежит в его основании и увенчивает его суть. Оно скрыто в принципах, явно вытекает из последствий и по пути разрушает фундаментальные основы морали. Таковы мои тезисы. Они, бесспорно, абсолютны. Я признаю, что они могут показаться вам, по меньшей мере, парадоксальными. Сформулированные с самого начала, они уберегут вас от неожиданностей. Если моя мысль покажется вам дерзкой — вы будете следить за моими аргументами с ещё большей строгостью; вы не удовлетворитесь посредственными доводами — и именно в таком настроении я бы хотел видеть вас.

Мы откроем книгу господина Ренана — не для того, чтобы вырвать из неё несколько фраз и воскликнуть с притворной набожностью: «Скандал!» Мы изучим произведение в его фундаментальных аспектах, рассмотрим его со всех сторон, насколько возможно объективно, чтобы понять его философскую суть и общую направленность. Если мне удастся, я сделаю больше, чем просто разберу одну книгу — я укажу вам на общий и важный феномен, насквозь пронизывающий современную философскую литературу. Я утверждаю сначала, что отрицание Бога — то есть бесконечного Духа, причины Вселенной — скрыто в исходных посылках книги и господствует над ними. Чтобы это признать, нужно понять, какие посылки берёт Ренан и как он их использует. Четыре основных утверждения составляют основу его доктрины:

1) Прогресс — это закон Вселенной.
Эта идея подробно изложена в его недавней статье в Revue des Deux Mondes 15 октября 1863, которая напрямую связана с Жизнью Иисуса и служит как бы её приложением или послесловием. В этой статье время названо "всеобщим фактором и великим коэффициентом вечного становления" (2, стр. 762). Смысл в том, что время само по себе ведёт к развитию Вселенной, проявляя присущий вещам прогресс, без необходимости в какой-либо отдельной причине вне совокупности явлений. Мир, по мнению Ренана, живёт по закону прогресса уже миллиарды веков, и через миллиарды веков, подчиняясь этому закону, Вселенная будет столь же отличаться от нынешней, как нынешняя отличается от той, где не было ни Земли, ни Солнца (3, стр. 771).

Цель этого прогресса — сознание, характер духовных существ. «Прогресс в сторону сознания — самый общий закон мира» (4, стр. 773). Сознание есть везде, но в разной степени: больше в растении, чем в камне; больше в животном, чем в растении; больше в умном человеке, чем в глупце. Автор твёрдо верит в универсальность этой идеи и питает на её основе большие надежды на будущее. Люди, например, в будущем смогут выйти за пределы своей планеты (стр. 772).

2) Иисус из Назарета — исключение из закона прогресса, причём именно в сфере сознания.
Он — величайшая вершина человеческой духовности (стр. 449). У него была самая высокая осознанность Бога, которая когда-либо существовала в человечестве (стр. 75). Он — создатель «вечной религии человечества» (стр. 332). Это не просто риторические обороты. Вот, например: «Он создал небеса чистых душ, где обретается то, чего напрасно ищут на

земле — совершенное благородство детей Божьих, абсолютная чистота, полное отсутствие мирской скверны… Он первым провозгласил царство духа; первым сказал, по крайней мере, через дела: Моё Царство — не от мира сего… Основание истинной религии — его заслуга» (стр. 445). Эти утверждения столь многочисленны, что даже профессор Аве из Коллеж де Франс забеспокоился и воскликнул: «Осторожно! Вы заходите слишком далеко! Если ваши друзья не вмешаются, вас, возможно, однажды начнут цитировать священники в своих проповедях — и это будет явно против ваших намерений». См. «Иисус в истории», Э. Аве, стр. 11.

Кульминацией книги является её заключение: «Какими бы ни были неожиданные явления будущего, Иисус не будет превзойдён… Все века будут провозглашать, что среди сынов человеческих не родился ни один больший, чем Иисус» (стр. 459). Разумеется, воспринимать это буквально — значит придавать словам силу веры, а не пророчества, на которое автор не претендует. Это либо уступка общественному мнению, либо риторическое завершение, либо остаток прежних верований, как мачта от затонувшего корабля. Я придаю фразе разумное значение: в сфере религии Иисус не был превзойдён.

3) Появление Иисуса было подготовлено предшествующим развитием мира.
Оно стало возможным через общий прогресс человечества, а также благодаря особым историческим условиям Израиля: «Огромная мечта преследовала еврейский народ веками» (стр. 49), «Палестина была окутана раскалённой атмосферой» (стр. 55), «Мессианство будоражило все умы» (стр. 63).

4) Иисус остаётся источником всех религиозных прогрессов после своего появления. Его эпоха — «одна из тех созидательных эпох, что определили судьбу человечества» (стр. 44), «Он остаётся неисчерпаемым источником нравственных возрождений» (стр. 451), «Он навсегда закрепил идею чистого культа» (стр. 446), «Совершенствование христианства заключается в возвращении к Иисусу» (стр. 455). Таким образом, религиозный идеал — в прошлом.

Таковы фактические данные, которые автор принимает — или, скорее, провозглашает — и которые он сделал отправной точкой своей работы. Это, по его мнению, результат абсолютно беспристрастной критики документов Нового Завета и серьезного изучения истории.

Вкратце: во вселенной существует основной закон — прогресс. Этот закон признаёт одно яркое исключение: Иисуса из Назарета. Закон и исключение согласуются в том смысле, что Иисус — результат прогресса до него и источник прогресса после него. Таким образом, в религиозной сфере можно наблюдать различные элементы: закон, исключение и их согласие между собой. Таковы факты, принятые за основу дискуссии (если позволите так выразиться), таковы данные, признанные как господином Ренаном, так и его оппонентами. Эти факты признаны — но как их объяснить?

Закон есть выражение способа действия причины. Следовательно, каждый закон предполагает разум, который его мыслит, и силу, которая его реализует. Маловероятно, что когда-нибудь удастся опровергнуть эти старые аксиомы философского здравого смысла. Но перед лицом простого закона разум легко склонен к путанице: он принимает закон за причину и, наблюдая равномерное и непрерывное развитие, легко довольствуется мыслью, что вещи такие, какими они являются, и что сам закон — достаточное объяснение явлений, которые он выражает. Напротив, в случае, когда различные элементы находятся в гармонии, разум ясно побуждается — самим стремлением к единству, которое лежит в его основе — искать выше этих элементов единый принцип, который их согласует. Это мысль Пифагора, и, хотя она стара, она сегодня не менее актуальна, чем прежде.

Если, следовательно, прогресс — это закон мира, Иисус — исключение, и связь между исключением и законом очевидна, разум сам собой устремляется к поиску высшего принципа, причины этой гармонии в многообразии. Это лишь применение к частному случаю универсального метода. Всякий раз, когда философия констатирует или предполагает по-настоящему различные элементы — то есть такие, которые не могут быть превращены друг в друга и не являются результатом смешения, — она восходит к идее первой причины. Только атеизм и дуализм отрицают ценность такого хода мысли.

Объяснение, к которому мы приходим с точки зрения серьезного теизма, довольно просто: Бог ведет человечество разными путями, но всегда в согласии с Его высшим замыслом. Иногда Он заставляет общества развиваться медленно, и великие результаты постепенно вытекают из незаметной работы человеческой массы. Иногда Он вызывает к жизни предуготовленные умы и окружает их сиянием, которое должно озарить их собратьев. Он одинаково распоряжается этими двумя средствами, потому что Он — суверенен. И, перелистывая летописи истории, мы можем узнать и восхищаться чудесным Провидением, которое все согласует и направляет к Своим целям. Мы видим, как общее движение умов готовит, не будучи в состоянии произвести, внезапный блеск, озаряющий некоторых, и как свет гения распространяется на всех и вызывает новое общее движение.

Чтобы найти в этих воззрениях объяснение делу Иисуса Христа, вовсе не нужно затрагивать тайны веры христиан — догмат о божестве Сына Божьего и сверхъестественные проявления, сопровождавшие его пришествие. Достаточно серьезного теизма; достаточно принять мысли Савойского Викария. Бог всемогущ. Актом Своей воли Он сделал сына Марии, в сфере религии, световым столпом, всегда ведущим человечество вперед. Законы и исключения, установленные нашей наукой, одинаково воплощают в высшем единстве замыслы Бесконечного Существа, чья воля — причина всего сущего, а мудрость — закон всех законов.

Поднимает ли г-н Ренан это объяснение? Нет. Удостаивает ли он его обсуждением? Нет. Почему? Потому что, по его мнению, божественная воля ничего не объясняет, потому что у него нет Бога. Г-н Ренан часто говорит с любовью и с волнением о том, что он называет «божественным». Будучи поклонником красоты, воспитанным на великих произведениях искусства и поэзии, он признаёт в человеке возвышенные инстинкты, благородные стремления, создающие для него идеальный мир, намного превосходящий мир чувств, интересов и житейской пошлости. Этот мир, в котором душа живёт и мечтает в свои часы возвышенности — это и есть «божественное».

Но поиск божественного — это лишь отношение человека к самому себе, уединение души в святилище, где она остаётся наедине с собой, ибо выше человечества ничего не существует. Идея бесконечного, реального, могущественного и свободного Духа — это суеверная ошибка. Такова основополагающая доктрина автора. Мы находим её следы в «Жизни Иисуса». Лукреций, искусный певец древнего атеизма, там назван истинным толкователем «общего порядка природы»; вера в то, что ход вещей есть результат свободных актов воли божества, по словам автора, ставит верующих «в неловкое положение перед физиком и химиком». Но не в «Жизни Иисуса» можно найти полное изложение богословия автора. Он действительно даёт некую теорию Бога на двух страницах, но эти страницы покрыты глубокой тьмой. Тот факт, что святой Павел, Платон и Сакьямуни представлены как представители одной и той же теологической концепции, не помогает прояснению.

Поэтому следует искать фундаментальные воззрения Ренана в других местах — в многочисленных и ясных отрывках его других трудов, где он делает Бога категорией идеального, то есть простой мыслью разума, суммой наших сверхчувственных

потребностей; где он утверждает, что человечество поклоняется и должно поклоняться своему собственному образу; где он формально отрицает существование бесконечного как такового и, наконец, где он заявляет, что природа не раскрывает никакого заранее начертанного плана. Г-н Ренан не верит в Бога в том смысле, который человечество вкладывает в это слово: он не верит, что над природой и человечеством существует реальное, бесконечное Существо — причина вселенной. По этому вопросу серьёзные и внимательные читатели его книг не могут питать никаких сомнений. Наша цель — показать, что это отрицание Бога является единственным ключом к книге, которую мы изучаем, что оно, как я уже сказал, скрыто в её основополагающих принципах.

Если вселенная подчиняется закону, не имеющему высшей причины, если прогресс — высший закон мироздания, то становится совершенно очевидным, что утверждение «Иисус не был превзойдён» представляет собой абсолютное противоречие. Это противоречие, на первый взгляд, кажется сутью «Жизни Иисуса» и, поскольку оно проявляется в множестве деталей, делает чтение книги вредным для невнимательного ума: оно водит разум по лабиринту противоречивых утверждений и в итоге ошеломляет его, не давая сформировать никакой твёрдой и цельной мысли. Более серьёзное изучение изменяет это первое впечатление. Противоречие полно в форме, но менее или вовсе отсутствует по сути. Высокое достоинство Иисуса и его исключительность присутствуют в букве книги; дух же книги стремится привести читателя к пониманию того, что, в конце концов, Иисус был человеком нашего масштаба, что его необычайное дело было, по сути, результатом благоприятных обстоятельств. Ореол, сияющий над его челом во многих восхищённых фразах, не насмешка — но он фантастичен. Если приглядеться, он гаснет, как только исчезает ослепление словами.

Таков секрет книги, подлинный смысл кажущегося противоречия. Почему так? Почему автор отказывается от всего, что утверждал? Потому что, если всё укладывается в единый закон, если провозглашённое исключение на деле уничтожается, то легкомысленные умы легко остановятся на мысли о природе вещей, развивающейся сама по себе. Тогда Бог уже не нужен для объяснения всеобщей гармонии. Таков тот поток атеизма, который пронизывает книгу и один только объясняет её общий характер. Утверждение это серьёзное — позвольте мне задержаться немного, чтобы основательно доказать его с опорой на убедительные доказательства. Необходимо показать, что содержание книги Ренана разрушает исключительное положение, которое в стольких местах предоставляется Иисусу. Это фактическая база, на которой строится моё рассуждение. Перелистаем том и посмотрим, что остаётся от утверждения, будто Иисус не был превзойдён.

Что касается учения о связи Бога с миром (основы всех религиозных представлений), Иисуса превзошли Лукреций, греческие школы в целом, и, само собой, современная наука. Основы философии остались неизвестны галилейскому отроку, который, не зная о достижениях других, ещё верил, что мир есть результат свободных божественных актов воли. Марк Аврелий не только избежал некоторых ошибок, которых не избежал Иисус, — он обладал для нас более приятными добродетелями, чем сын Марии. Спиноза превзошёл Иисуса в смирении, ибо жил в добровольной безвестности, тогда как Иисус «любил почести» и не терпел, чтобы кто-либо стоял выше него. Он не был лишён «той крайней личной обидчивости, что вообще свойственна женщинам» и утверждал самого себя до степени, которая «становится утомительной».

Наконец, современные критики, несомненно, превзошли Иисуса в нравственности. «Своей крайней щепетильностью в выборе средств убеждения, нашей абсолютной искренностью и бескорыстной любовью к чистой идее, мы, все мы, посвятившие жизнь науке, основали новый идеал нравственности». Писатели нашей эпохи, принадлежащие к «по-настоящему серьёзной расе», не позволили бы себе малейшего искажения истины ради служения

своему делу, тогда как Иисус, не зная этих тонкостей, смело лгал, чтобы достичь своей цели. Это ему следует простить, ведь он был сыном Востока, а у восточных народов, «не приученных к тонкостям критического духа», границы между ложью и правдой всегда неясны. Требовать от Иисуса из Назарета той степени добродетели, которой достигают современные люди, — значит совершать историческую ошибку. Ни один человек не может абсолютно превзойти свою эпоху, и «великое откровение долга — это дело нашей расы и нашего климата». Не будем несправедливы без нужды; не будем требовать от галилеянина чувств, для которых потребовалась бы более благородная кровь, чем у сынов Сима, более благоприятный климат, чем в Палестине, и, особенно, более долгое действие времени — этого универсального фактора.

Итак, Иисус был превзойден в своем учении о Боге; он был превзойден и в своей моральной ценности. Какие же титулы превосходства ему остаются? Могущество без равных, говорит автор. Если его превзошли, именно он «заложил краеугольный камень прогресса». Мы всегда будем держаться в религии «за большую интеллектуальную и моральную линию, во главе которой сияет имя Иисуса». Вот великие слова; но рассмотрим их внимательно. В статье, опубликованной всего за одиннадцать месяцев до выхода «Жизни Иисуса» и на которую автор обращает наше внимание, приводя достаточно длинный отрывок в последнем произведении, мы находим такие мысли: мы христиане «даже когда расходимся почти по всем пунктам с христианской традицией, которая была до нас», потому что, фактически, имя Иисуса светит — справедливо или несправедливо — во главе движения цивилизации, которое несет и нас самих.

Правда, автор уже тогда заявил, что впечатления, собранные во время путешествия по Палестине, заставили его придавать большее значение исторической реальности Распятого; но взвесьте, что следует далее: Христианство — это окончательная религия; но откуда оно взялось? Евангелие Иисуса Христа не имело силы в себе; живые воды не текут из источников Иордана. Это кельты и германцы сделали традиции Палестины вечным Евангелием. Оттуда исходит устойчивая сила, которой принадлежит будущее. Хотите пить из источника живой воды? Хотите привязаться к неисчерпаемому принципу моральных возрождений? Не смотрите на Восток; не устремляйте взоры на Назарет и на Голгофу: «Бегите на Север и Запад. Восток никогда не дал ничего лучше нас… Остаемся германцами и кельтами. Храним наше вечное Евангелие — христианство, каким создала его наша зелёная и холодная природа». Эти слова ясны. Они были опубликованы за одиннадцать месяцев до публикации «Жизни Иисуса», и внимательный анализ последнего произведения не обнаруживает серьезного противоречия с ними.

Таким образом, исключительная роль назаретского раввина оказывается в сущности странным случаем, случайностью, которую мышление с трудом осознаёт. Его имя возглавляет величайшее историческое движение современных времён, он имеет несравненную славу; но он остался в прошлом, а прогресс унес нас далеко за него и выше его. Что теперь остается от утверждения, что Иисус не был превзойдён? Та же рука, которая воздвигла столь высокий пьедестал сыну человеческому, беспрестанно занимается подрывом его основ. Я озвучил вам положительные утверждения. Симптомы иного рода вскроют ту же работу. Писатель, рисуя портрет своего героя, приходит (не скажу, что намеренно, а под влиянием господствующего в нём духа) к тому, что сам гасит все лучи его величия. Это направление мысли проявляется в тысячах знаковых черт.

Послушайте: Речь идет о том, кого автор тоже называет Сыном Божьим. Иисус обладает глубокой простодушностью, деревенскими наивностями. Это молодой энтузиаст, миролюбивый странник, который так свободно чувствует себя у края своего очаровательного маленького озера; это восхитительный моралист, остроумный и веселый моралист; самый очаровательный из раввинов; его теология восхитительна. В нем заметно

чрезвычайно тонкое отношение к женщинам; «слава Его Отца внушала ему нечто вроде ревности по отношению ко всем прекрасным созданиям, которые могли бы послужить Ему». Я избавлю вас от более длинного перечня «восхитительный», «очаровательный», «изысканный», «прекрасный», чье повторение уже было замечено публикой. После идиллической и пасторальной эпохи (таковы всегда термины автора) веселый и остроумный моралист первых времен становится «мрачным гигантом», он «превзошел всякую меру», его чрезвычайно страстный темперамент постоянно вырывается за пределы человеческой природы.

Он основывает чувство горечи и печального отвращения к миру; порой проявляет жестокость и странность; его дурное настроение против всякого сопротивления доводит до необъяснимых и на вид абсурдных поступков; он пронизан особым вкусом к преследованиям и мучениям; и подгоняемый страшным нарастанием энтузиазма, он преднамеренно задумал умереть мученической смертью. Дважды г-н Ренан сравнивает Иисуса с участниками французской революции, чтобы оправдать его за невежливость (предполагая, что это Дантон, Сен-Жюст и Робеспьер). Быть существом, имевшим высочайшее сознание Бога, он сначала был идиллическим мечтателем, затем мрачным гигантом, юмористом и неприятным человеком. Видите, как падает идеал, как тот, кого провозгласили величайшим из сынов человеческих, становится малым в развитии своего характера. Нужно продолжать следить за применением той же методики или влияния того же духа в изложении некоторых мыслей Иисуса, больших в утверждениях автора и малых в его объяснениях.

Два великих факта должны поразить всех историков в деле Иисуса Христа. Во-первых, барьеры между социальными классами рушатся: истина должна принадлежать и малым, и смиренным, так же как ученым и великим мира сего; Евангелие, по слову Учителя, провозглашается бедным — это первый факт. Второй — распространение знания о Боге за пределами Палестины, слово, объединяющее человечество в одну семью. Эти факты разделили историю на две части; и никогда не встречалось более высоких мыслей, которым сопутствовала такая сила для их осуществления. Вот объяснения г-на Ренана: Иисус задумал создать утончённый коммунизм. Эта наивная утопия могла быть принята «веселой детворой», которая окружала его в Галилее, маленькими комитетами добрых людей, к которым он сначала обратился. Но невозможно было пойти дальше и ввести в общество в целом, особенно высшие классы, в пути коммунизма, даже самого утончённого.

Иисус это понял. «Он с крайней решимостью смирился с этим, обратился к простым и призвал народ». Он решил объявить Царство Божье отвергнутым в этом мире, жертвам социальной высокомерия, раскольникам и язычникам. Это действительно был гениальный ход. Неспособность договориться с главами синагоги еще больше укрепила его в мысли отменить иудаизм. Великий процесс, который устроил современное общество и окончательно утвердил идею человечности, сводится, в своей основе, к приступу дурного настроения молодого демократа, обращенного против высших классов общества; ибо «учение, что спасутся только бедные, было учением Иисуса». В целом, усилия г-на Ренана направлены на объяснение всей деятельности Иисуса обстоятельствами. Он несколько раз упоминает о силе его воли; говорит о его великой душе; но основной поток мысли идет в другом направлении. У Иисуса были чудесные шансы. Всё ему способствовало, ведь «всё благоприятствует тем, кто помечен знаком; они идут к славе по виду неодолимого и рокового предопределения».

Встреча с неким Йоханаком или Иоанном, «молодым аскетом, полным пыла и страсти», прозванным Крестителем, могла стать роковой для Иисуса. Он мог бы поддаться его влиянию и тогда, вероятно, остался бы «неизвестным еврейским сектантом». Но Иоанн был заключён в тюрьму в подходящий момент, и Иисус, к счастью, вернулся к движению своей личной мысли. Отсутствие полиции, характерное для Иудеи (под римским владычеством),

должно считаться среди самых благоприятных обстоятельств для деятельности новатора из Назарета. Г-н Ренан настаивает на этом весьма заметно, выдает заботы парижского обывателя, живущего при империи. Он знает, что карьера Иисуса была возможна только при условиях этой свободной варварской среды, существовавшей при Тиберии. Всё это — пустяк по сравнению с самой удивительной удачей Иисуса — тем, что его убили вовремя.

«Тон, который он взял, не мог быть выдержан дольше нескольких месяцев; он не мог нести ношу своей божественности до шестидесяти или семидесяти лет, изнашиваясь постепенно под необходимостями невиданной роли». Он совершал ошибки, мы знаем это, «вероятно, многие из его ошибок были скрыты»; он, вероятно, собирался совершить некую ошибку, которая разрушила бы здание его усилий, ведь «человек слишком слаб, чтобы долго нести божественную миссию, и только те непорочны, кого Бог скоро избавил от ноши апостольства». К счастью, его убили, прежде чем случился бы достаточно глубокий падение, чтобы иссушить в своем источнике «божественную жизнь, которую он собирался вести в сердцах человечества». Его прибили к кресту. «Неразумная ненависть его врагов решила судьбу его дела и поставила печать его божественности». Враги Иисуса совершили тяжёлую ошибку. Чтобы остановить его дело, нужно было лишь позволить ему прожить еще несколько лет.

«Оставшийся свободным, он бы истощился в безнадёжной борьбе с невозможным». Наши слепые заботы искажают все правильные пропорции событий. Мы ужасно думаем о предательстве Иуды; «возможно, в его поступке было больше неуклюжести, чем злого умысла». Апостол Петр совершил большой проступок; мы поминаем его отречение, крестясь. Также мы превратили в убийц этих ослепленных фарисеев, которые сами сделали Бога и, возможно, были глупее, чем злые. Я должен настоять, господа, на этой мысли, потому что она действительно одна из опор работы г-на Ренана. Моральная слава Иисуса Христа — прежде всего дело его убийц, которые убили его вовремя ради его славы. В этом отношении нужно привести слова, чья ледяная лирика оскорбляет нечто более серьезное и более тонкое, чем вкус. Иисус на кресте. Он только что сказал: «Отче, в руки Твои отдаю дух мой»; его голова склоняется на грудь, и он умирает. Это момент, который выбирает г-н Ренан, чтобы напомнить свою любимую мысль; он восклицает: «Отдыхай теперь в славе своей, благородный наставник. Твоё дело завершено; твоя божественность основана. Не бойся больше увидеть, как из-за ошибки рушится здание твоих усилий. Теперь, вне досягаемости слабости…» Я останавливаюсь.

Таковы впечатления, которые производит на автора великая сцена Голгофы. Вы замечаете, господа, что здесь мы не спорим об истории или теологии. Я не обсуждаю употребление текстов. Моя единственная цель — показать на протяжении всего анализируемого мной произведения подспудную работу, которая приходит к вполне определённому выводу: «Показать, что религия, основанная Иисусом, была естественным следствием того, что было до неё, — это не умалять её превосходства; это доказывать, что у неё была своя причина быть, что она была законной, то есть соответствовала инстинктам и нуждам сердца в определённый век». Здесь исключение полностью исчезло; тот, кто представлял данный век, естественно, будет превзойдён будущими веками: основатель вечной религии — всего лишь представитель нужд человеческого сердца в определённый исторический период.

Я подытоживаю эти длинные рассуждения. Книга под названием «Жизнь Иисуса» содержит два противоположных направления мыслей. Иисус возвеличен как исключительное и божественное существо, которого никто не превзошёл. В то же время Иисус принижается формальными утверждениями и тысячами приёмов ученого стиля, так, чтобы у читателя сложилось впечатление, что его превзошли во всём, и что закон прогресса естественно требует признать, что в будущем его превзойдут ещё больше, чем до сих пор. Он кажется нам великим лишь потому, что мало прожил и не успел ошибиться. Что же никогда не будет

превзойдённым — так это величие иллюзии, которая сделала его Богом (ибо невозможно придумать более возвышенную иллюзию), и сила этой иллюзии дала плотнику из Назарета имя выше всех имён. Эти два потока идей текут в одном русле; но имеют разную значимость.

В нескольких минутах от Женевы чистые и голубые воды, вытекающие из Женевского озера, принимают песчаные потоки Арва. На мгновение голубая вода и мутная серая вода текут рядом, не смешиваясь. Следуйте за течением: вскоре исчезнет лазурь, и мутная вода речного потока придаст реке общий цвет. Так и для читателя, который отдается впечатлению, произведённому трудом М. Ренана, восхищение Иисусом из Назарета быстро сменяется чувствами иного рода, далекими от поклонения. Если бы вы упрекнули меня в произвольной оценке относительной важности этих двух противоположных потоков, я бы отослал вас к очень поучительной работе М. Хаве; особенно — к общему впечатлению читателей. Если бы противоречие действительно сохранялось, произведение было бы абсолютно несвязным. Недостойное уважения учёных, оно не было бы встречено страстным одобрением партийных людей и не распространилось бы в народе. Популярный успех достигается только благодаря обращению через чёткое течение идей к определённым чувствам; книжники это знают, и писатели тоже.

Теперь, когда основы фактов установлены, я возвращаюсь к своему вопросу и вновь даю ответ: Почему М. Ренан отказывается от всего, что сам же изложил? Почему он старается погасить все лучи, которыми увенчал голову своего героя? Почему, наконец, когда он прославляет Иисуса из Назарета, он в глубине души поступает как древние жрецы, которые венчали цветами жертву, которую собирались вести к ножу? Вот в чём суть: если бы положение Иисуса сохранялось; если бы следовало серьёзно признать в нём исключение из великого закона прогресса; если бы следовало признать чудесную гармонию его дела с прошлым и будущим, видеть в нём центр религиозной истории, признать, что он, подготовленный всем предшествующим, является источником всего последующего; если бы, наконец, серьёзно сохранялись данные, принятые М. Ренаном, то след плана, замысла, направления Провидения был бы настолько очевиден, что разум естественно поднялся бы к Богу.

Но идея свободного и верховного Бога — суеверие. Нужно закрыть разуму пути, ведущие к нему. Нужно уменьшить Иисуса до нашего уровня, его дело — до общих пропорций. Всё, таким образом, возвращено к единому уровню, движение истории кажется управляемым одним и тем же законом, и дух с большим удовлетворением принимает смутное представление о природе вещей, которая производит сама по себе всё, что есть, без замысла и воли. Необходимость Бога кажется менее явной. Таков ключ к книге, которую мы рассматриваем, и, по-моему, единственная серьёзная интерпретация, которую можно дать. М. Ренан утверждает исключительное положение Иисуса в человечестве. Это, без сомнения, отчасти уступка общему мнению, отчасти остаток привычки, отчасти, может быть, результат исторических исследований и личных впечатлений. Но, немного уступая этому потоку идей, автор вовлекается в более мощное течение, которое заставляет его постоянно отступать.

Отрицание верховного Бога управляет им, порой даже без его сознания и доминирует над ним. Ваша книга удивит вас своими поразительными противоречиями, пока, немного углубившись, вы не поймёте, что фундамент произведения чётко содержит мрачную надпись: «Бога нет; не существует бесконечного и всемогущего духа, чья воля могла бы объяснять вещи». Тогда вы поймёте, откуда взялось противоречие. Возьмите, господа, «Жизнь Иисуса». Читайте, исследуйте, размышляйте; и посмотрите, сможете ли вы найти другое решение загадки, которое страницы этого труда неизбежно предлагают внимательному разуму. Признание принципов произведения, перейдём к его последствиям.

Забудем всё сказанное выше. Примем заявления автора такими, какие они есть; и допустим, что исключительное место Иисуса серьёзно сохраняется. Появление Иисуса из Назарета было ключевым событием мировой истории. Его дело имело несравненное значение. Какова была тайна этой необыкновенной силы, характер величайшего духовного действия в мире?

По мнению нашего писателя, Иисус лгал: нам пришлось это признать. Теперь надо добавить: обман был одним из оснований его дела. Вот как развивается эта теза. Иисус был вдохновлен, но и обманщиком тоже. Некоторые натуры (это несомненное психологическое наблюдение) в конце концов, обманываются собственными же хитростями. Иисус оказался запутан в своих же сетях. Трудно сказать, что в его поведении было галлюцинацией, а что — обманом. Он вырос в «опьяняющей среде»; он не всегда контролировал себя, ибо самые прекрасные вещи в мире создаются в состоянии «лихорадки». Его восхищали, лелеяли, и, естественно, чем больше верили в него, тем больше он верил в себя. Он был сыном Востока, и искренность перед самим собой не имеет большого смысла у восточных народов. Его совесть, по вине людей, а не по его собственной, утратила что-то от своей первоначальной ясности. Вот много смягчающих обстоятельств. Но факт остаётся: Иисус основал своё дело во многом на обмане.

«Во все времена Иисус много уступал общественному мнению, принимая многое, что не было в его намерениях или которым он довольно мало дорожил, лишь потому, что это было популярно». Это средство, которое он считал необходимым, чтобы завоевать толпу. Такова общая теза. Вот некоторые детали. Иисус не считал себя сыном Давида; но, так как этот титул был полезен для его целей, ему нравилось, когда ему его давали; ему нравилось, когда маленькие дети устраивали ему маленькие овации, присваивая ему титулы, которые он бы не осмелился взять сам. Когда его спрашивали об этом, он отвечал уклончиво. Ещё один подробный момент. Вы знаете, как поступают некоторые лунатики, претендующие на ясновидение. Они собирают много сведений о жителях мест, где ведут свою деятельность, и убеждают клиентов в своей сверхъестественной силе, раскрывая частные обстоятельства их жизни. Так поступал и Иисус Христос, по-видимому.

Цитирую: «Иногда Иисус пользовался невинным приёмом... Он делал вид, что знает о человеке, которого хотел завоевать, что-то интимное или напоминал ему о событии, дорогом его сердцу... Он давал поверить, что откровение сверху открывает ему тайны и раскрывает сердца». Вы признаете, что здесь восторг сильно уменьшается, и мы остаёмся лицом к лицу с приёмами интригана. Ещё один момент. «Иисус был революционером высшего порядка». В некоторых отношениях Иисус — анархист, ибо у него нет никакого понятия о гражданском управлении. Это управление кажется ему просто и чисто злоупотреблением. «Иисус был молодым еврейским демократом, глубоко раненым почестями, которыми окружали царей». Одним из образов, которыми он представлял себе Царство Божие, было «моральное судопроизводство мира, возложенное на совесть праведного человека и на руку народа». Но он понял, что выражение этих чувств поставит его под угрозу, и притворился, что уважает установленную власть, чтобы не потерять общественное мнение. «Его подчинение установленной власти было по сути насмешкой, но формально полным».

Отдайте кесарю кесарево, а Богу божье — на этих словах построено современное общество; автор это знает и говорит об этом. Поэтому это слова, по сути насмешливые, которые стали «зачатком настоящей цивилизации». Перейдём к главному вопросу. Иисус жил в стране, где верили в чудеса, и скоро понял, что ему придётся «либо отказаться от миссии, либо стать чудотворцем». Он стал чудотворцем. Верил ли Иисус сам в чудеса? Автор говорит «да», а в другом месте — «нет», как обычно у него бывает. В любом случае, он их творил. Сначала — неохотно и как будто вопреки себе, но постепенно привык к этому;

и когда его называли сыном Давида, «он с наилучшей любезностью совершал чудеса, которые у него просили, обращаясь к нему таким образом». Ничего не упустим. По мнению автора, многие чудеса Иисуса были естественными и вполне простыми явлениями. Он исцелял больных своим присутствием, улыбкой, словом надежды. Кто осмелится сказать, «что во многих случаях, и помимо явных повреждений, прикосновение изысканного человека не стоит ли ресурсам аптеки?» Но это не объясняет всего — он добавил искусство к природной силе взгляда и голоса.

Он рассчитывал шансы, и эпоха, в которой он жил, заставляла его на это, он сдался, стал чудотворцем сознательно и решительно применял средства для этого. Приходим к рассказу о воскрешении Лазаря, к строкам, которые читались у многих гробов, которые утешали многие горести, поднимали к небу многие грустно опущенные взгляды на землю. Для М. Ренана воскрешение Лазаря — факт, окутанный некоторой неясностью; но он придерживается мысли, что это была постановка. Друзья Иисуса нуждались в великом чуде. Живой Лазарь позволил себя завернуть в пелены, как мёртвого, сестры вошли в заговор; Иисус воспользовался этим. Господа, если бы сказали, что эта сцена — легенда, рожденная благочестивым воображением и наивной верой, но без обмана в своей наивности; если бы сказали, что этот рассказ — символ, в котором инстинкт бессмертия одновременно искал и находил удовлетворение, я бы признал, что это тезисы, достойные серьёзного обсуждения. Но когда нам говорят, что эта вся пропитанная слезами человечества страница могла быть плохой комедией; что актёры этой сцены, которая за восемнадцать веков тронула столь многие души, были, возможно, разновидностью шарлатана и его сообщниками, то я протестую и не вступаю в дискуссию.

Я протестую от имени совести, раненой в своих самых законных чувствительных точках; я не обсуждаю, потому что есть конфликты, на которые достоинство человеческого разума не позволяет опускаться. Иисус, следовательно, обманул. Автор этой книги стал лицом к лицу с Иисусом Христом и ничто его не удержало, ни собственные заявления, ни вера христианских народов, ни песнь поэтов, от Данте до Клопштока и Ламартина, ни великая семья художников, которые с Джотто до Ари Шеффера запечатлели на холсте великолепное евангелие искусства; ничто не удержало. Он окунул перо в чернила; и рука его не дрогнула, когда на славном и чистом челе сына Марии он написал: Ложь! Мы не должны здесь, повторяю, входить в дебаты, которые касаются непосредственно христианской веры. Но разве нельзя сказать, что обожествление Иисуса, сделав его высшей вершиной человеческой природы, существом с высочайшим сознанием Бога, а затем показывать, что для основания своего дела он прибегал к хитрости и шарлатанству — это оскорбление человеческой совести? И это не всё.

Иисус обманул — это первая теза автора. Ничего великого в мире не сделано иначе как обманом; это его вторая ясно сформулированная теза. Те, кто обманывает ради осуществления великих проектов, не виновны — это его третья теза. Я снова открываю книгу, возможно, кто-то здесь не поверит мне на слово: «Все великие дела делаются народом; а народ ведут, только соглашаясь с его идеями. Тот, кто берёт человечество с его иллюзиями и стремится действовать на него, не может быть осуждён. Нам, бессильным, легко назвать это ложью и, гордые своей робкой честностью, презирать героев, которые приняли борьбу жизни в других условиях. Когда мы со своими скрупулёзными сомнениями сделаем то, что они сделали со своими ложами, мы будем вправе сурово их судить... Единственный виноватый в таком случае — человечество, которое хочет быть обманутым». (253–254)

Невозможно не признать здесь теорию успеха — оправдание всех средств, которые достигают результата. Трудно без грусти отмечать эту философию лжи. Эта философия ошибочна, господа; она — результат поверхностного мышления. Да, если ограничиваться

первыми впечатлениями, то можно вести людей, платя им словами, действуя на них лживыми уступками; много слава, много влияния, многие временные триумфы, кажется, оправдывают теорию, что добро и истина не достаточно для успеха, и что для достижения успеха среди людей «нужны пути менее чистые». (92) Да, несомненно, бывают нечистые успехи; но берегитесь думать, что это окончательный итог. Те, кто так думает, никогда не читал великих страниц человеческой истории. Окончательные триумфы, те, которые управляют миром, несмотря на все его падения, принадлежат истине — истине, утверждённой в страдании, истине, утверждённой тогда, когда нужно — в мученичестве.

Ошибка и ложь имеют день; века принадлежат истине, и именно на вере строится будущее... Нет! Нет! Рампы оперного театра — не солнце. Среди шума большого города, в вечер опьянения, можно поверить в окончательную силу обмана; но при большом и спокойном свете истории скоро узнаёшь, что такого рода успехи всегда мимолётны, и что наш мир, несмотря на все свои бедствия, — это театр прогресса и триумфа вечной истины. Вот чему не верит г-н Ренан, и к своему несчастью. Он говорит хорошо, знаю, в одной запутанной фразе философа, который утешается случайностью человеческих дел и успокаивается мыслью о божественной цели, к которой стремится мир, несмотря на всеобщую тщету. (29) Но всё его произведение гасит надежду на божественную цель и оставляет под впечатлением всеобщей тщеты. Он не верит во власть истины. В его мысли «лучшие дела побеждаются только плохими причинами». (258)

Ошибка, иллюзия, обман основали дело Иисуса Христа. Он однажды говорит, что легендарная оболочка содержала зерно жизни; (282) но напрямую приписывает ошибке именно действие — фундаментальное действие Евангелия. Что сделало Иисуса «сильным против смерти и поддержало его в борьбе, в которой он, возможно, был бы неравен, — это его мечта». (283) Душа Евангелия, вы хорошо понимаете, — это химера. (125) Христианские надежды — мечта; и именно этим живут до сих пор религиозные души. «Мечта была так прекрасна, что человечество живёт ею до сих пор, и наше утешение — собирать ослабший её аромат». (193) Перед таким текстом невозможно предложить две разные интерпретации. Человечество жило мечтой, его утешает ослабший аромат мечты, и для утверждения влияния этой мечты Иисус пользовался ложью. И это не просто факт. Ошибка была необходима делу Иисуса Христа. Она есть и всегда будет необходима всякому энергичному действию; таков закон.

Истина сама по себе бессильна. Не забывайте, что, уважая истину, нельзя оказать мощного влияния на мир. Это мелкие программы «разумных буржуа» (125), а для того, чтобы действовать на человека великим образом, нужны не буржуазные скрупулы. Теперь обратите внимание, господа, на неизбежную цепь мыслей: дело Иисуса Христа — главное событие истории, вечный источник нравственных возрождений, окончательная религия. Это дело получило свою силу от мечтаний и химеры, которые лежат в основе доктрины, исповедуемой христианами, и от идеи сверхъестественной миссии Иисуса, идеи, основанной на двойной базе — доверчивости и обмане. Все великие духовные влияния проявлялись и будут проявляться в сходных условиях. Это один из законов вселенной. Вот философия истории.

Теперь сделаем вывод. Если истина бессильна; если мир окончательно принадлежит шарлатанам; если успехи, достигнутые нечистыми путями обмана, не являются нарушением порядка и не вызывают у благородных душ горькой печали и постоянной борьбы; если это истинный основной смысл истории и сама природа вещей — к какой мысли мы придём? В начале вселенной нет ни истины, ни святости: Бога нет. Видите, здесь на кону не только интересы школы, церкви или даже всего христианства; здесь дело Бога в самом широком смысле этого слова; здесь дело совести. Позвольте мне высказать здесь пожелание, которое я вынашиваю давно. Я хотел бы, чтобы человек, явно чуждый всяким церковным

интересам, не защитник христианского догмата, но судящий о тенденциях г-на Ренана так же, как и я сам (знаю, что такие люди есть среди выдающихся французских литераторов, знаю это наверняка), выступил бы, сказал бы громко и дал понять всем, что эта книга, эта плохая книга, заключает в себе то же оскорбление, которое она посылает Иисусу Христу, Богу и человеческой совести.

Изучая книгу «Жизнь Иисуса», мы нашли в её принципах отрицание суверенного Бога, причины и Провидения Вселенной; теперь мы видим, что из её следствий выходит отрицание Бога истины и святости. Нужно ли множить доказательства? После сказанного, нужно ли добавлять, что идея Отца, основа братства человеческого, отсутствует в этом труде? Четыре года назад, в этом же месте, я говорил о том же писателе и отмечал в его произведениях одно из самых печальных чувств человеческого сердца — чувство, наиболее несовместимое с верой в Небесного Отца, — презрение. «Интеллектуальное возвышение, — сказал г-н Ренан, — всегда будет уделом немногих; при условии, что эти немногие могут свободно развиваться, им будет безразлично, как остальные соотносят Бога с их уровнем». И далее: «Будучи наблюдателем во вселенной, мыслитель знает, что мир принадлежит ему только как объекту исследования, и даже если бы он мог его реформировать, возможно, ему бы это было так интересно, что у него не нашлось бы мужества».

Эти высокомерные чувства, это безразличие к мыслям простых людей — не новы. Как говорил Руссо, «как бы ни было, это всё равно, сказал себе мудрец, лишь бы я мог спокойно жить в своей хижине». Вольтер сказал: «Есть несколько философов — вот лица ангелов; всё остальное похоже на лица зверей». Было бы легко найти, ещё выше, в древности, традицию презрения. Новым является приписывать такое чувство Иисусу Христу. «Убедившись, что нынешний мир не заслуживает заботы, Иисус основал великое учение о преходящем презрении, истинное учение о свободе душ». (119) Это Сын Марии, о котором мы всегда слышали, что он ходил из места в место, делая добро, — здесь он представлен как глава тех мудрецов, освобождённых от всех земных забот и не заботящихся о ближних. Я не настаиваю. Одна из мыслей, которую лелеет г-н Ренан, — Иисус был более любим, чем любил сам (73), и в развитии своего характера он пришёл к тому, что попрал всё человеческое: кровь, любовь, родину. (43)

Эта мысль проявляется в настолько возмутительной детали, что почти стыдно её приводить. Иисус на кресте. Посреди агонии, склоняя взгляд на женщину, которая носила его в утробе, он поручает её заботам любимого ученика, говоря: «Женщина, вот сын твой», а ученику: «Вот мать твоя». Знаете ли вы, как комментирует это автор? Эти слова, вероятно, не аутентичны. И почему? Потому что у Иисуса был слишком возвышенный характер, чтобы можно было предположить, что в такой момент он думал о матери. Величие Иисуса, по мнению автора, тем более очевидно, что оно сильнее разрывает с глубокими и чистыми чувствами человечества. Он обвиняет Иисуса в излишествах, когда тот требует любви к врагам и молитвы за гонителей (82, 83), и тогда выступает в защиту человеческой природы; но думает, что высота характера Иисуса должна была вознести его над узами сердца, связывающими сына с матерью.

Вот важная деталь. Писатель (в книге всегда присутствует двойной поток мыслей) хвалит своего героя за то, что он установил «братство людей — сынов Божьих». (81) В разговоре с Самарянкой о поклонении в духе и истине «Иисус был поистине Сыном Божьим»; (234) но страница, на которой восхищение достигает апогея, — это та, где Иисус из Назарета провозглашается превосходящим в острой насмешке не только Сократа, но и Мольера. Тогда Он становится вполне Богом: «Бог один умеет так убивать. Сократ и Мольер только касаются поверхности. Этот (Иисус) проникает огнём и яростью до самых костей». (334) Презрительные чувства, которые не могли замолчать даже в присутствии Сына Марии, возможно, являются самым печальным чертом этой печальной книги. Если бы читатель

поддался импульсу, который она порой вызывает, можно было бы прийти к двойному результату:
— потушить веру в Бога, убедив человечество, что ничего выше его не существует;
— научить мудрецов презирать своих ближних, потому что есть лишь небольшое число людей, достаточно высоко поднявшихся, чтобы осознать собственную ценность, а остальные — просто стадо, которое природа сделала пастухами.

Теория презрения, важно заметить, не случайна в мыслях автора, а является одним из краеугольных камней его доктрины. Судите сами: «Человечество в целом представляет собой сборище низменных, эгоистичных существ, превосходящих животных лишь тем, что их эгоизм более осознан. Но среди этой однообразной вульгарности поднимаются к небу колонны, свидетельствующие о более благородной судьбе». (457) С другой стороны, «все великие дела совершаются народом, а народ ведут, лишь соглашаясь с его идеями». (253) Что же сделает это небольшое число людей-колонн, одних, поднявшихся выше массы, но неспособных возвысить массу до своего уровня? Они замкнутся в чувстве своего одинокого превосходства. Но если у них возникнет амбиция, им придётся обмануть толпу, чтобы её вести. Вот как теория легитимной лжи непосредственно связана с доктриной трансцендентного презрения.

Возможно, всё это вас глубоко удивит. Те из вас, кто не читал книгу г-на Ренана, будут склонны, если не обвинить меня в клевете, то, по крайней мере, подозревать в слепых предубеждениях; а те, кто читал её поверхностно, тоже могут быть склонны к такому же. «Жизнь Иисуса» — атеистическое произведение! Какой парадокс! Какая страсть! Какое ослепление! Книга, которая на каждой странице говорит о Боге, Отце, идеале, Царстве Небесном! Я уже говорил и повторяю: в этой книге два течения; но из этих двух течений одно находится в словах, другое — в самой сути идей. Нужно объяснить этот парадокс более подробно.

Г-н Ренан прямо заявил, что когда он говорит «Бог», «бессмертие», это хорошие старые слова, которые философ оставляет, меняя их смысл, потому что он не может выгодно их заменить. Однажды, вероятно, чтобы точнее выразить свою мысль, он использовал слово «бездна» как синоним Бога. Перевод оказался неудачным, судя по реакции публики, и автор вернулся к своей прежней системе. Он пользуется старыми словами, меняя их смысл, и таким образом удаётся покрыть атеизм мантией, усыпанной яркими знаками. Возможно, он обманывает сам себя. Возможно, слова, которыми он пользуется, сохраняют для него некий престиж его прежней веры и скрывают от него самого бездны небытия, на которых держится его мысль. Возможно, он становится, в незаурядной степени, жертвой той «темноты человеческого сердца, которое часто не знает, чего хочет, и которое не менее скрытно и обманчиво для самого себя, чем для других».

Во всяком случае, вот моё суждение о книге, о которой я говорил, и о литературной личности её автора. Я считаю книгу плохой, а влияние автора вредоносным.